

[Polaris]

ПОД

ПЛЯЩОМ САТЯНЫ

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXVIII

Salamandra P.V.V.

ПОД ПЛАЩОМ САТАНЫ

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Под плащом Сатаны: Современный роман. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 65 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXVIII).

В центре анонимного романа «Под плащом Сатаны» (1926) – аристократ-авантюрист и сыщик-любитель князь Сергей Ренин, расследующий убийства, похищения и другие загадочные происшествия в разных уголках Европы. Роман продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

**ПОД
ПЛАЩОМ
САТАНЫ**

Старый НАРВСКИЙ Листокъ

Реданція и главная контора:
NARVA, Suur tänn., (Вышгородская ул.) № 7.
Отдѣленіе конторы и экспедиція: Suur tänn., 1.
Телефонъ 65.
Редакторъ принимаетъ отъ 1 — 2.
Главная контора открыта отъ 9—5.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Основанъ Н. К. Грюнталь въ 1898 г.

**Выходитъ по вторникамъ,
четвергамъ и субботамъ.**

Подписная плата:
съ доставкой на 1 мѣс. 76 м., безъ доставки на 1 мѣс. 66 м.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:
1 м/м. въ 1 ст. на 4-8 стр. 3 м.
1 м/м. въ 1 ст. на 1-3 стр. 8 м.
1 м/м. въ 1 ст. въ текстъ 6 м.

Л 3 (47)

Старый Нарвскій Листокъ

1926 г.

Со слѣдующаго номера

(въ четвергъ, 14-го сего января) **начинается печатаніемъ** въ нашей газетѣ
новый сенсационный романъ съ крайне увлекательнымъ сюжетомъ

ПОДЪ ПЛАЩЕМЪ САТАНЫ

Читателямъ большая бесплатная премія — **10.000 марокъ** наличными деньгами.

За **10.000** марокъ

Вы сами себѣ хозяинъ.

Издательство газеты „Старый Нарвскій Листокъ“ назначило г. г. подписчикамъ и всѣмъ читателямъ новаго сенсационнаго романа

„ПОДЪ ПЛАЩЕМЪ САТАНЫ“

большую бесплатную премію въ

10.000 марокъ наличными деньгами

или, по желанію, новую

швейную машину „ЗИНГЕРЪ“

которая будетъ разыграна въ 1-ой половинѣ 1926 г.

Всѣ подписавшіеся на цѣлый годъ, получаютъ 3 билета на право участія въ розыгрышѣ, подписавшіеся на 1/2 года — 2 билета.

Остальные читатели, по предъявленіи отрывныхъ купоновъ, прилагаемыхъ въ каждому номеру газеты, получаютъ по одному билету.

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

1.

Украденная графиня.

— Что графиня уже вернулась?
— Никакъ нѣтъ, ваше сіятель-

ство.
Дворецкій ступилъ шагъ впередъ и подалъ графу на серебряномъ поднось конвертъ, оставаясь стоять въ нерѣшительности.

— Нуженъ отвѣтъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство.

Дворецкій маялся на мѣстѣ.

— Долженъ доложить вашему сіятельству, что... что случилось нѣчто необычайное. Карета вернулась безъ графини, причемъ лакеи утверждаютъ, что они были въ полной увѣренности о нахожденіи графини въ ней.

— Что это означаетъ?

— Я и самъ не понимаю; не соизволить ли графъ приказать позвать кучера.

— Пришлите его ко мнѣ наверхъ.

Когда дворецкій ушелъ и графъ остался одинъ, онъ выразилъ признаки извѣстнаго безпокойства и даже легкаго недовольства. „Я же сказалъ ей, что сегодня у насъ обѣдаетъ князь и другіе гости.“

Пришелъ дворецкій и привелъ съ собой не только кучера, но и лакея. Оба они были въ удрученномъ состояніи. Графъ испытывающе посмотрѣлъ на нихъ. Голосъ его звучалъ раздраженно.

— Въ чемъ дѣло?

Кучеръ глубоко втянулъ въ себя воздухъ.

— Извините, ваше сіятельство, мы ждали графиню у моднаго магазина Бонелли. Ея сіятельство вышла, сѣла въ карету, Гарри закрылъ дверцу и ея сіятельство приказала: „Домой“ и когда мы пріѣхали, ея сіятельства въ ней не оказалось.

— Гдѣ не оказалось?

— Въ каретѣ, ваше сіятельство.

— Что это должно означать? Ея

сіятельство вѣдь сѣла въ карету и вы закрыли дверцу, не такъ-ли?

— Такъ точно. Ея сіятельство вышла изъ магазина. Она казалось очень спѣшащей. Сѣла въ карету и приказала: „Домой, Гарри!“ Я закрылъ дверцу и Джонъ поѣхалъ прямо домой. По дорогѣ мы нигдѣ не останавливались и не замѣтили ничего необыкновеннаго. Но когда прибыли домой, карета оказалась пуста.

Графъ былъ удивленъ.

— Вы хотите сказать, что графиня покинула карету, когда вы мчались по улицамъ, не сказавъ вамъ ни слова и такъ что вы ничего не замѣтили?

— Карета была пуста, когда мы прибыли домой, ваше сіятельство.

— Вы, ребята, подстроили ловкую штуку. Здѣсь что-то кроется. Вы не взяли графини съ собой и хотите теперь убѣдить меня въ обратномъ, чтобы доказать свою виновность.

Джонъ поднялъ руку.

— Могу поклясться надъ Библией, что ея сіятельство сѣла въ карету у дверей магазина Бонелли.

Гарри въ свою очередь подтвердилъ:

— И я могу поклясться въ этомъ,

Она сѣла въ карету, я закрылъ дверцу, и ея сіятельство приказала: „Домой, Гарри“.

— Какая карета была у васъ?

— Закрытая карета ея сіятельства.

Дворецкій добавилъ:

— Ввиду того, что ея сіятельство чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, а погода была вѣтренная, то было приказано взять закрытую карету.

Графъ вспыхнулъ

— Какое же это имѣетъ отношеніе къ дѣлу? Или вы хотите этимъ сказать, что графиня легче было выпрыгнуть на ходу изъ той кареты, чѣмъ изъ какой либо другой.

Внезапно взгляды графа упали на письмо, поданное дворецкимъ. На немъ стоялъ адресъ: „Его сіятельству графу Дорэ. Лично! Очень спѣшно!“

Графъ разорвалъ конвертъ, изъ котораго выпало на столъ нѣчто похожее на локонъ женскихъ волосъ. Письмо было слѣдующаго содержания:

„Ваше сіятельство будутъ настоль любезны и принесть въ теченіе одного часа, считая съ момента полученія сего,

пятьсотъ фунтовъ (500. —.) къ Аркадамъ въ концѣ Пикадилли. Графиня похищена. Лже-графиня сѣла въ карету, которая ожидала у Бонелли, и на ходу выпрыгнула съ нея. Въ случаѣ ваше сіятельство не намѣренъ исполнить вышеприведенной просьбы — у графини будетъ отрѣзанъ мизинецъ лѣвой руки и присланъ домой,

Безплатная премія.

Издательство газеты

„Старый Нарвскій Листокъ“

назначило большую бесплатную премію всѣмъ читателямъ помѣщаемаго съ 14-го января въ нашей газетѣ новаго сенсационнаго романа

„Подъ плащомъ сатаны“.

чтобы принять князя во время обѣда. Другія части ея сіятельства послѣдуютъ. При семъ локонъ графини для подтвержденія серьезности нашихъ намѣреній,

Итакъ, ваше сіятельство просить явиться съ пятьюстами фунтовъ золотомъ въ пять часовъ 30 минутъ въ вышеуказанное мѣсто. Тамъ подойдетъ къ Вамъ господинъ въ цилиндрѣ и съ розой въ петлицѣ. Вы имѣете возможность арестовать его или послать вслѣдъ за нимъ полицію. Въ такомъ случаѣ у графини будетъ отрѣзана лѣвая рука по плечо и доставлена къ обѣду домой — не говоря уже о другихъ мѣрахъ. Если вамъ угодно вручить указанному господину 500 фунтовъ, тогда графиня будетъ сама дома принимать князя и можетъ разсказать своимъ высокопоставленнымъ гостямъ столь интересную исторію, каковой тѣ еще не слышали“.

Графъ привыкъ въ совершенствѣ владѣть собой, но это посланіе было даже для него слишкомъ. Онъ перечелъ письмо еще разъ, руки его опустились и проклятіе вырвалось изъ устъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4.)

Графъ взялъ локонь, который выпалъ изъ конверта. Неужели это на самомъ дѣлѣ волосы его супруги? Неужели, въ действительности, возможно, что среди бѣла дня, въ центрѣ мировой столицы, похищаютъ графиню Дорэ и потомъ частями извращаютъ ее домой? Онъ повернулся въ сторону Джона и Гарри готовый разорвать ихъ на куски.

— Вы негодяи!

Онъ сдѣлалъ движеніе, будто ему пришла мысль убить ихъ на мѣстѣ. Если это было такъ, его желаніе осталось не исполненнымъ. Онъ протянулъ лишь руку, словно призывая ихъ къ клятвѣ.

— Можете-ли вы поклясться, что та дама, которая сѣла у Бонелли въ карету, была графиня?

Джонъ отвѣтилъ запинаясь:

— Я... я... могу поклясться, ваше сятельство, что я... я... думалъ... Графъ вскричалъ:

— Я не спрашиваю, что вы думали. Я спрашиваю: можете-ли вы поклясться, что эта была она?

Гнѣвъ графа ошеломилъ Джона. Онъ молчалъ. Гарри выказалъ больше смѣлости.

Дворецкій, въ раздумьи, предложилъ:

— Прикажете послать за полиціей?

— И это все, что вы можете мнѣ предложить?

— Можетъ быть, въ такомъ случаѣ, ваше сятельство, намѣренъ вручить имъ пятьсотъ фунтовъ.

Раньше, чѣмъ графъ успѣлъ отвѣтить, вошелъ слуга съ новымъ письмомъ. Крикъ изумления вырвался у графа, когда онъ взглянулъ на него: какъ конвертъ, такъ и почеркъ были тѣ-же, что и у перваго письма.

— Еще одинъ обманъ! — вскричалъ въ гнѣвъ графъ, вскрывая конвертъ, въ которомъ находились листокъ бумаги и другой конвертъ. На листкѣ стояло:

«Ея сятельство такъ трогательно проситъ дать ей возможность написать Вамъ, что нѣтъ силъ ей отказать въ этомъ. При семъ письмѣ ея сятельства, орошенное ея слезами».

Вложенный меньшій конвертъ былъ надписанъ красивымъ, хорошо знакомымъ графу, почеркомъ.

— Почеркъ Иветты, — произнесъ графъ, вскрывая дрожащими пальцами конвертъ.

«Дорогой Жоржъ! Ради Бога исполни требованіе этихъ людей! Я не знаю, что случилось и гдѣ я нахожусь, но я не далека отъ сумашествія. Они уже срѣзали локонь моихъ

волосъ и грозятъ также отрезать мой мизинецъ, если ты къ половинѣ шестого не доставишь пятьсотъ фунтовъ. Я лучше умру, чѣмъ позволю отрезать себѣ палецъ и — Богъ знаетъ еще что. Посылаю тебѣ при этомъ мой талисманъ, котораго еще никогда не снимала со своей груди и заклиная тебя помочь мнѣ. Жоржъ, спаси меня!

Иветта.»

Прочитавъ письмо, графъ сдѣлалъ блѣднѣе бумаги, которую держалъ въ рукѣ. Онъ вынулъ изъ конверта какую то вещичку и показалъ ее дворецкому.

— Если письмо не отъ графини, то какимъ образомъ попало это сюда? Это — монетка, которую я подарилъ графинѣ при помолвкѣ. Видите, въ ней дырочка; это сдѣлано мною. Ну, что скажете теперь?

Дворецкій молчалъ; наконецъ онъ спросилъ:

— Что ваше сятельство думаетъ предпринять?

— Я думаю съ вашего разрѣшенія освободить графиню изъ рукъ моего уважаемаго корреспондента. Я думаю, она такъ съ вашего разрѣшенія, исполнитъ покорнѣйшую просьбу этого мерзавца и отнеситъ пятьсотъ фунтовъ золотомъ.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—5.)

Графъ сдѣлалъ паузу и потомъ продолжалъ шопотомъ, отъ котораго мурашки прошли по спинѣ дворецкаго:

— Ну и покажу-же я имъ потомъ.

2.

Съ глазу на глазъ.

Выйдя изъ банка, графъ Дорэ на секунду остановился. Въ рукѣ онъ держалъ портфель съ пятьюстами фунтовъ. Къ нему подошелъ случайно проходившій мимо племянникъ Никсъ. Когда послѣдній спросилъ графа о причинѣ его удрученнаго состоянія и узналъ въ чемъ дѣло, то пронесъ:

— Не слышалъ, чтобы подобныя вещи случались-бы часто. Говорятъ же, что у того или другого украли пуделя, но графиню... Дорогой дядя, не лучше-ли вернуться тебѣ домой?

Ссора кончилась тѣмъ, что Никсъ пошелъ вмѣстѣ съ графомъ. Дойдя до Аркада въ концѣ Пикадилли, она остановились.

— Надѣюсь, что не заставилъ ждать себя, — раздался голосъ за ихъ спиной. Говорившій, очевидно, вышелъ изъ какого-нибудь магазина.

По наружности онъ походилъ на джентельмена. Костюмъ и манеры были безупречны даже въ глазахъ такихъ требовательныхъ господъ, какъ графъ съ племянникомъ. Шикъ лондонскаго денди довершали блестящій цилиндръ и роза въ петлицѣ. По годамъ незнакомецъ врядъли вышелъ изъ юности, съ красивымъ лицомъ и голубыми глазами. Улыбка его была ижна, даже невинна. Впечатлѣніе онъ производилъ изысканно-симпатичное.

— Кто вы такой? — спросилъ графъ.

— А — это и есть вопросы! Я человекъ, оказавшійся въ столь скверномъ положеніи, что мнѣ безусловно необходимы пятьсотъ фунтовъ.

— Это вы и есть тотъ негодяй, который прислалъ мнѣ угрожающія письма?

Любезный незнакомецъ не моргнулъ даже глазомъ.

— Я тотъ негодяй, который долженъ былъ, согласно письму, встрѣтиться съ вами у Аркада; доказательствомъ этого — мой цилиндръ и роза.

— Гдѣ моя супруга?

— Ея сятельство будетъ ко времени вашего прихода дома, если вы

передадите мнѣ деньги, которая, очевидно, у васъ тамъ въ портфелѣ.

— Но если я, вмѣсто того, скажу васъ за горло и задушусь?

— Или отдишь его подѣ оплеку ближайшаго полисмена, — добавилъ отъ себя Никсъ.

Незнакомецъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Какъ въ письмѣ уже было указано, ваше сятельство имѣетъ возможность приказать арестовать меня. И почему-бы, въ самомъ дѣлѣ, этого не сдѣлать? Только, — онъ савалъ это съ дѣтской улыбкой, — если къ извѣстному сроку, въ извѣстное мѣсто, не поступитъ извѣстнаго увѣдомленія, то бѣлая ручка графини Дорэ будетъ отрублена.

— Собака!

Незнакомецъ слегка пожалъ плечами:

— Не теряемъ-ли мы напрасно время? Могу заверить ваше сятельство, что въ данномъ случаѣ каждая минута дорога.

— Послушайся моего убѣдительнаго совѣта, дядя: крикни полисмена, который тамъ идетъ, и передай этого господчика на его попеченіе.

— Дорогой графъ, поступайте же по этому умному совѣту — и почему-бы нѣтъ? Было бы, вѣдь, интересно увидѣть — потеряетъ графиня руку или нѣтъ. Пускаютъ же подобныя вымогатели въ ходъ такіе приемы и пустяги угрозы. И вамъ доставило-бы удовольствіе видѣть меня сидящимъ въ тюрьмѣ,

что исполнѣ возмѣстило-бы потерю руки графиней. А вотъ и полисменъ; и окрикну его. Эй, полисменъ!

Этотъ безупречный, вѣжливый молодой человекъ казался усмѣхающимся мефистофелемъ. Улыбка его пугала графа сильнѣе самыхъ страшныхъ угрозъ.

Подошедшій къ нимъ полисменъ обратился къ позвавшему:

— Вамъ угодно, сударь?

— Мнѣ ничего не угодно. Думаю, что вы нужны графу, — сказалъ онъ, указывая въ сторону послѣдняго.

Графъ поблѣднѣлъ. Всѣ молчали. Никсъ хотѣлъ открыть ротъ, но графъ схватилъ его за руки и произнесъ:

— Нѣтъ, полисменъ, вы мнѣ не нужны. Этотъ... этотъ... господинъ ошибается.

Читайте романъ

„Подъ плащомъ сатаны“

Когда полисменъ удалился, графъ сказалъ:

— И если я дамъ вамъ эти пятьсотъ фунтовъ...

— То графиня будетъ въ теченіе часа дома.

Графъ протянулъ незнакомцу портфель.

— Тысяча благодарностей, милый графъ, и даю вамъ свое честное слово, что вы въ самомъ скоромъ времени увидите со своей супругой.

(Продолжение слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, с.ч. № 4—6.)

Когда графъ съ Никсомъ вернулся домой, его первымъ вопросомъ было:

— Что графиня вернулась?

Слуга отвѣтилъ отрицательно. Графъ поблѣднѣлъ. Они стали подыматься по лѣстницѣ и когда дошли до послѣдней ступени, снизу вдругъ раздалось:

— Жоржъ!

— Иветта!

Графъ бросился внизъ, перепрыгивая черезъ три ступени. Черезъ минуту они были другъ у друга въ объятіяхъ. Посмыкался графъ въ сторону.

— Жоржъ, — вскричала графиня, — ты еще живъ? Ты сильно пострадалъ? Что это фурунъ былъ или же телѣга?

— О чемъ ты говоришь, моя дорогая?

Графиня протянула ему визитную карточку графа, на которой стояло:

Иветта, приди вмѣстѣ съ попутелемъ сего. Они говорятъ, что меня нельзя везти домой.

— Я пошла вмѣстѣ съ доставившимъ визитку, который объяснилъ, что когда ты выйдешь съ биржи, тебя переѣхало телѣгой, по всей вѣроятности мебельнымъ фугономъ. Онъ повелъ меня въ податное управленіе, находящееся вблизи биржи, куда, по его словамъ, ты была, якобы, доставлена и самъ неизвестно куда исчезъ. Домъ былъ страшно большой, полонъ отдѣленій и комнатъ по которымъ я тебя все время искала. Но ввиду того, что о тебѣ никто ничего не зналъ, я въ концѣ концовъ, вернулась домой.

— Значитъ ты не была похищена?

— Похищена?

— Слово, которое я произнесъ, было: „по-хи-ще-на“. Я могу его написать на бумагѣ, если пожелаешь. Я могу доставить словарь, гдѣ ты можешь его прочесть. А теперь скажи, откуда ты прислала это письмо.

— Но, вѣдь, это же совсѣмъ не мой почеркъ!

— А этотъ локонъ?

— Ничего похожего на мои волосы!

Хотя послѣднее было невѣрнымъ: цвѣтъ ихъ былъ точно схожъ съ цвѣтомъ волосъ графини.

— Ну, а эта монетка — талисманъ?

Графиня провела рукой вокругъ шеи и вытащила свой талисманъ, который оказался въ неприкосновенности.

— Слушай, тетя Иветта, въ этой пустотѣ, — началъ Никсъ, — которая царитъ въ головѣ твоего мужа, начинается зарождающееся подозрѣніе, что онъ совершенно напрасно, совершенно не знакомому человѣку въ цилиндрѣ вручилъ пятьсотъ блестящихъ золотыхъ и... что ты смѣешься, дядя? Идя за твоимъ гробомъ, я еще разъ улыбаюсь. Да, безконечна глупость человѣка, въ особенности влюбленнаго въ свою жену и... что ты смѣешься, тетя!

— Жоржъ, — вскричала графиня, обращаясь къ мужу, — представь себѣ, какъ теперь этотъ человѣкъ смѣется надъ тобой! И графъ представлялъ...

3.

На вершинѣ башни.

Гортензія Даніель пріоткрыла окно и прошептала:

— Вы здѣсь, Росиньи?

— Я здѣсь, — раздался голосъ въ кустахъ, прилегающихъ къ замку. Она немного наклонилась и увидѣла довольно полного человѣка, который поднялъ по направлению къ ней свое широкое красноватое лицо, обрамленное русой бородой.

— Ну? — проговорилъ онъ.

— Вчера у меня произошло цѣлое сраженіе съ дядей и съ теткой, они окончательно отказываются подписать соглашеніе, посланное имъ моимъ нотариусомъ, и отдать мнѣ приданое, растраченное моимъ мужемъ передъ его заключеніемъ.

— Вашъ дядя, однако, который настаивалъ на этомъ бракѣ, согласно брачному контракту, долженъ нести отвѣтственность.

— Что же изъ этого. Я же вамъ говорю, что онъ отказывается.

— Что же дѣлать?

— Вы все же намѣрены меня похитить? — спросила она смѣясь. — Безповоротно. Вы же знаете, что вы до сумасшества раскружили мнѣ голову.

— Къ несчастію же, я вами ничуть не увлечена.

— Я не требую, чтобы вы съ ума сходили по мнѣ, я хочу, чтобы вы только немного меня любили.

— Немного? Вы очень требовательны.

— Въ такомъ случаѣ почему вы меня избрали?

— Случай. Я скучала... моя жизнь протекала слишкомъ однообразно... Я рѣшила рискнуть... Ловите! Вотъ мой багажъ.

Она опустила большіе кожаные мѣшки, которые Росиньи принялъ отъ нея.

— Жребій брошенъ, — прошептала она. Ожидайте меня съ вашей машиной въ предмѣстѣи д'Ифъ, а я поѣду верхомъ.

— Чортъ возьми! Я же не могу забрать вашу лошадь въ автомобиль.

— Она вернется сама.

— Ладно. Кстати...

— Въ чемъ дѣло?

— Кто этотъ князь Ренинъ, который живетъ здѣсь три дня и котораго никто не знаетъ?

— Не знаю. Мой дядя встрѣтилъ его у своихъ друзей на охотѣ и пригласилъ.

— Вы ему нравитесь. Вчера вы

совершили съ нимъ большую прогулку. Онъ мнѣ не по душѣ.

— Черезъ два часа я покину замокъ въ вашемъ обществѣ. Этотъ скандалъ, надо полагать, охладитъ пылъ Сергѣя Ренина. Довольно разговоровъ. Нечего терять время.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она наблюдала за толстякомъ, который съ мѣшками удалился въ пустынную аллею, а затѣмъ закрыла окно.

На дворѣ охотничьи рога трубили сборъ. Собаки свирѣпо лаяли. Въ это утро открывалась охота. Каждый годъ въ началѣ сентября Ла Марэзъ, графъ д'Эглерошъ, большой любитель охоты, собиралъ для этой забавы нѣсколькихъ друзей своихъ и сосѣднихъ помѣщиковъ.

Гортензія медленно кончила свой туалетъ. Она облачилась въ амазонку, отлично облегающую ея гибкую фигуру, одѣла шляпу, отбѣняющую ея красивое лицо съ рыжими волосами и сѣла за свой письменный столъ. Она попыталась написать дядѣ прощальное письмо, которое предполагала вручить ему вечеромъ. Отъ этой трудной задачи ей въ концѣ концовъ пришлось отказаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-7.)

— Я ему напишу послѣ, — сказала она сама себѣ, — когда его глѣвъ пройдетъ.

Она прошла въ столовую съ высокимъ потолкомъ. Въ каминѣ ярко горѣли гигантскія полѣнья. Разное оружіе украшало стѣны. Со всѣхъ сторонъ сходились приглашенные. Они пожимали руку графу д'Эглерошу, который представлялъ типъ деревенскаго жителя, созданнаго, казалось, специально, чтобы охотиться. Онъ стоялъ около камина съ рюмкою коньяку.

Гортензія развѣянно его поцѣловала.

— Какъ, дядюшка, вы пьете? Вѣдь вы такой воздержанный.

— Ну, разъ въ году можно себѣ позволить нѣкоторое излишество.

— Тетя будетъ сердиться.

— У твоей тети мигрень, и она не придетъ.

Къ тому же, — недовольно замѣтилъ онъ, — это ее не касается...

не касается и тебя, дѣтка!

Князь Ренинъ приблизился къ Гортензіи. Это былъ очень элегантный молодой человѣкъ съ блѣднымъ и тонкимъ лицомъ. Глаза его казались то очень ласковыми, то очень суровыми, то ироническими, то изысканно вѣжливыми.

Онъ поклонился, поцѣловалъ руку молодой женщины и сказалъ ей:

— Напоминаю вамъ ваше обѣщаніе, сударыня.

— Мое обѣщаніе?

— Да. Мы вѣдь условились продолжать сегодня нашу вчерашнюю прогулку. Мы должны вѣдь были посѣтить этотъ старый заключенный домикъ, который васъ такъ заинтересовалъ... кажется, его называютъ имѣніемъ Галингра...

Она сухо отвѣтила:

— Извините, я устала, а это заняло бы много времени. Я пройду по парку и вернусь.

Они помолчали и Ренинъ, съ улыбкой глядя на нее въ упоръ, ти-

хо проговорилъ:

— Я увѣренъ, что вы сдержите свое обѣщаніе. Для васъ это лучше.

— Для кого? Для васъ, — вы хотите сказать?

— Увѣрю васъ, что и для васъ.

Она слегка покраснѣла и возразила:

— Я васъ не понимаю.

— Я однако, никакой загадки вамъ рѣшать не предлагаю. Дорога дивная, имѣніе это очень интересно. Никакая другая прогулка такъ не удовлетворитъ васъ.

— Вы очень самонадѣянны.

— И упрямъ, сударыня.

Она сдѣлала негодующій жестъ, но отъ отвѣта воздержалась; повернувшись къ нему спиной, она стала здороваться сокружающими и затѣмъ вышла изъ комнаты.

У крыльца грумъ держалъ ее лошадь. Она сѣла въ сѣдло и поѣхала по направленію къ лѣсу.

Погода была свѣжая и тихая. Между листвою деревьевъ мелькало бирюзовое небо. Гортензія шагомъ проѣхала по длинной аллеѣ и черезъ полъ часа достигла холмистой мѣстности, которую пересѣкала большая дорога.

Она остановилась. Ничего не слышно. Росиньи, вѣроятно, выключилъ свой моторъ и спрятали авто-

мобиль въ кустахъ, окружавшихъ предмѣстье.

Послѣ минуты колебанія она спустилась на землю, привязала лошадь небрежно къ дереву, чтобы она легко могла вернуться домой, завернула голову длиннымъ коричневымъ вуалемъ и двинулась впередъ.

Она не ошиблась. При первомъ же поворотѣ она замѣтила Росиньи. Онъ подбѣжалъ къ ней и увлекъ ее въ чашу деревьевъ.

— Скорѣй, скорѣй! Я такъ боялся, что вы опоздаете... или измѣните свое намѣреніе!... И вотъ вы здѣсь!.. Возможно-ли это!..

Она улыбалась.

— Вы счастливы, что дѣлаете глупости!

— Счастливы ли я! И вы будете счастливой. Клянусь!

— Можетъ быть, но глупостей я дѣлать не буду.

— Вы будете жить по вашему вкусу, Гортензія. Ваша жизнь превратится въ волшебную сказку.

— А вы будете сказочнымъ принцемъ?

— Вы будете жить въ роскоши, въ богатствѣ.

— Мнѣ этого не надо.

— Что же вамъ надо?

— Счастья.

— Я увѣренъ, что вы будете счастливы.

Она стала шутить:

— Я нѣсколько сомнѣваюсь въ качествѣ счастья, которое вы мнѣ дадите.

— Вы увидите... Вы увидите...

Они подошли къ автомобилю. Росиньи, продолжая выражать свои восторги, пустилъ въ ходъ моторъ. Гортензія сѣла въ автомобиль. Машина двинулась по направленію къ предмѣстью, увеличивая скорость, какъ вдругъ Росиньи принужденъ былъ затормозить.

Раздался выстрѣлъ съ правой стороны. Ауто пошло неправильнымъ ходомъ.

— Прорвана передняя шина, — крикнулъ Росиньи, спрыгивая на землю.

— Да нѣтъ же! — воскликнула Гортензія, — кто то выстрѣлилъ.

— Невозможно, дорогая! Что вы говорите!

Въ эту минуту вновь послѣдовали одинъ за другимъ два выстрѣла.

Росиньи зарычалъ:

— Заднія шины продырявлены!..

Кто этотъ разбойникъ!.. Если-бъ я зналъ...

— Онъ пробрался черезъ кусты, окаймляющіе дорогу. Никого. Впрочемъ, лѣсная чаща не давала возможности далеко видѣть.

— Проклятіе! — выбранился онъ, — вы правы... стрѣляли въ ауто. Мы теперь задержаны на долготу! Три шины надо починить!.. Но что вы, дорогой другъ, дѣлаете?

Молодая женщина выскочила изъ автомобиля. Она проговорила, волнуясь:

— Я ухажу.

— Но почему?

— Я хочу знать. Стрѣляли. Кто? Я хочу знать...

— Умоляю васъ не раставаться со мною...

— Думаете-ли вы, что я васъ часами здѣсь буду ожидать!

— Но нашъ отъѣздъ?.. Наши планы?..

— Завтра мы опять объ этомъ поговоримъ... Вернитесь въ замокъ... Отнесите мои вещи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—8.)

— Я васъ умоляю, умоляю... Въдѣ это не моя вина. Вы точно сердитесь на меня.

— Я на васъ не сержусь, но, если покидаютъ женщину, то, милѣйшій, этого быть не должно. До скорого!

Она быстро ушла. Ей посчастливилось найти свою лошадь на прежнемъ мѣстѣ. Въ галопъ она помчалась въ сторону, противоположную Ла Марэзъ.

Она не сомнѣвалась въ томъ, что стрѣлялъ князь Ренинъ.

— Это онъ, — прошептала она съ гнѣвомъ, — это онъ... Только онъ способенъ такъ дѣйствовать.

— Не предупредилъ ли онъ ее съ такой увѣренностью? „Вы вернетесь, я увѣренъ... Я васъ ожидаю.“

Она плакала отъ злости и легодованія въ виду своего униженія. Встрѣтъ она въ этотъ моментъ князя Ренина, она обязательно полюбила бы его съ своимъ хлыстомъ.

Передъ ней растилась живописная мѣстность, которую съ свѣра ограничиваютъ департаментъ Чарты и которую называютъ „маленькой Швейцаріей“. Часто ей приходилось задерживать коня на крутыхъ спускахъ. До конечной цѣли ея пути было около десяти километровъ. Хотя она нѣсколько успокоилась, но все существо ея продолжало негодовать противъ князя Ренина. Она была зла на него не только за то, что онъ только что совершилъ, но и за все его поведение въ отношеніи ея, за его ухаживанья и самоувѣренность.

Вотъ она у цѣли. Въ долинѣ старая стѣна, изрѣзанная трещинами, покрытая мхомъ и сорной травой, позволяла видѣть верхушку маленькой замковой колокольни и нѣсколько оконъ, закрытыхъ ставнями. Это было имѣніе Галингра.

У входныхъ дверей ее ожидалъ Сѣргей Ренинъ около лошади, на которой онъ прѣхалъ.

Она соскочила на землю и, когда онъ сталъ ее благодарить, снявъ шляпу, она воскликнула:

— Подождите! Одно слово! Сейчасъ произошло нѣчто необъяснимое. Три раза стрѣляли въ автомобиль, въ которомъ я находилась. Это вы стрѣляли?

— Да!

Она замаялась.

— Вы, значитъ, сознаетесь!

— Вы, сударыня, ставите мнѣ вопросъ, на который я вамъ отвѣчаю.

— Но какъ вы посмѣли?... По какому праву?

— Права у меня не было, сударыня, но я выполнилъ свою обязанность.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какую обязанность?

Обязанность, защитить васъ отъ человѣка, который хочетъ воспользоваться несчастьемъ вашей жизни.

— Я запрещаю вамъ говорить со мной въ такомъ тонѣ. Я сама отвѣчаю за свои поступки. Я совершенно свободно приняла свое рѣшеніе.

— Сударыня, я сегодня утромъ случайно слышалъ вашъ разговоръ съ господиномъ Росиньи и мнѣ показалось, что вы слышите за нимъ безъ особенной радости. Вы простите меня, считайте меня невѣжей, но

я хотѣлъ дать вамъ возможность въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обдумать свое положеніе.

— Я уже все обдумала. Когда я что-либо рѣшаю, то рѣшенія своего не мѣняю.

— Не всегда, сударыня! Въдѣ вы же сейчасъ здѣсь, а не тамъ.

Молодая женщина смутилась. Гнѣвъ ея совершенно исчезъ. Она съ удивленіемъ смотрѣла на Ренина, понимая и сознавая, что онъ совершенно искренно, безъ задней мысли, какъ вполнѣ порядочный человѣкъ, хотѣлъ спасти ее отъ ложнаго шага.

Очень тихо онъ сказалъ ей:

— Я очень мало, сударыня, знаю о васъ, но достаточно для того чтобы стремиться быть вамъ полевымъ. Вамъ двадцать шесть лѣтъ и вы сирота. Семь лѣтъ тому назадъ вы вышли замужъ за родственника графа д'Еглероша, котораго въ концѣ концовъ пришлось помѣстить въ домъ для душевно-больныхъ. Отсюда невозможность развода и необходимость жить на иждивеніи вашего дяди, такъ какъ приданое ваше мужемъ растрчено. Жить съ графомъ и графиней, которые плохо ладятъ между собой, не такъ то весело. Когда то графа бросила первая жена. Она бѣжала съ мужемъ тепе-

решней графини. Разочарованные покинутые супруги соединили свою судьбу, но ничего утѣшительнаго въ этомъ союзѣ не нашли. Вы отъ всей этой обстановки страдали. И вотъ въ одинъ прекрасный день вы встрѣтили г. Росиньи. Онъ влюбился въ васъ и предложилъ вамъ съ нимъ бѣжать. Вы его не любили. Но скука, молодость, жажда приключеній и неизвѣданнаго заставили васъ принять предложеніе, но въ душѣ вы рѣшили обмануть своего обожателя. Вы думали, что этотъ скандалъ заставитъ вашего дядю обезпечить вамъ независимое существованіе. Въ настоящее время вамъ надо выбрать одно изъ двухъ: или отдаться въ руки г. Росиньи... или же довѣриться мнѣ.

Она взглянула на него. Что онъ хотѣлъ сказать? Что значило это предложеніе, сдѣланное столь серьезно, точно его дѣлалъ другъ, желающій лишь помочь, помочь безъ всякой задней мысли?

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ привязалъ обѣ лошади. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ тяжелыя входныя ворота; на каждой створкѣ ихъ красовались двѣ доски въ видѣ креста. Какое-то старое объявленіе, которому было двадцать лѣтъ, свидѣтельствовало,

что съ того времени никто не переступалъ порога входныхъ-воротъ.

Ренинъ вырвалъ изъ желѣзной рѣшетки, окружавшей замокъ, желѣзный стержень и употребилъ его въ видѣ лома. Гнилыя доски сдали. Подъ одной изъ нихъ оказалась замочная скважина. Онъ попытался открыть замокъ при помощи ножа, съ разными приспособленіями. Скоро ворота открылись. Показалось площадка, заросшая верескомъ. Она шла до полуразвалившагося длиннаго зданія, надъ которымъ господствовали четыре башенки по угламъ его. На самомъ верху было возведено нѣчто въ родѣ бельведера-балкона.

— Надъ вами не каплетъ. Сегодня вечеромъ вы примете рѣшеніе. Если господину Росиньи удастся второй разъ убѣдить васъ, тогда, клянусь, вы меня не встрѣтите на своемъ пути. До того же времени позвольте мнѣ быть съ вами. Мы вчера рѣшили осмотрѣть этотъ замокъ. Исполнимъ это сейчасъ. Это способъ убить время. Я надѣюсь, что это будетъ интересно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—9.)

Онъ говорилъ такъ, какъ будто приказывалъ. Онъ точно повелѣвалъ и одновременно молилъ. Молодая женщина не пыталась противиться. Она послѣдовала за нимъ къ развалившемуся крыльцу, откуда внутрь замка вела дверь, точно также забитая досками крестъ на крестъ.

Ренинъ примѣнилъ прежній методъ. Они вошли въ помѣстительный вестибюль, полъ котораго составляли черныя и бѣлыя плитки. Вездѣ красовалась старая мебель и церковныя кресла. Гербъ, изображавшій орла, вѣпывшагося въ каменную грудь, помѣщался надъ дверьми, откуда свисала паутина.

— Это дверь въ залъ, вѣроятно, — замѣтилъ Ренинъ. Эту дверь открыть было труднѣе, при чемъ князю пришлось пустить въ ходъ всю свою силу.

Гортензія во время этой операціи не промолвила ни слова. Она съ удивленіемъ слѣдила за этими по-

слѣдовательными валами, произведенными съ рѣдкимъ искусствомъ. Онъ угадалъ ея мысли и сказалъ совершенно серьезно:

— Для меня это дѣтская игра. Я былъ слесаремъ.

Она схватила его за руку и прошептала:

— Слушайте.

— Что такое? — спросилъ онъ.

Она сжала его руку сильнѣе, требуя, чтобы онъ молчалъ. Тогда же онъ сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, это странно.

— Слушайте, слушайте, — повторила удивленная Гортензія, — О! Неужели это возможно?

Они слышали невдалекѣ сухой шумъ, регулярные удары, которые при внимательномъ вслушиваніи, воспринимались какъ регулярный ходъ, регулярный тикъ-такъ стѣнныхъ часовъ. Казалось совершенно необъяснимымъ, какимъ образомъ, какимъ чудомъ часы продолжали жить въ этомъ мертвомъ царствѣ.

Непонятное, таинственное явленіе, какая-то загадка.

— Однако, — прошептала Гортензія, не смѣшая повысить голосъ, — вѣдь сюда никто не входилъ.

— Никто.

— Нельзя допустить, что эти часы шли въ течение двадцати лѣтъ безъ завода.

— Нельзя, конечно.

— Тогда?

Сергій Ренинъ открылъ всѣ три окна и сбиль ставни. Они, дѣйствительно, находились въ гостиной. Здѣсь царилъ полный порядокъ: стулья были на своихъ мѣстахъ, вся мебель находилась налицо. Жилыцы этой комнаты, уѣзжая, очевидно, ничего съ собою не захватили: ни книгъ, ни разныхъ бездѣлушекъ.

Ренинъ осмотрѣлъ старыя стѣнные часы, заключенные въ высокій деревянный футляръ. Черезъ овальное стекло можно было видѣть диск маятника. Онъ открылъ дверцы: гири часовъ находились въ концѣ своего пути.

Въ этотъ моментъ часы зашипѣли и затѣмъ пробили восемь разъ. Этого низкаго звона часовъ молодая женщина потомъ уже никогда не могла забыть.

— Какое чудо! — прошептала она.

— Дѣйствительно, чудо, — по твердилъ онъ, — вѣдь простой механизмъ этихъ часовъ лишь съ недѣльнымъ заводомъ.

— И вы ничего не находите въ этомъ страннаго?

— Какъ сказать... впрочемъ...

Онъ наклонился и вынулъ изъ футляра металлическую трубку, скрытую за гирями.

— Зрительная труба, — проговорилъ онъ задумчиво, — зачѣмъ ее сирятали?... Странно! Что бы это значило?

Часы начали бить вторично. Раздалось восемь ударовъ. Ренинъ закрылъ футляръ часовъ и съ зрительной трубой въ рукахъ продолжалъ осматривать. Комната, въ которой они находились, сообщалась широкой аркой съ другой комнатой, видимо, курительной, тоже меблированной. Тамъ стоялъ пустой станокъ для ружей. Календарь, висѣвшій на стѣнѣ, показывалъ пятое сентября.

— А, — воскликнула съ удивленіемъ Гортензія, — тоже число, какъ и сегодня... Какое странное совпаденіе!

— Удивительное, — проговорилъ онъ. — Это годовщина ихъ отъѣзда... уже прошло двадцать лѣтъ съ того дня, ровно двадцать лѣтъ.

— Согласитесь, — замѣтила она, — что все это необъяснимо.

— Конечно, хотя...

— У васъ какая то мысль?..

Онъ отвѣтилъ черезъ нѣсколько секундъ:

— Меня интригуетъ эта зрительная труба... Каково было ея назначеніе? Изъ оконъ можно увидѣть лишь деревья сада. Горизонта нѣтъ... Чтобы воспользоваться этимъ инструментомъ, надо было взобраться выше... Хотите подняться?

Она не колебалась. Тайна, окружавшая ихъ, возбуждала ея любопытство. Она готова была слѣдовать за Ренинымъ и помогать ему въ его изысканіяхъ.

Они поднялись по главной лѣстницѣ и добрались до винтовой лѣстницы, которая вела на верхній бельведеръ-балконъ.

Этотъ бельведеръ-балконъ имѣлъ видъ террасы, окруженной парапетомъ въ два метра вышиною.

— Когда-то, видимо, этотъ парапетъ былъ составленъ изъ зубцовъ, которые потомъ уничтожили. Были тутъ раньше и бойницы; теперь онъ задѣланъ.

— Во всякомъ случаѣ, — сказала она, — здѣсь тоже зрительная труба не могла примѣняться. Намъ

остается только спуститься внизъ.

— Я другого мнѣнія, — возразилъ онъ, — логично рассуждая, надо притти къ выводу, что именно отсюда можно видѣть окрестность и именно здѣсь пользовались этой зрительной трубой.

Онъ взлѣзъ на парапетъ и увидѣлъ оттуда всю окрестность. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, — такъ около восьмисотъ метровъ, — видѣлась другая развалившаяся башня, очень низкая, вся обвитая плющомъ.

Ренинъ продолжалъ осматривать. Казалось, что онъ искалъ разрѣшенія загадки въ зрительной трубѣ, стараясь понять, какимъ образомъ и для чего она примѣнялась. Она изслѣдовала всѣ бойницы. Одна изъ нихъ, вѣрнѣе, то мѣсто, гдѣ она раньше находилась, обратила его особенное вниманіе. Тамъ въ известкѣ, которой она была задѣлана, замѣчалось углубленіе, наполненное землей и появившейся на ней травой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Завяжите узелъ въ носовомъ платкѣ, чтобы **не забыть подписаться** съ 1-го февраля на „Старый Нарвскій Листокъ“.

№ 4 ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—10.)

Онъ вырвалъ траву и очистилъ углубленіе, имѣвшее двадцать сантиметровъ въ діаметръ. Наклонившись впередъ, онъ убѣдился въ томъ, что это углубленіе, проникавшее всю толщу стѣны, давало возможность видѣть всю окрестность, а также башню, обвитую плющомъ.

Оказалось, что зрительная труба свободно входила въ это отверстіе, такъ плотно прилегая къ нему, что ея нельзя было повернуть ни вправо ни влѣво.

Ренинъ вытеръ стекла трубы и приложилъ глазъ. Нѣсколько секундъ онъ молчалъ, и затѣмъ проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Это ужасно... Прасво, ужасно... — Въ чемъ дѣло? — безбеспокойлась она.

— Смотрите...

Она наклонилась и, взглянувъ въ трубу, проговорила съ содроганіемъ: — Это два чучела, не такъ ли?..

Ихъ тамъ повѣсили... Но зачѣмъ?

— Смотрите, — повторилъ онъ, — смотрите внимательно. Подъ шляпами... лица.

— О! — съ ужасомъ промолвила она, — это чудовищно!..

Поле зрѣнія зрительной трубы представляло такой видъ: площадка развалившейся башни, окруженной съ одной стороны стѣной, заросшей мхомъ, являлась какъ-бы фономъ. Но этомъ фонѣ среди мелкой поросли можно было различить мужчину и женщину, прислоненныхъ къ груду камней.

Но можно ли было назвать мужчиной и женщиной эти два манекена? Эти манекены были облечены въ платья, шляпы, но они были безъ глазъ, щекъ, однимъ словомъ, въ дѣйствительности это были два скелета.

— Два скелета, — прошептала Гортензія, — два скелета, покрытые одеждой... Кто могъ ихъ сюда перенести?..

— Никто.

— Однако?

— Эти люди, вѣроятно, много лѣтъ тому назадъ умерли тамъ, на этой башнѣ. Тѣла ихъ разложились, а вороны полакомились ими.

— Но это же сплошной ужасъ, — сказала Гортензія, при этомъ она поблѣднѣла и все лицо ея выразило отвращеніе.

Черезъ полъ часа Гортензія Даниѣль и Сѣргей Ренинъ покинули замокъ Галингра. Передъ этимъ они постѣли старую башню, составлявшую остатки разрушенной усадьбы. Пробраться въ эту башню можно было по полуразрушенной деревянной лѣстницѣ. Башня примыкала къ стѣнѣ, находящейся въ концѣ парка.

Гортензію удивило, что князь Ренинъ пересталъ какъ-бы интересоваться всѣмъ этимъ дѣломъ. Онъ даже о немъ не говорилъ. Въ деревенскомъ трактирѣ, куда они направились, чтобы подкѣпить свои силы, она обратилась къ хозяину за разъясненіями. Но тотъ недавно прѣхалъ въ эту мѣстность и не зналъ даже имени владѣльца имѣнія.

Они поѣхали въ Марезъ.

Нѣсколько разъ Гортензія вспоминала о кошмарномъ зрѣлищѣ.

Но Ренинъ весело отшучивался

и какъ-будто избѣгалъ касаться этого вопроса.

— Но надо же рѣшить этотъ вопросъ! — наконецъ съ нетерпѣніемъ воскликнула она.

— Конечно, надо рѣшить. Надо, чтобы вы въ отношеніи Росиньи пришли къ опредѣленному рѣшенію.

Она пожала плечами.

— Рѣчь не о немъ... Во всякомъ случаѣ, сегодня.

— Сегодня?

— Надо узнать что такое эти два трупа.

— Но Росиньи?..

— Росиньи можетъ ждать, но я

ждать не могу. — Ладно! Вѣроятно, онъ еще не починилъ свои шины. Но что вы ему скажете? Это главное.

— Главное то, что мы видѣли. Вы поставили меня лицомъ къ лицу съ загадкой, которая меня глубоко заинтересовала. Каковы ваши намѣренія?

— Мои намѣренія?

— Да, вѣдь мы видѣли два трупа. Вы, вѣроятно, объ этомъ поспѣшите предупредить власти?

— О, боги! — отвѣтилъ онъ, смѣясь. — зачѣмъ?

— Но эту загадку надо же не-

премѣнно раскрыть... произошла потрясающая драма.

— Намъ для этого никого не нужно.

— Какъ? Что вы говорите? Вы сами можете распутать?

— Господи, все же совершенно ясно! Мнѣ кажется, что я читаю книгу, снабженную богатыми иллюстраціями. Это же такъ просто!

Она взглянула на его съ удивленіемъ, думая, что онъ подшучиваетъ надъ нею. Но видъ у него былъ совершенно серьезный.

— Какъ-же это такъ? — прошептала она, вздрагивая.

День приближался къ закату.

Когда они вернулись въ Ла Марезъ, охотники уже возвратились.

— А теперь, — замѣтилъ онъ, — мы пополнимъ свои свѣдѣнія, взразспросивъ мѣстныхъ аборигеновъ-старожиловъ... Знаете ли вы кого либо, кто могъ бы помочь намъ?..

— Мой дядя. Онъ никогда не покидалъ этой мѣстности.

— Отлично. Мы къ нему и обратимся. Вы увидите, какъ все логически вытекаетъ одно изъ другого. Очень любопытно распутывать подобныя исторіи, когда знаешь ихъ начало.

Въ замкѣ они разстались. Гортензія нашла у себя свои дорожныя вещи и негодующее письмо Росиньи. Онъ прощался съ нею и сообщилъ, что уѣзжаетъ.

— Богъ съ нимъ, — подумала Гортензія, — этотъ чудакъ нашелъ отличный выходъ.

Она позабыла и свой флиртъ съ нимъ, и ихъ планы. Ей казалось, что Росиньи болѣе чуждъ ей, нежели этотъ Ренинъ, который на первыхъ порахъ возбуждалъ въ ней такъ мало симпатіи.

Вдругъ Ренинъ къ ней постучался.

— Вашъ дядя въ своей библіотекѣ. Пойдемте къ нему; я предупредилъ его о своемъ визитѣ.

Она послѣдовала за нимъ. Онъ добавилъ:

— Еще одно слово. Сегодня утромъ, помѣшавъ вамъ выполнить свое намѣреніе, я принялъ въ отношеніи васъ извѣстное обязательство. Сейчасъ вы увидите тому доказательство.

— Вы обязаны лишь удовлетворить мое любопытство, — возразила она со смѣхомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Платье сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—11.)

— Ваше любопытство будет вполне удовлетворено, — ответил он серьезно, — если только господин д'Эглерош подтвердит мои предположения.

Господин д'Эглерош, действительно, находился один.

Он курил трубку и пил вино. Он предложил стакан вина Ренину, который от него отказался.

— А у тебя, Гортензия, все благополучно? — проговорил он слегка заплетающимся языком. В эти срые осенние дни так скучно. Ты совершила с м-сье Ренином приятную прогулку?

— Именно по этому поводу я хотел с вами поговорить, — прервал его князь.

— Вы меня извините, но через десять минут я должен отправиться на станцию, чтобы встретить подругу моей жены.

— О, десять минут для меня вполне достаточно. Значит, можно

выкурить сигаретку?

— Конечно.

Он взял сигаретку, которую предложил ему д'Эглерош, зажег ее и сказал:

— Вообразите себя, что случай заставил нас посетить эту старую развалину, которая называется Галингра. Вы, вероятно, знаете это имя?

— Конечно. Но ведь там все уже в течение четверти столетия заколочено. Вы не могли войти.

— О нет, мы вошли.

— И интересно там?

— Очень. Мы открыли необыкновенные вещи.

— Что же именно? — спросил граф, поглядывая на часы.

Ренин рассказал

— Мы нашли заколоченные комнаты, гостиную, оставленную ее обитателями в полном порядке, стальные часы, которые каким-то чудом принялись бить во время нашего посещения.

— Пустячные подробности, — прервал граф.

— Видели мы и другое. Мы взобрались на бельведер крыши и оттуда увидели на башне, отстоящей довольно далеко от замка... мы увидели два трупа, впрочем два скелета: мужчину и женщину. Они лежали на себе ту одежду, в которой их убили.

— Уж и убили?!.. Пустое предположение...

— Я в этом уверен и по этому именно поводу я хочу с вами поговорить.

Эта трагедия, произошедшая лет двадцать тому назад, развѣ вам неизвестна?

— Признаться, нет. Я никогда не слыхал о каком-либо преступлении, или исчезновении людей в этой местности.

— Жаль — проговорил Ренин с некоторым разочарованием... Я надеялся получить от вас кое-какие сведения. В таком случае извините меня.

Он посмотрел на Гортензию и направился к дверям. Но тотчас вернулся и проговорил:

— Не могли ли вы познакомиться со мной с кем-либо из ваших родных?

— Моих родных? Зачем?

— Потому что владѣніе Галингра принадлежало, вероятно и теперь принадлежит, д'Эглерошам. Это видно по гербам, на которых изображен орел на скалах.

Графа, казалось, слова Ренина удивили. Он оставил вино и проговорил:

— Это для меня новость.

Ренин покачал головой и замялся с улыбкой:

— Я полагаю, что вы просто не хотите сознаться в родстве с этим неизвестным владѣльцем.

— Значит, это сомнительный человек?

— Это просто человек, который убит.

— Что вы говорите?

Граф встал. Вздвигаясь словами князя, Гортензия спросила:

— Вы твердо уверены, что совершенно преступление кем-либо из обитателей замка?

— Вполне.

— Откуда эта уверенность?

— Потому что я знаю, кто были жертвами этого преступления и причину его.

Казалось, что Ренин, судя по его тону, имел неоспоримые данные в своем распоряжении.

Граф ходил по комнатам и в конце концов проговорил:

— Мне всегда казалось, что что-то такое произошло, но я не старался углубляться в эту историю...

Действительно, лет двадцать тому назад один из моих отдаленных родственников жил в Галингра. Я надеялся, что все это происшествие останется неизвестным, хотя подробностей его я не знаю... Я только предполагал...

— Итак, этот ваш кузень убит?

— Да. Он принужден был убит.

Ренин недовѣрчиво пожал плечами.

— Я с вами не согласен! Ваш кузень убит спокойно, хладнокровно, обдуманно, предательски. Это отвратительнейшее преступление.

— Откуда вы знаете?

Пришла минута, когда Ренин должен был высказаться. Гортензия понимала всю серьезность этого момента и хотя она еще точно ничего не знала, но сердце ее сжималось от какого-то тягостного предчувствия.

— Вся история очень проста, — проговорил Ренин. — Все свидетельствует о том, что этот д'Эг-

лерош был женат и в окрестностях Галингра жила другая супружеская чета. Обѣ семьи были знакомы. Что же случилось в один прекрасный день? Трудно ответить на этот вопрос. Но я предполагаю, что жена вашего кузена назначала свидания мужу другой чете в башне, обвитой плющом, и имевшей выход в поле. Ваш кузень решил отомстить, так узнав об этой любовной связи. Он хотел однако это так сделать, чтобы не вышло скандала и никто ничего не узнал бы об убийстве. С бельведера при помощи зрительной трубы он мог слѣдить за свиданиями возлюбленных. И с этого именно места, приняв все меры предосторожности, все обдумав и взвѣсив, он в одно из воскресений, 5-го сентября, когда в замке никого не было, двумя выстрѣлами из ружья убил обоих любовников.

Истина всплывала на свет Божий.

Граф проговорил:

— Да... именно так, вероятно, все произошло.

(Продолжение слѣдует.)

№ 4 ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—12.)

— Убийца, — продолжалъ Ренинъ, задѣлавъ землей бойницу, черезъ которую въ подзорную трубу наблюдалъ за убитыми и уничтожилъ деревянную лѣстницу, которая вела на башню. А исчезновение любовниковъ бытъ объяснилъ ихъ совѣстнымъ бѣгствомъ.

Гортензія вскочила. Она, какъ бы угадывая, воскликнула:

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что господиномъ д'Эглерошъ обвинялъ свою жену и своего друга въ томъ, что они вмѣстѣ бѣжали.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я должно быть ничего не понимаю: вы смѣшиваете двѣ исторіи, вѣдь дѣло идетъ только о кузницѣ моего дяди.

— Я ничего не смѣшиваю. Исторія вѣдь одна. Я излагаю событія такъ, какъ они произошли.

Гортензія повернулась къ своему дядѣ. Онъ молчалъ, скрестивъ руки; голова его находилась въ тѣни аба-

жура. Почему онъ не протестовалъ?

Ренинъ съ увѣренностью продолжалъ:

— Существуетъ лишь одна версія. Пятаго сентября въ восемь часовъ господиномъ д'Эглерошъ покинутъ свой замокъ, объяснивъ, что онъ отправляется въ погоню за бѣглецами.

Онъ уѣхалъ, оставивъ все на мѣстахъ и захвативъ только ружья. Въ послѣднее мгновеніе передъ отъѣздомъ изъ понятной предосторожности онъ бросилъ подзорную трубу въ ящикъ стѣнныхъ часовъ. Случаю было угодно, чтобы труба оставила ходъ маятника. Это обстоятельство должно было выдать его черезъ двадцать лѣтъ.

Удары мои, когда я стучался въ двери, чтобы открыть ихъ, видимо, освободили маятникъ. Часы пошли, пробили восемь разъ...

...И разгадка была въ моихъ рукахъ.

Гортензія прошептала:

— Но доказательства! Доказательства...

— Доказательства? — энергично продолжалъ Ренинъ, — ихъ много и вы это знаете. Кто могъ убить на разстояніи восьмисотъ метровъ? Только отличный стрѣлокъ, такой страстный какъ, вы, графъ...

Доказательства? Почему ничего не было взято изъ замка, исключая ружей? Эти ружья вамъ дороги, графъ, и мы ихъ находимъ у васъ въ полномъ порядкѣ. И развѣ не доказательство тотъ фактъ, что каждое пятое сентября, т. е., въ то число, когда совершилось убійство, графъ, мучимый угрызениями совѣсти, не находить себѣ мѣста и, не взирая на свою обычную воздержанность, напивается и старается забыться въ разныхъ развлеченияхъ.

Сегодня пятое сентября! Какія же еще доказательства? Вѣдь достаточно взглянуть на графа въ эту минуту.

И Ренинъ указалъ рукой на графа д'Эглероша, который въ эту минуту съ подавленнымъ видомъ опустился въ кресло, закрывъ лицо руками.

Гортензія ничего не возразила. Она никогда не любила дядю своего мужа. Она мысленно согласилась,

что Ренинъ правъ. Прошла томительная минута. Графъ налилъ себѣ вина и въ одинъ за другимъ опорожнилъ два стакана.

Потомъ онъ всталъ и обратился къ Ренину:

— Такъ ли это или не такъ, но нельзя назвать преступникомъ мужа, уничтожающаго свою преступную жену.

— Нѣтъ — возразилъ Ренинъ, — но я рассказалъ только одну версію этой исторіи. Есть и другая болѣе серьезная и... болѣе правдоподобная, которую распутаетъ тщательное слѣдствіе.

— Что вы хотите сказать?

— Вотъ что: дѣло, возможно, не въ оскорбленномъ мужѣ. Быть можетъ, вся суть въ томъ, что разоренный человѣкъ хотѣлъ присвоить состояніе и жену своего друга? Для этого онъ увлекаетъ своего друга и свою жену, посовѣтовавъ имъ посягнуть упомянутую развалившуюся башню. И потомъ выстрѣломъ изъ ружья убиваетъ ихъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — запротестовалъ графъ, — все это ложь.

— Возможно, что я ошибаюсь, но почему тогда эти угрызения со-

вѣсти? Если наказываютъ виновныхъ, то угрызения совѣсти не мучать.

— Когда убили, всегда тяжело. Убійство — тяжкое бремя.

— И почему вы, графъ, женились потомъ на вдовѣ вашей жертвы? Все вѣдь дѣло въ этомъ. Тутъ возникаетъ рядъ вопросовъ: богата ли была вдова убитого, вошла ли она въ предварительное соглашеніе съ убійцей и т. д. Я этихъ вопросовъ еще не выяснилъ, но ихъ легко можетъ выяснить судебная власть.

Графъ пошатнулся. Онъ оперся на стулъ и съ ужасомъ пролепеталъ:

— Вы предупредите властей?

— О, нѣтъ, — объявилъ Ренинъ, — вѣдь судебная давность уже прошла. Къ тому же, убійца уже достаточно наказанъ угрызениями своей совѣсти въ продолженіе двадцати лѣтъ. И не слѣдуетъ устраивать публичнаго скандала, который можетъ отразиться на племянницѣ господина д'Эглероша. Нѣтъ, не будемъ раскрывать всѣ эти мерзости.

Графъ пришелъ нѣсколько въ себя и прошепталъ

— Въ такомъ случаѣ къ чему все это?

— Почему я виѣшался въ это дѣло? Конечно, у меня есть нѣвѣст-

ная цѣль. Но не бойтесь, графъ, вы дешево отдѣляетесь.

Борьба кончилась. Графъ понялъ, что ему приходится принести извѣстную жертву, и онъ проговорилъ не безъ ироніи:

— Сколько-же?

Ренинъ расхохотался.

— Отлично, мы поймемъ другъ друга. Но вы въ нѣкоторомъ заблужденіи: я работаю не ради денегъ, а ради славы.

— Говорите яснѣе.

— Рѣчь пойдетъ о возвращеніи присвоеннаго.

— Что такое?

Ренинъ повернулся къ письменному столу и проговорилъ:

— Въ этомъ столѣ хранится документъ, который вы должны подписать. Дѣло касается состоянія вашей племянницы Гортензіи Даніель. Ея состояніе было растрчено и вы являетесь отвѣтственнымъ лицомъ. Подпишите эту бумагу.

Графъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Вы знаете цифру этого состоянія?

— Миѣ этого знать не надо.

— А если я откажу.

— Тогда я поговорю съ вашей супругой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—13.)

Безъ дальнѣйшаго колебанія графъ вынулъ изъ стола офіціальный документъ и подписалъ его.

— Вотъ, — заявилъ онъ, — и я надѣюсь...

— Вы надѣетесь, что между нами впредь не будетъ ничего общаго. Я въ этомъ увѣренъ. Я увѣжаю сегодня вечеромъ, а ваша племянница, вѣроятно, завтра. Прощайте!

Въ гостиной, гдѣ никого не было, Ренинъ передалъ документъ Гортензіи. Она была ошеломлена. Больше всего ее поразила дальновидность и изумительная ловкость князя, возстановившаго съ такой неумолимой логикой всѣ подробности ужаснаго преступленія.

— Довольны вы мною? — спросилъ онъ ее.

Она протянула ему обѣ руки.

— Вы меня спасли отъ Росиньи. Вы мнѣ дали свободу и независимость. Я васъ благодарю отъ всей души.

— О, я не требую благодарности. Я просто хотѣлъ развлечь васъ. Ваша жизнь такъ однообразна. Сегодня это однообразие было нарушено. Не такъ-ли?

— Какъ вы можете объ этомъ спрашивать! Я пережила сегодня безконечно много.

— Вся жизнь наша такова: надо только умѣть найти. Вездѣ, если у васъ есть охота, можно сдѣлать добро: спасти жертву, возстановить справедливость.

Она съ изумленіемъ проговорила:

— Но кто вы такой?

— Я просто авантюристъ, любитель приключеній. Въ приключеніяхъ заключается весь смыслъ моей жизни. Сегодняшнее приключеніе васъ особенно взволновало, такъ какъ оно касается васъ. Но и приключенія другихъ людей также интересны. Хотите испытать?

— То есть какъ?

— Будьте моей спутницей во время моихъ приключеній. Если кто-либо меня призоветъ къ себѣ на помощь, спасайте его вмѣстѣ со мною. Если случай натолкнетъ меня на слѣды преступленія, будемъ сообщать это преступленіе раскрывать. Хотите?

— Да, — отвѣтила она, — но...

Нѣкоторое колебаніе охватило ее. Она не понимала смысла предложенія князя.

— Вы, — продолжалъ онъ съ улыбкой, — сомнѣваетесь во мнѣ. Вы не знаете, куда я васъ поведу. Вы опасаетесь, что въ концѣ концовъ я потребую отъ васъ гонораръ. Вы правы. Намъ надо условиться.

— Конечно, — шутливо проговорила Гортензія, — говорите.

Онъ задумался и сказалъ:

— Сегодня, въ день нашего перваго приключенія, часы Галинга пробили восемь разъ. Хотите, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мы совмѣстно еще семь разъ участвовали въ какомъ-либо приключеніи? И когда кончится наше восьмое приключеніе, тогда...

— Что?

Онъ остановился.

— Замѣтите, что во всякое время вы можете меня покинуть на полпути, если я васъ не интересую. Но если вы послѣдуете за мной до конца, если вы разрѣшите съ вами начать и кончить восьмое приключеніе, тогда пятого сентября, когда старые часы пробьютъ восемь разъ... тогда вы должны...

— Что? — съ нѣкоторымъ волненіемъ спросила она. Онъ замолчалъ. Взглянувъ на красивыя губы молодой женщины, воцѣлуй которыхъ онъ хотѣлъ получить въ награду. Ренинъ сообразилъ, что Гортензія волюнъ поняла его и нѣтъ смысла высказываться яснѣе.

— Одно удовольствіе васъ ви-

дѣть для меня достаточно. Ставьте сами свои условія. Что вы потребуете?

Она была благодарна ему за его чуткость и отвѣтила съ улыбкой.

— Что я потребую?

— Да.

— Могу я потребовать нѣчто очень трудное!

— Все легко для того, кто хочетъ побѣдить.

— А если исполнить мою просьбу невозможно?

— Только невозможное меня интересуетъ.

Тогда она сказала:

— Я требую, чтобы вы мнѣ вернули старинную застѣжку изъ сердолика въ филигранной оправѣ. Я получила ее отъ моей матери, которая получила ее отъ своей матери. Она приносила счастье и имѣ, и мнѣ. Всѣ это знали. Съ того времени, какъ она исчезла изъ ларца, куда я ее прятала, я сдѣлалась несчастной. Верните ее мнѣ, добрый геній!

— Когда ее у васъ похитили?

Она разсмѣялась:

— Семь лѣтъ тому назадъ... или восемь... или девять... хорошо не знаю... Ничего не знаю по этому поводу...

— Я ее найду, — серьезно проговорилъ Ренинъ, — и вы будете счастливы.

(Продолжение слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—14.)

Графиня воды.

Черезъ четыре дня послѣ своего переѣзда въ Парижъ Гортензія условилась встрѣтиться съ княземъ Ренинымъ въ Буловскомъ лѣсу.

Въ одно великолѣпное, ясное утро они расположились за отдѣльнымъ столикомъ, стоящимъ нѣсколько изъ сторонъ на терассѣ ресторана „Империаль“.

Молодая женщина находилась въ превосходномъ настроеніи.

Она имѣла сегодня особенно привлекательный видъ. Чтобы не испугать ее, Ренинъ ни однимъ словомъ не напоминалъ ей о томъ условіи, которое они заключили.

Она разсказала о своемъ отѣздѣ изъ Марэзъ и заявила, что съ тѣхъ поръ о Росиньи ничего не слыхала.

— А я, — сказалъ Ренинъ, — слышалъ о немъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, онъ мнѣ послалъ своихъ секундантиновъ. Сегодня утромъ у насъ съ нимъ состоялась дуэль. Ковчилось для Росиньи царапиной въ плечо. Дѣло это ликвидировано. Будемъ говорить о другомъ.

О Росиньи вопроса болѣе не возбуждалось.

Ренинъ предложилъ Гортензіи, хотя и безъ особеннаго увлеченія, участвовать въ „двухъ приключеніяхъ, которыя онъ имѣлъ въ виду.“

— Лучшее приключеніе, — объяснилъ онъ, — то, котораго не ожидаешь. Оно является совершенно неожиданно, никто и ничто о немъ предварительно не сообщаетъ, надо умѣть во время угадать его.

Минута колебанія и уже слишкомъ поздно. Особенное чутье, какъ у охотничьей собаки, подсказываетъ намъ, гдѣ именно мы можемъ найти исковую дичь.

Вокругъ нихъ терасса начала наполняться публикой. За сосѣднимъ

столомъ какой-то молодой человѣкъ съ безцвѣтнымъ лицомъ и длинными усами читалъ газету. Откуда то доносились звуки оркестра. Въ одной изъ залъ танцовало нѣсколько паръ.

Гортензія наблюдала за всѣми этими лицами, надѣясь найти какой нибудь признакъ, свидѣтельствующій о внутренней драмѣ, или о несчастной судьбѣ, или преступныхъ наклонностяхъ.

Вдругъ, въ то время, когда Ренинъ платилъ по счету, молодой человѣкъ съ длинными усами подавилъ крикъ изумленія, подозвавъ лакея, съ испугомъ спросилъ:

— Сколько я вамъ долженъ?.. У васъ нѣтъ сдачи?.. Господи! поторопитесь же...

Безъ колебанія Ренинъ схватилъ газету, которую читалъ молодой человѣкъ. Ваглянувъ на нее, онъ вполголоса прочиталъ:

— „Господинъ Дурленъ, защитникъ Жака Обрие былъ принятъ въ Елисейскомъ Дворцѣ. Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что насколько намъ извѣстно, президентъ отклонилъ просьбу о помилованіи, и казнь совершится завтра.“

Когда молодой человѣкъ про-

шелъ черезъ терассу и очутился у воротъ сада, мужчина и дама преградили ему путь.

— Извините,—проговорилъ мужчина, — я замѣтилъ ваше волненіе. Дѣло вѣдь идетъ о Жакѣ Обрие?

— Да, да... о Жакѣ Обрие, — проговорилъ молодой человѣкъ... Жакъ другъ моего дѣтства... Я бѣгу къ его женѣ... Она, вѣроятно, подавлена несчастіемъ.

— Могу я предложить вамъ свою помощь? Я князь Ренинъ, я и моя спутница рады были бы увидѣть госпожу Обрие и предложить ей свои услуги.

Молодой человѣкъ, казалось, отъ волненія ничего не понималъ. Онъ неловко представился:

— Дютрейль... Гастонъ Дютрейль. Ренинъ сдѣлалъ знакъ своему шоферу Клеману, который ожидалъ его, посадилъ Дютрейля въ автомобиль и спросилъ:

— Адресъ? Адресъ госпожи Обрие.

— Проспектъ Руль, 23 bis...

Ренинъ помогъ Гортензіи занять мѣсто, сказалъ адресъ шоферу и въ пути началъ разспрашивать Дютрейля.

— Я плохо знаю это дѣло. Объясните мнѣ все въ двухъ словахъ.

Жакъ Обрие убилъ своего близкаго родственника? Не такъ ли?

— Онъ невиновенъ, — отвѣтилъ молодой человекъ, видимо неспособный толкомъ все объяснить. Клянусь, что онъ невиновенъ. Я уже двадцать лѣтъ его другъ... Онъ невиновенъ... и было бы чудовищно...

Отъ него трудно было добиться чего-либо. Вскорѣ, впрочемъ, они были у цѣли. Дютрейль позвонилъ у маленькаго одноэтажнаго домика.

— Барыня въ гостиной, со своей матерью, — доложила горничная.

— Я хочу ихъ видѣть, — сказалъ Дютрейль, пригласивъ своихъ спутниковъ, слѣдовать за собой.

Они вошли въ элегантную и довольно помѣстительную гостиную, которая раньше, вѣроятно, была кабинетомъ.

Тамъ сидѣли двѣ женщины въ слезахъ. Одна изъ нихъ, болѣе пожилая съ сѣдьющими волосами, поднялась на встрѣчу Дютрейлю, который объяснилъ ей цѣль прихода Ренина.

— Мужъ моей дочери невиненъ, — воскликнула старушка, — нашъ Жакъ прекраснѣйшій человекъ, у него золотое сердце! Какъ онъ могъ убить своего кузена!.. Онъ же горячо любилъ его. Клянусь вамъ,

что онъ невиновенъ. И вотъ собираются совершить преступленіе — казнить его!

Это убѣть и мою дочь!..

Ренинъ понялъ, что всѣ эти люди въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ пребывали въ полной увѣренности, что невинный не можетъ быть казненъ. Извѣстіе же о предстоящей неизбѣжной казни приводило ихъ въ состояніе, близкое къ безумію.

Ренинъ подошелъ къ несчастной молодой блондинкѣ, на лицѣ которой выражалось глубокое горе. Гортензія съѣла около нея, стараясь ее утѣшить, а князь проговорилъ:

— Сударыня, я еще не знаю, что я могу для васъ сдѣлать. Но честию моею ручаюсь, что, если кто-либо можетъ помочь вамъ, такъ это я. Я васъ умоляю отвѣтить ясно на мои вопросы, чтобы я могъ проникнуться вашей точкой зрѣнія, относительно Жака Обрие. Вѣдь онъ, по вашему мнѣнію, невиновенъ?

— О, конечно! — горячо вырвалось у нея.

(Продолженіе слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, с.к. № 4—15).

— Такъ вотъ эту увѣренность, которой вы не могли заставить проникнуться судебную власть, вы должны передать мнѣ, перелить въ меня. Я не требую отъ васъ подробностей, но прошу лишь отвѣтить на рядъ моихъ вопросовъ. Хотите?

— Спрашивайте.

Она была побѣждена. Нѣсколькими фразами Ренинъ заставилъ ее отдаться его власти. Гортензія лишій разъ убѣдилась въ томъ, какой способностью обладать, подчинять и покорять обладалъ Ренинъ.

— Чѣмъ вашъ мужъ занимался? — спросилъ онъ, предложивъ остальнымъ хранить полное молчаніе.

— Онъ былъ страховымъ агентомъ.

— Хорошо шли его дѣла?

— До прошлаго года хорошо.

— Въ послѣдніе же мѣсяцы возникли денежныя затрудненія?

— Да.

— Когда совершено преступленіе?

— Въ мартѣ, въ воскресенье.

— Жертва?

— Дальній кузенъ, господинъ Гильомъ, жившій въ Сюрэснѣ.

— Какая сумма похищена?

— Шестьдесятъ тысячъ, которыхъ наканунѣ этотъ кузенъ получилъ отъ стараго должника.

— Вашъ мужъ это знаетъ?

— Да. Въ воскресенье объ этомъ кузенъ ему сообщилъ по телефону, и Жакъ настаивалъ на томъ, чтобы эти деньги кузенъ не оставлялъ у себя, а положилъ на слѣдующій день въ банкъ.

— Это было утромъ?

— Въ часъ дня. Жакъ какъ-разъ долженъ былъ отправиться къ Гильому на своемъ мотоциклѣ. Но онъ усталъ и предупредилъ его, что не выѣдетъ. Весь день онъ оставался дома.

— Одинъ?

— Да, одинъ. Обѣ горничныя ушли. Я отправилась съ матерью и Дютрейлемъ въ кино. Вечеромъ мы

узнали объ убійствѣ Гильома, а на слѣдующее утро Жака арестовали.

— На основаніи какихъ уликъ?

Несчастная заколебалась. Видимо, улики были подавляющія. Затѣмъ, по приглашенію Ренина, она сразу все сообщила:

— Убійца отправился въ Сэнъ-Клу на мотоциклѣ. Слѣды мотоциклетки тѣ-же, что и слѣды машины моего мужа. Нашли платокъ съ монограммой моего мужа и принадлежащій ему револьверъ. Наконецъ, одинъ изъ нашихъ сосѣдей увѣрилъ, что онъ видѣлъ мужа въ три часа ѣдущимъ на своей мотоциклеткѣ, а другой заявляетъ, что мужъ мой вернулся домой въ четыре съ половиною часа. Преступленіе же совершено въ четыре часа.

— А какъ оправдывается Жакъ Обрие?

Онъ утверждаетъ, что послѣ обѣда все время спалъ. Въ это время кто-либо могъ воспользоваться его мотоциклеткой. Платокъ и револьверъ находились въ сумкѣ. Убійца могъ ими воспользоваться.

Эти объясненія правдоподобны.

— Да, но судебная власть возмущается слѣдующее: никто не знаетъ, что мой мужъ сидитъ дома, такъ какъ во воскресенья онъ всегда

послѣ обѣда уѣзжалъ на своей мотоциклеткѣ.

— Дальше?

Молодая женщина покраснѣла и прошептала:

— Въ буфетѣ Гильома убійца опорожнилъ полъ бутылки вина. На этой бутылкѣ нашли отпечатки пальцевъ моего мужа.

Казалось, что она сдѣлала послѣднее усиліе и продолжать больше не можетъ. Она погрузилась въ глубокую задумчивость, изъ которой не въ состояніи были ее вывести заботы Гортензіи.

Мать же проговорила:

— Вѣдь онъ же невиновенъ? Не правда ли? Не могутъ же казнить невиннаго? Вѣдь это значитъ посягать на жизнь моей дочери. О, Боже, Боже! Что мы сдѣлали? Почему судьба насъ такъ жестоко преслѣдуетъ? Моя бѣдная Мадлена!..

— Она лишилась себя жизни, — съ ужасомъ прошептала Дютрейль. Ей не примириться никогда съ мыслью, что Жака гильотинируютъ... Въ эту ночь она убѣетъ себя...

Ренинъ сталъ ходить по комнатѣ. — Вы ничего не можете сдѣлать? — спросила его Гортензія.

— Сейчасъ одиннадцать часовъ съ половиною, — отвѣтилъ онъ съ

озабоченнымъ видомъ... и завтра утромъ...

— Думаете ли вы, что онъ не виновенъ?

— Я не знаю... я не знаю. Убѣжденіе несчастной такъ твердо и трогательно, что съ нимъ необходимо считаться. Два человѣка, года живущіе другъ возлѣ друга, не могутъ ошибаться въ такой степени... одинъ въ отношеніи другого... и однако!..

Онъ присѣлъ на диванъ и закурилъ сигаретку и выкурилъ ихъ три при полномъ молчаніи окружающихъ. Никто не прерывалъ нити его размышленій. Иногда онъ посматривалъ на часы: каждая минута имѣла значеніе.

Наконецъ онъ подошелъ къ Мадленѣ Обріе, взялъ ее за руку и тихо проговорилъ:

— Не надо убиваться. До послѣдней минуты ничего не потеряю. Я вамъ обещаю дѣйствовать до этой послѣдней минуты. Но мнѣ необходимо, чтобы вы успокоились и довѣрились мнѣ.

— Я буду покойной, — сказала она съ убитымъ видомъ.

— И довѣритесь мнѣ?

— Я вамъ вѣрю.

— Подождите моего возвраще-

нія. Я вернусь часа черезъ два. Вы отправитесь съ нами, господинъ Дютрейль?

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ авто, онъ спросилъ молодого чело-вѣка:

— Знаете-ли вы въ Парижѣ, недалеко отсюда, малопосѣщаемый маленький ресторанъ?

— Знаю: „Лютеція“. Въ первомъ этажѣ того дома, гдѣ я живу, площадь Тэри.

— Отлично! Это вполнѣ подходитъ.

Въ пути они говорили мало. Ренинъ, однако, спросилъ Дютрейля:

— Насколько я помню, номера тѣхъ тысячныхъ билетовъ, которые похищены, извѣстны?

— Да, кузень Гильомъ записалъ всѣ шестьдесятъ номеровъ въ своей памятной книжкѣ.

Черезъ мгновеніе Ренинъ прошепталъ:

— Вся разгадка въ этомъ. Гдѣ эти деньги? Найти ихъ, — все по-нять.

Въ ресторанѣ онъ просилъ, чтобы имъ подали завтракать въ отдельной комнатѣ, гдѣ находился телефонъ. Затѣмъ Ренинъ взялъ телефонную трубку и рѣшительно заговорилъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

Почва плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—16).

— Алло!.. Прошу дать полицейскую префектуру, оаришня... Алло! Алло!.. Префектура? Я хочу переговорить съ начальникомъ сыскаго полиціи. Въ высшей степени важное сообщеніе! Говорить князь Ренинъ. Кто у телефона?.. Господинъ секретарь префекта? Отлично. Я уже имѣлъ дѣло съ вашимъ патрономъ и въ разныхъ случаяхъ оказалъ ему важныя услуги. Онъ долженъ помнить князя Ренина. Сегодня же я могу указать ему мѣсто, гдѣ находятся тѣ шестьдесятъ тысячъ, которыя похищены убійцей Обріе у его кузена. Если мое сообщеніе его интересуетъ, пусть онъ сейчасъ же командировать ко мнѣ въ ресторанъ „Лютеція“ инспектора полиціи. Я тамъ буду ждать его съ дамой и господиномъ Дютрейлемъ, другомъ Обріе. Мое почтеніе, господинъ секретарь!

Когда Ренинъ повѣсилъ трубку на мѣсто, онъ замѣтилъ изумленные лица Гортензій и Дютрейля.

Гортензія спросила:

— Вы знаете? Вы, значить, открыли?

— Рѣшительно ничего, — отвѣ-

тилъ онъ смѣясь.

— Тогда?

— Тогда я поступлю такъ, какъ будто, бы я уже зналъ. Это тоже хороший способъ. Позавтракаемъ, хотите?

Часы показывали безъ четверти часъ.

— Черезъ двадцать минутъ полиція будетъ здѣсь.

— А если никто не явится, — возразила Гортензія.

— Это меня удивило бы. Вѣтъ если бы я объявилъ, что Обріе не виновенъ, тогда другое дѣло. Наканунѣ казни бесполезно убѣждать этихъ господъ, что приговоренный является жертвой судебной ошибки. А перспектива найти похищенные шестьдесятъ тысячъ его несомнѣнно заинтересуетъ.

— Но вы же не знаете, гдѣ они?

— Дорогой другъ, — позвольте мнѣ такъ называть васъ, — если мы не можемъ объяснить какое либо физическое явленіе, то мы дѣлаемъ гипотезу, согласно которой все необъяснимое явленіе и протекаетъ. Я это и дѣлаю.

— Значить, у васъ есть опредѣленная гипотеза?

Ренинъ ничего не отвѣтилъ и только въ концѣ завтрака замѣтилъ:

— Конечно, у меня есть идея. Будь у меня два-три дня срока, я могъ бы провѣрить эту гипотезу, которая опирается и на мое внутреннее чутье, и на кое какіе разрозненные факты. Но у меня всего два часа въ распоряженіи. Я пускаюсь по неизвѣстному пути, который долженъ привести меня къ правдѣ.

— А если вы ошибаетесь?

— У меня нѣтъ выбора. Къ тому же поздно. Стучать. Еще два слова: что-бы я ни говорилъ, не опровергайте меня. Вы также, господинъ Дютрейль.

— Онъ открылъ дверь. Въ комнату вошелъ худощавый чело-вѣкъ съ рыжей бородой.

— Князь Ренинъ?

— Это я. Вы по порученію господина префекта, вѣроятно?

— Да.

Вошедшій представился:

— Главный инспекторъ Морисо.

— Я очень вамъ благодаренъ за ту поспѣшность, съ которой вы прибыли, — проговорилъ Ренинъ, — какъ я радъ, что именно васъ командировали. Я вѣдь знаю ваши удивительныя способности, о нихъ мнѣ много рассказывали.

Польщенный инспекторъ поклонился.

— Господинъ префектъ меня командировалъ въ полное ваше распоряженіе. Внизу у меня два помощни-

ка, которые работали со мной по этому дѣлу съ самаго начала.

— Это дѣло не затянется, — объявилъ Ренинъ, — я не прошу васъ даже сѣсть. Все будетъ кончено въ двѣ минуты... Вы знаете о чемъ рѣчь?

— Дѣло идетъ о шестидесяти тысячахъ, похищенныхъ у господина Гильома. Вотъ номера кредитныхъ билетовъ.

Ренинъ пробѣжалъ списокъ и подтвердилъ:

— Совершенно вѣрно.

Инспекторъ Морисо имѣлъ очень взволнованный видъ.

— Мой начальникъ придастъ вашему сообщенію особенное значеніе. Не могли бы вы мнѣ указать...

Ренинъ помолчалъ и затѣмъ объявилъ:

— Господинъ главный инспекторъ, мои розыски, съ ходомъ которыхъ я васъ сейчасъ познакомлю, привели меня къ выводу, что убійца, вернувшись на проспектъ Руль и поставивъ мотоциклетку на мѣсто, побѣжалъ затѣмъ бѣгомъ въ Тэри и вошелъ затѣмъ въ этотъ домъ.

— Въ этотъ домъ?

— Да.

— Но зачѣмъ?

— Чтобы спрятать плоды своего преступленія, то есть шестидесять тысячныхъ билетовъ.

— Какимъ образомъ? Гдѣ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—17).

— Въ помѣщеніи пятого этажа, отъ котораго онъ имѣлъ ключъ. Гастонъ Дютрейль съ изумленіемъ воскликнулъ:

— Но въ пятомъ этажѣ только одно помѣщеніе, которое я занимаю.

— Именно. А такъ какъ вы были въ кино съ мадамъ Обри и ея матерью, то воспользовались вашимъ отсутствіемъ.

— Невозможно. Только у меня имѣется ключъ.

— Входить и безъ ключа.

— Но я не нашелъ никакихъ слѣдовъ.

Морисо вмѣшался:

— Позвольте, вы говорите, что похищенныя деньги спрятаны въ помѣщеніи г. Дютрейля.

— Да.

— Но такъ какъ Обри былъ арестованъ на слѣдующій день, то деньги должны и теперь тамъ находиться.

— Это и мое мнѣніе.

— Но это же чепуха — со смѣхомъ замѣтилъ Дютрейль, — я бы ихъ нашелъ.

— Развѣ вы ихъ искали?

— Нѣтъ. Но я непремѣнно наткнулся бы на нихъ. Мое помѣщеніе вѣдь крошечное. Хотите посмотреть?

— Хотя оно и маленькое, но запрячь тамъ шестьдесятъ кредитныхъ билетовъ всегда возможно.

— Конечно, конечно, проговорилъ Дютрейль, — все возможно. Замѣчу только, что, по моему убѣжденію, никто ко мнѣ не входилъ. У меня одинъ ключъ, я самъ убираю комнату, и я не понимаю...

Гортензія также не понимала. Она старалась проникнуть въ мысли князя. Въ концѣ концовъ она предположила.

— Не проще ли всего осмотрѣть помѣщеніе господина Дютрейля. Вы намъ покажете?

— Прошу, — сказала молодой человекъ, — дѣйствительно, это проще всего.

Всѣ четверо поднялись въ квартиру Дютрейля. Они очутились въ маленькомъ помѣщеніи, состоящемъ изъ двухъ комнатокъ и двухъ чулановъ. Все тамъ находилось въ образцовомъ порядкѣ. Каждая вещь, каждый стулъ занимали свое опредѣленное мѣсто. У трубокъ была своя этажерка, у спичекъ своя. На трехъ гвоздяхъ рядомъ висѣли три цалки. На столикѣ передъ окномъ стояла картонка, наполненная тонкой оберточной бумагой. Въ эту картонку Дютрейль бережно уложилъ свою фетровую шляпу... Рядомъ на крышкѣ онъ уложилъ свои перчатки. Онъ дѣйствовалъ, какъ человекъ, который любитъ, чтобы всякая вещь находилась на своемъ мѣстѣ. Какъ только Ренинъ переставилъ кое-какія вещи, вся его фигура выразила нѣмой протестъ: онъ надѣлъ опять шляпу, открылъ окно и облокотился на подоконникъ, точно возмущенный происходящимъ кошмаромъ.

— Вы продолжаете утверждать?... спросилъ инспекторъ Ренина.

— Да, да, я утверждаю, что послѣ преступленія деньги были принесены сюда.

— Поищемъ.

Это было легко. Черезъ полъ

часа каждый уголокъ, каждый шкафчикъ были осмотрѣны.

— Ничего, — сказалъ инспекторъ, — должны ли мы продолжать?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Ренинъ, — деньги исчезли.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что ихъ унесли.

— Кто унесъ? Будьте точнѣе.

Ренинъ ничего не отвѣтилъ. Но Гастонъ Дютрейль съ негодованіемъ заговорилъ:

— Господинъ инспекторъ, позвольте мнѣ отвѣтить за этого господина. Выходитъ, что тотъ человекъ, который убилъ, похитилъ деньги, спряталъ ихъ здѣсь и затѣмъ перенесъ въ другое мѣсто, — это тотъ человекъ именно я. Вы меня обвиняете въ этомъ преступленіи?

Ударивъ себя въ грудь, онъ сталъ кричать:

— Я, я нашелъ деньги и запрячь ихъ! Вы смѣете это утверждать?

Ренинъ все еще молчалъ. Дютрейль, обращаясь къ инспектору, продолжалъ:

— Господинъ инспекторъ, я энергично протестую противъ всей этой комедіи. Передъ вашимъ пріѣздомъ князь Ренинъ сказалъ намъ, что онъ по этому дѣлу рѣшительно ничего не знаетъ, и что онъ идетъ по на-

бранимому имъ пути, надѣясь исключительно на случай. Не такъ ли?

Ренинъ сохранялъ полное молчаніе.

— Но говорите же, наконецъ! Объяснитесь. Вы скажите же свои предположенія! Легко сказать, что я укралъ, но надо же это доказать. И были ли деньги здѣсь? Кто ихъ сюда принесъ? Зачѣмъ убійца выбралъ именно мое помѣщеніе? Все это лишено всякой логики и безконечно глупо!.. Дайте доказательства!.. Хотя бы одно доказательство, одну улику...

Инспекторъ Морисо недоумѣвалъ. Онъ вопросительно взглянулъ на Ренина, который невозмутимо проговорилъ:

— Всѣ подробности намъ можно сообщить г-жа Обри. У нея имѣется телефонъ. Спустимся внизъ. Сейчасъ мы все узнаемъ.

Дютрейль пожалъ плечами:

— Какъ вамъ угодно, но сколько потерянного времени!

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. а. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-15).

Онъ имѣлъ видъ сильно разсерженнаго человѣка. Долгое стояніе у окна подъ жгучими лучами солнца вызвало у него испарину. Онъ прошелся по комнатѣ, взялъ со стола графинъ съ водою, выпилъ нѣсколько глотковъ воды и затѣмъ поставилъ графинъ на подоконникъ.

— Идемъ, — сказалъ онъ.

Князь Ренинъ усмѣхнулся:

— Видимо, вы спѣшите покинуть это помѣщеніе.

— Я спѣшу васъ изобличить, — возразилъ Дютрейль, хлопая дверью. Они спустились внизъ и вошли въ комнату, гдѣ находился телефонъ. Комната была пуста. Ренинъ попросилъ соединить его съ Обри.

Къ аппарату подошла горничная. Она отвѣтила, что госпожа Обри послѣ припадка отчаянія упала въ обморокъ и сейчасъ спитъ.

— Позовите ея мать. Говорить князь Ренинъ по крайне важному дѣлу.

Онъ передалъ одну изъ слуховыхъ трубокъ Морисо*). Впрочемъ, голоса звучали такъ ясно, что Дютрейль и Гортензія могли все слышать совершенно отчетливо.

— Это вы, сударыня?

— Да, князь Ренинъ? Что вы можете намъ сообщить? Есть еще надежда?

— Разслѣдованіе даетъ вполне удовлетворительные результаты и вы вправѣ надѣяться. Въ настоящую же минуту мнѣ надо получить отъ васъ очень важную справку. Въ день преступленія Гастонъ Дютрейль заходилъ къ вамъ?

— Да, послѣ завтрака онъ зашелъ за мною и моей дочерью.

— Зналъ ли онъ въ эту минуту, что кузень Гильомъ только-что получилъ 60.000 франковъ?

— Да, я ему объ этомъ сообщила.

— И что Жакъ Обри, который

*) Въ Парижѣ телефоны имѣютъ для каждого уха отдѣльную трубку.

мнѣ нездоровилось, не совершилъ своей обычной прогулки на мотоциклеткѣ и останется дома?

— Да,

— Вы вполне въ этомъ увѣрены.

— Вполнѣ.

— И въ кино вы были втроемъ?

— Да.

— Во время сеанса вы сидѣли всѣ рядомъ?

— О, нѣтъ! не было свободныхъ мѣстъ рядомъ. Господинъ Дютрейль сѣлъ отдѣльно.

— Съ вашихъ мѣстъ вы могли его видѣть?

— Нѣтъ.

— Во время антрактовъ онъ подходилъ къ вамъ?

— Нѣтъ, мы его опять увидѣли только при выходѣ.

— По этому поводу у васъ нѣтъ никакихъ сомнѣній?

— Никакихъ.

— Хорошо, сударыня! черезъ часъ я вамъ сообщу о результатахъ моихъ розысковъ. Не будите госпожу Обри.

— А если она проснется?

— Успокойте ее и обнадежьте. Все идетъ лучше, нежели я предполагалъ.

Онъ повѣсилъ трубку и со смѣхомъ обратился къ Дютрейлю:

— Однако, молодой человѣкъ, дѣло принимаетъ интересный оборотъ. Какъ вы думаете?

Что означали эти слова? Что было на умѣ у Ренина? Молчаніе было тягостно и жутко.

— Господинъ главный инспекторъ, въ вашемъ распоряженіи здѣсь имѣются люди?

— Два полицейскихъ.

— Очень важно, чтобы они находились налицо. Попросите также хозяина, чтобы насъ ни подѣлкимъ предлогомъ не беспокоили.

Когда Морисо вернулся, Ренинъ закрылъ двери, сталъ передъ Дютрейлемъ и съ насмѣшкой заявилъ:

— Отъ трехъ до пяти часовъ, молодой человѣкъ, ваши дамы, какъ установлено, васъ не видѣли. Любопытный фактъ.

— Фактъ довольно естественный, — возразилъ Дютрейль, — которыми ничего не доказываетъ.

— Онъ доказываетъ, что въ вашемъ распоряженіи находились два добрыхъ часа.

— Ну, да! Я ихъ провелъ въ кино.

— Или въ другомъ мѣстѣ? Да вы могли совершить изрядную прогулку, напримѣръ, по направленію въ Сюресы...

— О, — попытался отвѣтить шуткой молодой человѣкъ, — это слишкомъ далеко.

— Очень близко! Вѣдь въ вашемъ распоряженіи находилась мотоциклетка вашего друга, Жака Обри.

Молчаніе послѣдовало за этими словами. Дютрейль насупилъ брови, какъ бы силясь понять. Наконецъ, онъ прошепталъ:

— Вотъ куда онъ ведетъ!.. Чго за негодай!

Рука Ренина опустилась на его плечо.

— Довольно болтать! Вотъ факты: вы, Гастонъ Дютрейль, единственный человѣкъ, знавшій въ день убійства двѣ важныя вещи: 1) что кузень Гильомъ имѣлъ у себя дома 60.000 франковъ и 2) что Жакъ Обри не долженъ былъ въ этотъ день выйти. У васъ тотчасъ возникъ планъ. Мотоциклетка находилась въ вашемъ распоряженіи. Вы удрали во время сеанса изъ кино. Затѣмъ вы убили кузена Гильома, забрали его деньги и перенесли ихъ къ себѣ. А въ пять часовъ вы вернулись къ своимъ дамамъ.

Дютрейль слушалъ Ренина съ нѣсколько насмѣшливымъ видомъ, иногда поглядывая на Морисо и

какъ бы призывая его въ свидѣтели.

Когда Ренинъ кончилъ, онъ разсмѣялся.

— Великолѣпно! славная шутка!.. Значить, сосѣди видѣли меня ѣдущимъ и возвращающимся на мотоциклеткѣ?

— Васъ; вы переодѣлись въ костюмъ Обри.

— И на бутылкѣ въ буфетѣ на мѣстѣ преступленія обнаружили отпечатки моихъ пальцевъ?

— Эта бутылка была открыта жаккомъ Обри у себя во время завтрака; это вы перевезли ее къ кузену Гильому.

— Уморительно! — воскликнулъ Дютрейль, какъ бы искренно забавляясь; — выходить, я скомбинировалъ это преступленіе и умышленно подвелъ подъ обвиненіе Жака Обри?

— Это былъ вѣрнѣйшій способъ, чтобы васъ самого не обвинили.

— Но вѣдь Жакъ мой другъ дѣтства.

— Вы влюблены въ его жену. Молодой человѣкъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Какъ вы смѣете!.. Такая наглость!

— У меня имѣются доказательства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—19.)

— Лжете. Я ее уважаю, но...
— Вы ее любите, вы ее желаете.
У меня есть тому доказательства.
— Ложь! Вы меня едва знаете.
— Я давно уже слѣжу за вами и ждалъ только той минуты, когда изобличу васъ.

Онъ схватилъ молодого человѣка за плечи и рѣзко проговорилъ:

— Дютрейль, сознавайтесь! У меня всѣ доказательства налицо. Мои свидѣтели васъ ожидаютъ у префекта сыской полиціи. Сознаться же! Вѣдь васъ терзаютъ упреки совѣсти. Вспомните вашу ужасную въ ресторанѣ, когда вы прочитали въ газетѣ о предстоящей казни Обри. Вы надѣялись, что онъ отдѣлается каторгой... Но гильотина не входила въ ваши планы. Подумайте: завтра казнятъ невиннаго! Сознаться же!

Онъ всячески старался вырваться изъ него признаніе, но Дютрейль съ негодованіемъ возразилъ:

— Вы сошли съ ума. Все это вздоръ! Всѣ ваши доказательства ложны. И денегъ у меня вѣдь вы не нашли!

Возмущенный Ренингъ погрозили

ему кулакомъ.

— Каналья! Я тебя все же отдамъ палачу.

Онъ отвелъ инспектора въ сторону:

— Каковъ негодяй!

— Возможно... но до сихъ поръ ни одного доказательства.

— Погодите, господинъ Морисо, — проговорилъ Ренингъ, — мы увидимся у господина префекта. Не такъ ли?

— Да, онъ будетъ у себя въ три часа.

— Къ этому времени все будетъ выяснено. Увидите!

Ренингъ улыбнулся, какъ бы увѣренный въ полное свое успѣхъ. Гортензія, находившаяся около него, сказала ему такъ, чтобы другіе не слышали:

— Вы его изобличили? Не правда-ли?

— Я не подвинулся пока ни на шагъ.

— Но это же ужасно! А ваши доказательства?

— Нѣтъ и тѣни улики... Я надѣялся его смутить. Но онъ, разбойникъ, хорошо владѣетъ собою.

— Но вы увѣрены, что это онъ?

— Безусловно. Я это чувствую, я въ этомъ вполне сейчасъ увѣренъ.

— И онъ любить госпожу Обри?

— Если логично разсуждать, да.

Но все это теоретическія предположенія, не больше. Доказательства нѣтъ. Вотъ если бы нашли деньги! Иначе префектъ осмѣетъ меня.

— Тогда... — прошептала Гортензія, чувствуя, что у нея сжимается сердце.

Онъ не отвѣтилъ и, съ довольнымъ видомъ, потирая руки, принялся ходить по комнатѣ. Казалось, что все шло у него превосходно, именно такъ, какъ онъ и предполагалъ.

— Не отправимся ли мы въ префектуру, господинъ Морисо? Начальникъ вашъ, вѣроятно, уже тамъ. Все такъ ясно, что дѣло это можно и кончить.

— Господинъ Дютрейль отправится съ нами?

— Почему бы мнѣ и не отправиться, — отвѣтилъ тотъ съ вызывающимъ видомъ.

Но въ то мгновеніе, когда Ренингъ открылъ дверь въ коридоръ, послышался шумъ и въ комнату ворвался хозяинъ въ сильномъ волненіи.

— Господинъ Дютрейль, еще здѣсь? Его квартира въ огнѣ. Кто-то это замѣтилъ съ улицы и предупредилъ насъ.

Глаза молодого человѣка злобно, сверкнули. На губахъ его заигра-

ла улыбка, которую Ренингъ подмѣтилъ.

— А, разбойникъ, — вскричалъ онъ, — ты выдалъ себя. Это ты поджегъ свою квартиру и теперь деньги сгорятъ.

Онъ загородилъ ему дорогу.

— Оставьте меня, — завопилъ Дютрейль, — вѣдь у меня ключъ, никто безъ меня войти не можетъ... Вотъ ключъ... пропустите меня!

Ренингъ вырвалъ у него изъ рукъ ключъ и схвативъ за ворота, проговорилъ:

— Ни съ мѣста, негодяй! Теперь то ты попался. Господинъ Морисо, прикажите полицейскому слѣдить за нимъ и застрѣлить при попыткѣ къ бѣгству. Полицейскій, мы на васъ разсчитываемъ.

Онъ быстро поднялся по лѣстницѣ, сопровождаемый Гортензией и инспекторомъ, который шелъ неохотно и ворчалъ:

— Вѣдь не могъ же онъ поджечь свою квартиру, когда все время находился съ нами.

— Онъ поджегъ заранѣе.

— Но какъ? Но какъ?

— Почему я знаю! Но пожаръ самъ собою не вспыхиваетъ въ тотъ моментъ, когда требуется сюжетъ компрометирующихъ бумагъ.

Гортензія слышала шумъ. Лакеи ресторана вытисли выломать дверь. Слышался вѣдъ запахъ гари.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—20.)

— Мѣсто, друзья, — воскликнулъ Ренингъ, — у меня ключъ! Онъ открылъ дверь.

Изъ комнаты выползла волна дыма, но Ренингъ сейчасъ же замѣтилъ, что огонь потухъ самъ собою за отсутствіемъ горючаго матеріала.

— Господинъ Морисо, прикажите никому не входить. Все дѣло иначе можетъ быть испорчено. Закройте двери на ключъ.

Они вошли въ первую комнату. Все тамъ закоптело отъ дыма, но пламя ничего не тронуло, исключая кучки бумаги, которая догорѣла по срединѣ комнаты передъ окномъ.

Ренингъ ударилъ себя по лбу.

— Какой я оселъ!

— Что такое? — спросилъ инспекторъ.

— Картонка отъ шляпы, которая находилась на столикѣ. Онъ тамъ запрягалъ деньги. Они тамъ находились во время нашего обыска.

— Невозможно!

— Всегда забываютъ этотъ трюкъ. Кто могъ подумать, что деньги спрятамы въ картонку, куда при входѣ разсѣянными жестомъ кладутъ свою шляпу. Тамъ въ голову не придетъ искать... Хорошо сыграю, господинъ Дютрейль.

Инспекторъ съ недоверіемъ возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Онъ былъ съ нами и не могъ про извѣсти пожара.

— Все было имъ, увѣряю васъ, приготовлено заблаговременно. Картонка... оберточная бумага... деньги — все это было заранѣе пропитано какимъ либо легко воспламеняющимся составомъ. Когда мы уходили, онъ туда что-нибудь бросилъ... спичку, можетъ быть! Я точно не знаю.

— Но мы бы вѣдь замѣтили, чортъ возьми! И какъ допустить, что онъ такимъ образомъ уничтожилъ 60.000 франковъ — добычу своего преступленія. Если же этотъ тайничекъ былъ столь хорошъ, — а

онъ былъ хорошъ, такъ мы его не открыли, — то зачѣмъ это безполезное уничтоженіе...

— Онъ испугался, господинъ Морисо. Не забывайте, что онъ рискуетъ своей головой. Лучше потерять деньги, нежели познаться съ гильотиной. Эти деньги были единственнымъ доказательствомъ.

Морисо изумился.

— Какъ такъ? Единственнымъ доказательствомъ?

— Ну, конечно.

— Но ваши свидѣтели, ваши улики? Все то, что вы передали префекту?

— Все это блефъ...

— Ну, у васъ и апломбы!

— Иначе вы бы мнѣ не помогли.

— Нѣтъ.

— Въ этомъ все дѣло.

Ренингъ наклонился надъ сгорѣвшей бумагой. Оставался только пепелъ, больше ничего.

— Странно! Какъ онъ умудрился совершить поджогъ?

Онъ сосредоточился и сталъ что-то обдумывать. Гортензія, чувствуя, что наступаетъ минута побѣды или пораженія, спросила съ безпокойствомъ:

— Все потеряно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ

задумчиво, — еще не все потеряно. У меня блеснула сейчасъ лучъ надежды.

— Господи! Если-бы это удалось! — Не будемъ спѣшить. Это только опытъ, красивый опытъ, который можетъ удался...

Онъ помолчалъ и потомъ, шелкнувъ языкомъ, воскликнулъ:

— Молодчина же этотъ Дютрейль! Какой способъ онъ избралъ, чтобы сжечь деньги! И какое хладнокровіе! Животное заставило меня пошевелить мозгами. Молодчина!

Онъ взялъ половую щетку, очистилъ комнату отъ пепла, затѣмъ изъ соседней комнаты принесъ картонку для шляпы, похожую на ту, которая сгорѣла, поставилъ ее на столикъ и поджегъ бумагу, находящуюся внутри.

Вспыхнуло пламя. Ренингъ въ скоромъ времени потушилъ огонь, вынулъ изъ бумажника нѣсколько кредитныхъ билетовъ, наполовину сжегъ ихъ и затѣмъ уложилъ въ картонку вѣстѣ съ остальной сгорѣвшей оберточной бумагой.

— Господинъ Морисо, — сказалъ онъ, наконецъ, — прошу васъ въ послѣдній разъ оказать мнѣ содѣйствіе. Приведите сюда Дютрейля. Вы ему скажете слѣдующее:

— Вы разоблачены. Деньги не загорелись. Следуйте за мною.

Инспектор, не взирая на некоторое колебание, все же исполнил властное требование Ренина. Он вышел.

Ренин повернулся к молодой женщине.

— Вы понимаете мой боевой план?

— Да, но попадаете ли Дютрейль?

— Все зависит от состояния его нервов. Быстрое нападение может сбить его с толку.

— Но если он заметит, что картонка другая?

— Конечно, он имеет некоторые шансы за себя. Он очень ловкий парень и может вывернуться. С другой стороны, он очень взволнован. Н-н-н, я надеюсь, что в последнюю минуту он сдастся и капитулирует...

Они замолчали. Ренин не двигался. Гортензия была безконечно взволнована. Дело шло о жизни невинной жертвы. Ошибка, неудача... и через двенадцать часов Жак Обри будет казнен. И к чувству ужаса у нея примешивалось чувство жгучего любопытства. Что сделает князь Ренин? Как пове-

дет себя Гастон Дютрейль? Она переживала минуту высшего напряжения, минуту громадного душевного возбуждения.

Послышались шаги. Они приближались, Гортензия взглянула на своего спутника. Он встал, вдруг стремительно подскочил к дверям и крикнул:

— Скорей!.. Надо кончить!

Два полицейских инспектора и два лакея вошли вместе с Дютрейлем.

Ренин схватил его за руку и весело проговорил:

— Браво, старина! Ловко придумано с графином и столиком! Только, дружище, ты влопался!

— Что такое? — пробормотал в смущении молодой человек.

— Господи! Вся суть в том, что огонь не все уничтожил. Он пощадил запряженные тобою кредитные билеты. Посмотри! Даже номера остались... Ты можешь их узнать. Теперь ты, старина, окончательно погиб!

Молодой человек содрогнулся. Глаза его заблгали. Он не позволял предложению Ренина взглянуть на картонку и кредитные билеты, сразу поверил ему и с рыданиями упал на стул.

(Продолжение следует).

Под плащом сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—21.)

Неожиданное нападение, как надеялся Ренин, вполне удалось. Видя, что все его планы разбиты, он потерял сразу силу сопротивления и сдался.

Ренин не позволил ему вздохнуть:

— Правильно, молодчики! Полным чистосердечным признанием ты спасешь свою голову. Вот и перо, чтобы записать твоё сознание... А ловко все продумано... Особенно графинь с водою... Прекрасная штука! Вы ставите на подоконник большой шарообразный графинь с водой. Этот графинь выполнять роль зажигательного стекла и направлять лучи солнца на картонку и заранее приготовленную тонкую оберточную бумагу. Через десять минут после этого все обьято пламенем. Чудесное изобретение, право! И как просто! Точно яблоко Ньютона!.. Когда-нибудь ты впрямую заметишь, как лучи солнца, проходя через графинь с водою, зажгли спичку или сухой мох. Это обстоятельство породило в твоей голове блестящую идею. Молодчина! Поздравляю тебя! Ну, а теперь

вот тебе лист бумаги... пиши: «Я убил Гильома»... пиши же чорт возьми!

Ренин наклонился над Дютрейлем и, гипнотизируя его своим взглядом, заставил написать свое признание.

— Господин инспектор! Вот заявление Дютрейля. Не откажите отнести его господину префекту. Все присутствующие, надеюсь, подтвердят, что Дютрейль сознался в убийстве Гильома.

Затем он обратился с насмешкой к совершенно подавленному убийце:

— И дурак же ты, дружище! Вдь и картонка твоя, и деньги сгорели. А это новая картонка, а полусгоревшие кредитные билеты принадлежат мне. А ты ничего не понимаешь. В последнюю минуту ты сам дал мне единственное доказательство своей виновности. И какое еще: признание, написанное в присутствии свидетелей! Если тебя гильотинируют, то ты этого заслуживаешь. Ну, прощай, Дютрейль.

На улице князь Ренин попросил Гортензию отправиться в автомобиль к Мадлен Обри и сооб-

щить ей о происшедшем.

— А вы? — спросила Гортензия.

— У меня много разных неотложных дел.

— Вы отказываете себе в удовольствии объявить Обри эту радость?

— Ну, подобные удовольствия припадают. Единственное, что меня интересует, это борьба. Остальное скучно.

Она схватила его за руку и минуту задержала его руку в своей. Она хотела бы много, много высказать этому удивительному человеку, который с такой genialностью делал добро, как бы из любви к спорту. Но она не в силах была что-либо сказать. Все эти события ее безконечно взволновали. Она почувствовала, что в глазах ее стояли слезы.

Он поклонился и проговорил: — Благодарю вас! И вознаграждение.

5.

Тереза и Жермена.

Последние дни осени отличались такой мягкостью, что 2-го октября утром несколько семейств, живущих в своих виллах в Эгрета, спустились к берегу моря. Вдали между горами воздух был так чист, прозрачен и нжен, а небо так сине и ясно, что все рршиительно окутывало дымка поэзии, дымка своеобразной прелести.

— Восхитительно! — проговорила Гортензия.

Затем она добавила:

— И все же не для того мы приехали сюда, чтобы наслаждаться красотой природы или же заниматься разрыванием вопроса, действительно ли эта громада камней, называемая «Иглою» была обиталищем Арсена Люпен.

— Н-н-н, — ответил Ренин, — я согласен удовлетворить ваше законное любопытство, хотя бы частично, так как пока я узнаю еще очень мало во интересующему меня вопросу.

— Я вас слушаю.

— Начну с маленького введения. Вы понимаете, дорогой друг, что, деля своим олимпийским доири, и должен везде иметь друзей, сообщавших мне о том, когда мне нужно действовать. Иногда мне сообщают ерунду, на которую я не обращаю внимания. Но недавно тому назад я получила от своего корреспондента известие, что он пересхватил по телефону очень любопытный разговор. Из своей парижской квартиры одна дама беседовала с одним господином, временно живущим в соседнем большом городе. Название города, фамилия господина, фамилия дамы неизвестны. Господин и дама говорили по испански, но употребляли ирландские, называемые яванскими.

(Продолжение следует).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—22.)

Въ концѣ концовъ изъ перекривленной бесѣды установлено слѣдующее: I) Бесѣдовавшіе — братъ и сестра. Они ожидаютъ третье лицо, состоящее въ бракѣ и желающее какою бы то ни было цѣною получить свою свободу. II) Они условились при помощи газетнаго объявленія встрѣтиться 2 октября. III) Свиданіе это состоится въ концѣ дня во время прогулки по скаламъ, при чемъ лицо, желающее освободиться отъ брачныхъ узъ, приведетъ съ собой свою предполагаемую жертву. Вотъ суть этого дѣла. Все страшно занимательно. День тому назадъ утромъ въ одной газетѣ я прочиталъ слѣдующее объявленіе:

— „Сви-іе, 2-го окт., полдень, 3—Матильда.“

Такъ какъ вопросъ шелъ о скалахъ, то я рѣшилъ что преступленіе совершится на берегу моря. Я знаю, что въ Этрета есть скалы, называемыя „Тремя Матильдами“. Вотъ почему мы здѣсь. Намъ нужно воспрепятствовать выполнению злого намѣренія.

— Вы говорите о возможномъ преступленіи. Вѣдь это же только ваше предположеніе?

— Ничуть. Разговоръ шелъ о бракѣ одного изъ собесѣдниковъ съ тѣмъ третьимъ лицомъ, о которомъ я упоминалъ. Этому третьему лицу надо освободиться отъ своей пары, которая 2-го октября должна быть сброшена со скалы въ море. Все это строго логично.

Они сидѣли на террасѣ казино

противъ лѣстницы, которая спускалась къ морю. Они видѣли передъ собой на берегу кабинки купающихся. Передъ этими кабинками четыре господина играли въ бриджъ, а группа дамъ занималась рукодѣльемъ и болтала.

Нѣсколько дальше стояла отдѣльно закрытая кабинка.

Дѣти съ голыми ногами играли въ водѣ.

— Вся эта благодать и осенняя идиллія меня не радуютъ, — сказала Гортензія, — такъ какъ я все думаю о вашемъ сообщеніи. Ужасная загадка!

— Именно ужасная, дорогой другъ! И такъ трудно ее разгадать!

— Что-то пронзойдетъ?

И она добавила:

— Кому изъ собравшихся здѣсь угрожаетъ опасность? Кто въ числѣ обреченныхъ? Эта ли смѣющаяся блондинка? Или тотъ большой господинъ, который куритъ? И кто между ними будущій убійца? Всѣ эти люди спокойны и веселы, и смерть бродитъ между ними.

— Отлично! — замѣтилъ Ренинъ, — мнѣ удалось и васъ заинтересовать, увлечь! Я васъ предупреждалъ, что это случится. Вы невольно проникаетесь тѣми таинственными драмами, которыя совершаются вблизи васъ. Вамъ хочется раскрыть тайну, добиться разгадки загадочнаго явленія. Съ какимъ, напримѣръ, вниманіемъ вы слѣдите за этой приближающейся супружеской четой? Не они ли это? Можетъ быть, именно

этотъ господинъ намѣренъ уничтожить свою благовѣрную? Или дама хочетъ, наоборотъ, упразднить мужа?

— Д'Имбреваль? Ну, это невозможно! Это такое идеальное супружество! Вчера я долго въ гостиницѣ бесѣдовала съ женой, а вы...

— А я игралъ въ гольфъ съ Жакомъ д'Имбравалемъ, этимъ атлетомъ, и игралъ въ куклы съ ихъ двумя прелестными дѣвочками.

Д'Имбраваль къ нимъ приблизился, и они обмѣнялись съ ними нѣсколькими фразами. Госпожа д'Имбраваль сообщила, что ея двѣ дочери вернулись утромъ въ Парижъ со своей гувернанткой. Ея мужъ, здоровенный мужчина съ русой бородой жаловался на жару и держалъ свой фланелевый пиджакъ въ рукахъ.

— Тереза, ключъ отъ кабинки у тебя? — спросилъ онъ свою жену, когда они отошли отъ Гортензіи и Ренина.

— Вотъ онъ, — отвѣтила жена, — ты будешь читать газеты?

— Да, если только ты не предпочитаешь погулять.

— Лучше позднее; мнѣ еще надо написать десятокъ писемъ.

— Отлично! Мы взберемся на скалы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—23.)

Гортензія и Ренинъ переглянулись. Что это значило? Не находились ли они на пути къ раскрытію тайны?

Гортензія попыталась посмѣяться: — Мое сердце усиленно бьется, но я не вѣрю такому совпаденію. Она мнѣ какъ-то сказала, что съ мужемъ она ни разу даже не поспорила. Нѣтъ, видимо, они отлично уживаются.

— Мы это увидимъ скоро у „Трехъ Матильдъ“, если кто-либо изъ нихъ туда пойдетъ.

Д'Имбраваль спустился по лѣстницѣ, а его жена оперлась на перила террасы. У нея была красивая гибкая фигура. Красивый ея профиль съ нѣсколько выдающимся подбородкомъ ясно обрисовывался. Въ минуты спокойствія лицо носило отпечатокъ какой-то тоски и страданія.

— Жакъ, ты потерялъ что-то, — кинула она мужу, замѣтивъ, что

онъ наклонился надъ гравіемъ.

— Да, я выронилъ ключъ.

Она помогла ему въ поискахъ. Скоро они исчезли съ глазъ Гортензіи и Ренина. Споръ, возникшій между игроками въ бриджъ, покрылъ ихъ голоса.

Затѣмъ госпожа д'Имбраваль вернулась на лѣстницу и остановилась, глядя на море, а мужъ ея направился къ стоящей отдѣльно кабинкѣ. По дорогѣ игроки въ бриджъ обратились къ нему съ просьбой разрѣшить ихъ споръ, но онъ уклонился высказать свое мнѣніе, прошелъ тѣ сорокъ шаговъ, которые отдѣляли его отъ кабинки, открылъ ее и вошелъ туда.

Тереза д'Имбраваль поднялась на террасу и, посидѣвъ минутъ десять на скамейкѣ, вышла изъ казино. Гортензія замѣтила, что она вошла въ одинъ изъ флигелей, прилегающихъ къ гостиницѣ, и затѣмъ увидѣла ее на балконѣ своего помѣщенія.

— Одиннадцать часовъ, — сказала Ренинъ, — я увѣренъ, что кто-нибудь, — онъ или она, или кто-либо изъ этихъ игроковъ, — долженъ сейчасъ отправиться на свиданіе.

Прошло, однако, двадцать минутъ, потомъ двадцать пять и никто не двигался.

— Возможно, что госпожа д'Имбраваль уже пошла; ея на балконѣ нѣтъ, — сказала Гортензія, начинающая нервничать.

— Если она у „Трехъ Матильдъ“, мы ее тамъ застанемъ.

Онъ всгалъ. Въ это время между играющими возникъ новый споръ. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Спросимъ д'Имбраваль.

— Хорошо, — согласился другой, — пусть онъ будетъ нашимъ посредникомъ, хотя видѣли, сейчасъ, что онъ въ дурномъ настроеніи.

Откажетъ еще!

Стали звать:

— Д'Имбраваль, д'Имбраваль!

Тогда они замѣтили, что д'Имбраваль закрылъ за собой двери кабинки, у которой не было оконъ.

— Онъ спитъ, вѣроятно! Надо его разбудить.

— Д'Имбраваль, д'Имбраваль!

Всѣ четверо игроковъ направились къ кабинкѣ и постучались.

— Д'Имбраваль, вы спите?

На террасѣ Сергій Ренинъ вдругъ вскопился съ такимъ взволнованнымъ видомъ, что Гортензія испугалась.

Онъ пробормоталъ:

— Голько бы не опоздать!

Не отвѣчая на вопросы Гортензіи, онъ пустился бѣжать по направленію къ кабинкѣ. Онъ подбѣжалъ туда въ тотъ моментъ, когда игроки пытались открыть двери.

— Стойте, — скомандовалъ онъ, — все должно быть сдѣлано по правиламъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ кто-то.

Черезъ щелочку ему удалось взглянуть внутрь каинки.

Его стали спрашивать:

— Что тамъ такое? Что вы видите?

Онъ повернулся и сказалъ:

— Я былъ увѣренъ, что, если д'Имбраваль не отвѣчалъ, то потому, что серьезное происшествіе мѣшало ему сдѣлать это.

— Важное происшествіе?

— Да, надо полагать, что д'Имбраваль раненъ или... умеръ.

— Какъ умеръ! — послышались

крики, — онъ только-что насъ покинулъ.

Ренинъ вынулъ перочинный ножикъ, взломалъ замокъ и открылъ двери кабинки.

Послышались крики ужаса. Господинъ д'Имбреваль лежалъ на полу лицомъ внизъ, судорожно сжимаемая въ рукахъ газету. Спина его была вся въ крови.

— О, — сказалъ кто-то, — онъ себя убилъ!

— Какъ могъ онъ себя убить? — возразилъ Ренинъ. — Рана вѣдь нанесена въ спину. Да и здѣсь нѣтъ никакого оружія.

Игроки запротестовали:

— Преступленіе?.. Это же невозможно. Здѣсь никого не было. Мы бы видѣли.

Сбѣжались дачники со всѣхъ сторонъ. Ренинъ пустилъ въ кабинку только доктора. Врачъ лишь удостовѣрилъ, что д'Имбреваль убитъ ударомъ кинжала.

Въ этотъ моментъ прибылъ мэръ и полицейскій. Они выполнили нужныя формальности и унесли трупъ. Кто-то побѣжалъ предупредить жену покойнаго, которая опять появилась на своемъ балконѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—24.)

Итакъ, трагедія совершилась. Невозможно было понять, какъ чело-вѣкъ, запершійся въ кабинкѣ, могъ быть убитъ почти на глазахъ у десятка свидѣтелей. Вѣдь дверь кабинки оказалась запертой и никто туда не входилъ. Кинжалъ, которымъ воспользовался убійца, не былъ найденъ. Казалось, что это какой-то фокусъ, а между тѣмъ дѣло шло объ ужаснѣйшемъ преступленіи.

Волненіе Гортензіи было неопи-суемо. Впервые за время ея похожденій съ Ренинымъ ей пришлось такъ близко видѣть совершенное преступленіе. Она прошептала:

— Какой ужасъ!.. Несчастный!.. А, Ренинъ, этого вы были безсильны спасти!.. Самое ужасное заклю-чается въ томъ, что мы могли его спасти, такъ какъ знали о заговорѣ.

Ренинъ далъ ей понюхать на-шатырнаго спирту и, когда она успо-коилась, сказалъ ей, одновременно наблюдая за молодой женщиной:

— Вы, слѣдовательно, полагаете, что есть связь между этимъ убій-ствомъ и тѣмъ заговоромъ, о кото-ромъ мы узнали.

— Ну, конечно, — отвѣтила она съ удивленіемъ.

— Значить, имѣя въ виду, что заговоръ задуманъ мужемъ противъ жены своей или женой противъ мужа, вы думаете, что госпожа д'Им-бреваль?..

— О, нѣтъ, это невозможно, — возразила она. Во первыхъ, госпожа д'Имбреваль не покидала своего по-мѣщенія... во вторыхъ, я никогда не повѣрю, чтобы эта прелестная женщина была способна на это... нѣтъ, нѣтъ, здѣсь нѣчто другое.

— Что же именно?

— Я не знаю... Возможно, что разговоръ между братомъ и сестрой по телефону былъ плохо понятъ... Вѣдь преступленіе совершено въ другихъ условіяхъ, въ другое вре-мя... въ другомъ мѣстѣ.

— Значить, — замѣтилъ Ренинъ, — объ исторіи не находятся ни въ какой связи?

— Ахъ, — прошептала она, — ничего рѣшительно нельзя понять. Все это такъ странно.

Ренинъ началъ иронизировать:

— Мой ученикъ сегодня не дѣ-лаетъ мнѣ чести...

— То есть, какъ?

— Судите сами: вся эта драма развернулась, можно сказать, на ва-шихъ глазахъ, а вы въ ней ничего не понимаете и ничего не можете разгадать. Точно дѣло происходитъ Богъ знаетъ гдѣ.

Гортензія сконфузилась.

— Что вы говорите! Неужели вы что-нибудь разгадали? По ка-кимъ-же признакамъ?

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Я не все понялъ. Преступле-ніе во всей его внезапности — да! Но его психологія пока еще мнѣ не ясна. Сейчасъ двѣнадцать часовъ. Братъ и сестра, видя что на свиданіе къ тремъ Матильдамъ никто не является, вѣроятно придутъ сюда. Не думаете ли вы, что мы скоро тогда распутаемъ все это дѣло и поймемъ его связь съ убійствомъ д'Имбревалей?

Они пошли по набережной, вдоль которой расположились дачи. У од-ной дачи они замѣтили много лю-бопытныхъ. Два таможенныхъ сол-дата стояли у входныхъ дверей да-чи и никого туда не пускали. Че-резъ толпу быстро пробирался мэръ. Онъ возвращался съ почты, откуда телефонировалъ въ Гавръ. Ему от-вѣтили, что прокуроръ и судебный слѣдователь въ скоромъ времени придутъ въ Этрета.

— Мы имѣемъ время, чтобы по-завтракать, — сказалъ Ренинъ, — Трагедія не разыграется раньше двухъ-трехъ часовъ. Думаю, что

выйдетъ очень интересно.

Они поторопились позавтракать. Гортензія, возбужденная и взволно-ванная желаніемъ все скорѣй узнать, засыпала Ренина вопросами. Онъ отвѣчалъ уклончиво и все поглядывалъ по направленію набережной, ко-торая видѣлась черезъ оконную раму.

— Вы ихъ ожидаете?

— Да, брата и сестру.

— Вы полагаете, что они риск-нутъ?..

— Вниманіе! Вотъ и они!

Онъ быстро вышелъ.

По главной улицѣ неуверенными шагами шли мужчина и женщина, точно незнакомые съ топографіей мѣстности. Братъ былъ маленькій, худенькій чело-вѣкъ съ автомобиль-ной фуражкой на головѣ. Сестра, тоже маленькая, но довольно пол-ная, хотя и въ лѣтахъ уже, все же сохранила слѣды своей былой кра-соты, какъ это можно было замѣ-тить черезъ вуалетку, прикрывав-шую ея лицо.

Они подошли къ собравшейся группѣ людей. Видимо, оба волно-вались и беспокоились.

Сестра подошла къ матросу. Съ первыхъ же словъ, когда, вѣро-ятно, она услышала объ убійствѣ д'Имбревалей, она вскрикнула и ста-ралась протиснуться впередъ. Братъ также пробирался въ первые ряды и обратилъ къ таможеннымъ сол-датамъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—25.)

— Я другъ д'Имбревалъ!.. Вотъ моя визитная карточка... Фредерикъ Астэнгъ... Моя сестра, Жермена Астэнгъ, подруга госпожи д'Имбревалъ... Они насъ ожидали... У насъ было назначено свиданіе!..

Ихъ пропустили. Ренинъ и Гортензія, не говоря имъ ни слова, послѣдовали за ними.

Д'Имбревалъ занимали во второмъ этажѣ четыре комнаты и гостиную. Сестра бросилась въ одну изъ комнатъ и упала на колѣни передъ кроватью, куда положили убитого. Въ гостиной сидѣла Тереза. Она рыдала среди нѣсколькихъ хранящихся безмолвіе людей. Братъ сѣлъ около нея, схватилъ ее за руку и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Бѣдный мой другъ... бѣдный мой другъ!

Ренинъ и Гортензія внимательно взглянули на нихъ. Гортензія прошептала:

— И ради такого господина они убили?... Нѣтъ, это совершенно невозможно!

— Однако, — замѣтилъ Ренинъ, — они другъ съ другомъ знакомы. Мы также знаемъ, что они вели переговоры съ третьимъ лицомъ, своимъ сообщникомъ, значитъ?..

— Невозможно, — повторила Гортензія.

Несмотря на предубѣжденность своего спутника, Гортензія испытывала къ молодой женщинѣ необыкновенную симпатію. Когда Астэнгъ всталъ, она сѣла около госпожи д'Имбревалъ и принялась утѣшать ее нѣжнымъ голосомъ. Слезы несчастной безконечно трогали ее.

Ренинъ сталъ успѣшно слѣдить за братомъ и сестрой. Фредерикъ Астэнгъ ходилъ по квартирѣ и все внимательно осматривалъ, спрашивая о подробностяхъ совершеннаго преступленія. Два раза сестра его подходила къ нему, и они чѣмъ-то шептались. Затѣмъ онъ опять вер-

нулся къ госпожѣ д'Имбревалъ и опять сѣлъ около нея, обнаруживая живое участіе къ ея горю. Въ концѣ концовъ, переговоривъ съ сестрою въ передней и какъ-будто о чѣмъ-то условившись съ нею, Фредерикъ ушелъ. Все это продолжалось около сорока минутъ.

Въ это время подкатилъ автомобиль съ прокуроромъ и судебнымъ слѣдователемъ. Ренинъ, ожидавшій ихъ прибытія позднеѣ, сказалъ Гортензіи:

— Надо поспѣшить. Ни подѣ какимъ видомъ не оставляйте госпожу д'Имбревалъ.

Предупредили свидѣтелей, чтобы они собрались, а слѣдователь приступилъ къ дѣлу. Опросъ госпожи д'Имбревалъ долженъ былъ послѣдовать позднеѣ. Всѣхъ постороннихъ удалили. Остались только двѣ сидѣлки и Жермена Астэнгъ.

Жермена стала на колѣни передъ тѣломъ убитого и, закрывъ лицо руками, долго молилась. Когда она встала и хотѣла выйти изъ комнаты, къ ней подошелъ Ренинъ.

— Миѣ, сударыня, надо сказать вамъ нѣсколько словъ.

Она удивилась и отвѣтила:
— Говорите; я васъ слушаю.
— Не здѣсь.

— Гдѣ же?

— Рядомъ, въ гостиной.

— Нѣтъ, — живо возразила она.

— Почему? Хотя вы и не поздоровались съ госпожей д'Имбревалъ, все же думаю, вы ея пріятельница?

Онъ не далъ ей времени подумать, увлекъ ее въ гостиную и подойдя къ госпожѣ д'Имбревалъ, которая собиралась уйти въ свою комнату, сказалъ:

— Сударыня, умоляю васъ выслушать меня. Присутствіе госпожи Астэнгъ не должно васъ смущать. Мы должны переговорить, не теряя ни одной минуты, о вещахъ въ высшей степени важныхъ.

Обѣ женщины очутились лицомъ къ лицу, при чемъ ясно было, что одна ненавидѣла другую; эта ненависть читалась въ каждой чертѣ ихъ лицъ. Гортензія, которая раньше думала, что онѣ пріятельницы, видя это, ужаснулась, ожидая, что произойдетъ роковое столкновеніе. Она заставила госпожу д'Имбревалъ сѣсть. Ренинъ же сталъ на середину комнаты и проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Случай, который помогъ миѣ открыть правду, дастъ миѣ также возможность васъ обѣихъ спасти. Но вы должны быть со мной впол-

нѣ откровенны и дать миѣ необходимыя дополнителныя свѣдѣнія. Каждая изъ васъ понимаетъ, что находится въ опасности, такъ какъ знаетъ свои злыя намѣренія. Но ненависть васъ сейчасъ ослѣпляетъ и я хочу помочь вамъ. Черезъ полчаса слѣдователь будетъ здѣсь. До его прихода вы должны притти къ соглашенію.

Обѣ подскочили какъ-бы подѣ ударами хлыста.

— Да, вы должны притти къ соглашенію, — повторилъ онъ еще болѣе повелительно. Добровольно или нѣтъ, но это должно совершиться. Вы не однѣ являетесь страдающими лицами. У васъ вѣдь двѣ дѣвочки — обратился онъ къ госпожѣ д'Имбревалъ. — Я вмѣшиваюсь въ это дѣло, чтобы защитить ихъ и быть имъ полезнымъ. Ошибка, лишнее слово и... онѣ, эти дѣвочки, погибли. Этого не должно быть.

При упоминаніи о дѣтяхъ госпожа д'Имбревалъ упала въ кресло и зарыдала. Жермена Астэнгъ пожала плечами и пошла по направленію къ двери.

— Куда вы идете? — остановилъ ее Ренинъ.

— Меня вызвалъ судебный слѣдователь.

— Нѣтъ.

— Да, какъ и всѣхъ, кто можетъ что-либо показать.

— Васъ тамъ не было. О происшедшемъ вы ничего не знаете. Никто ничего не знаетъ объ этомъ преступленіи.

— Я знаю, кто его совершилъ.

— Быть не можетъ!

— Тереза д'Имбревалъ.

Это обвиненіе было брошено съ жестомъ злобы и ненависти.

— Негодяйка! — вскрикнула госпожа д'Имбревалъ, бросаясь къ ней. — Пошла вонъ! Пошла вонъ! Ахъ, какая подлая женщина!

Гортензія пробовала ее успокоить, но Ренинъ тихо сказалъ:

— Оставьте ихъ, я именно этого хотѣлъ... заставить ихъ сдѣлаться и выяснитъ такимъ образомъ истину.

Госпожа Астэнгъ, оскорбленная, дѣлanno расхохоталась:

— Негодяйка? Почему? Потому, что я тебя обвиняю?

— За все, за все! Ты, Жермена, негодяйка, подлая женщина! Слышишь!

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—26.)

Тереза д'Имбреваль повторяла оскорбительныя слова, точно они приносили ей облегченіе. Когда она стала успокаиваться, возможно, что физическія силы измѣнили ей. Тогда госпожа Астенгъ перешла въ атаку. Лицо ея сдѣлалось неузнаваемымъ, оно постарѣло на двадцать лѣтъ.

— Ты, ты смѣешь меня оскорблять послѣ совершеннаго тобой преступленія! Ты рѣшаешься поднимать голову, когда человѣкъ, котораго ты убила, лежитъ тутъ рядомъ. Если кто изъ насъ негодяйка, то это ты, Тереза! Ты убила своего мужа!.. Ты убила своего мужа!

Она подскочила къ своей пріятельницѣ и ногти ея рукъ почти касались ея лица.

— Посмѣй сказать, что не ты убила его, — вскрикнула она, — не говори этого, я тебѣ это запрещаю. Кинжалъ въ твоемъ ридикюль. Мой братъ его ощущалъ, когда говорилъ съ тобою, а рукоятка его оказалась со

слѣдами крови. Это кровь твоего мужа, Тереза. Я сразу все угадала. Когда какой то матросъ мнѣ отвѣтилъ внизу, что убили д'Имбревалю, я сразу же сообразила, что это ты его убила.

Тереза ничего не отвѣчала. Она даже не протестовала. Гортензіи показалось, что она чувствуетъ свою гибель. Ея лицо посѣрѣло и выражало полнѣйшее отчаяніе. Гортензія стала умолять ее защищаться.

— Объясните-же все, умоляю васъ. Во время совершеннаго преступленія вы же находились у себя на балконѣ... Откуда появился этотъ кинжалъ?.. Какъ объяснить?

— Объясненія! — засмѣялась Жермена Астенгъ, — она ихъ дать не можетъ. Не въ мелочахъ дѣло, а въ сути. Главное же доказательство — кинжалъ. И это фактъ, что онъ у нея въ ридикюль... Да, да, Тереза, именно ты убійца!.. Я часто говорила своему брату, что ты убьешь своего мужа. Фредерикъ,

питавшій къ тебѣ слабость, пробовалъ защищать тебя. Но въ сущности онъ предвидѣлъ это событіе. Ужасное преступленіе совершилось! Ударъ кинжала въ спину. Подлая, подлая!.. И я ничего не смѣю сказать, я должна молчать! Но ни у меня, ни у Фредерика нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Я тебя непремѣнно выдамъ. И ты, Тереза, теперь погибла, невозвратно погибла! Ничто не спасетъ тебя. Твой кинжалъ сейчасъ будетъ найденъ слѣдователемъ и на немъ будутъ найдены слѣды крови тобой убитаго мужа. И у тебя также найдутъ его бумажникъ. Да, найдутъ!

Она пылала такой злобой, что не могла продолжать и подбородокъ ея конвульсивно дрожали.

Ренинъ тихо схватилъ ридикюль Терезы д'Имбреваль, но она не хотѣла его выпустить изъ рукъ. Онъ сталъ настаивать и сказалъ ей:

— Предоставьте мнѣ дѣйствовать, сударыня. Ваша пріятельница Жермена права. Если слѣдователь найдетъ у васъ кинжалъ, онъ васъ немедленно арестуетъ. Этого быть не должно. Предоставьте мнѣ свободу дѣйствій.

Его мягкій тонъ побѣдилъ сопротивленіе Терезы. Ея пальцы рас-

жались. Онъ открылъ мѣшечекъ-ридикюль, вынулъ оттуда маленькій кинжалъ съ ручкой изъ чернаго дерева и бумажникъ изъ шагреновой кожи и спряталъ обѣ вещи въ боковой карманъ своего костюма.

Жермена Астенгъ смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Вы сумасшедшій! По какому праву?

— Эти вещи нельзя оставлять на виду. Теперь я спокоенъ. Слѣдователь не станетъ искать въ моемъ марманѣ.

— Но я васъ выдамъ, — возразила она съ возмущеніемъ, — судебная власть будетъ предупреждена.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы будете молчать, — замѣтилъ онъ со смѣхомъ.

— Судебной власти нечего совать сюда свой носъ. Ваши взаимныя недоразумѣнія должны быть разрѣшены вами же. Какая глупая идея — обращаться по всякому поводу къ судебной власти!

Госпожа Астенгъ была совершенно поражена.

— Но вы не имѣете никакого права такъ говорить! Кто вы такой? Другъ этой женщины?

— Съ того момента, какъ вы на нее напали,

— Если я на нее нападаю, то потому, что она виновна въ убійствѣ своего мужа...

— Я этого не отрицаю, — спокойно объявилъ Ренинъ, — въ этомъ отношеніи мы сходимся. Жакъ д'Имбреваль, дѣйствительно, убить своей женой, но судебная власть этого знать не должна.

— Она это узнаетъ черезъ меня... Клянусь!.. Эта женщина должна быть наказана... Она вѣдь убила!

Ренинъ подошелъ къ ней и тронулъ ее за плечо:

— Вы спрашиваете меня, почему я вмѣшиваюсь въ это дѣло? А вы, сударыня, по какому праву, впутываетесь въ эту исторію?

— Я была другомъ убитаго.

— Только другомъ?

Она нѣсколько смутилась, но сейчасъ же возразила:

— Я была его другомъ. Мой долгъ отомстить за него.

— Вы, однако, будете молчать какъ и онъ.

— Онъ то вѣдь не зналъ, кто его убилъ.

— Ошибаетесь. Онъ имѣлъ время передъ смертью выдать свою жену, но этого не сдѣлалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—27.)

— Почему?

— Ради дѣтей.

Госпожа Астэнгъ не сдавалась, хотя нравственная сила Ренина подчиняла ее. Она поняла, что вѣнчанство Ренина дало опору госпожѣ д'Имбеваль.

— Благодарю васъ, — сказала Тереза, — если вы такъ хорошо разгадали, то вы понимаете, что я только ради дѣтей не отдалась въ руки судебной власти. Я, право, такъ устала!

Итакъ, сцена мѣнялась. Получилось такое впечатлѣніе, что виноватая начинала оправдываться, а обвинительницу охватило какое-то безпокойство. Она не находила словъ, чтобы продолжать настаивать на своемъ обвиненіи, тогда какъ другая чувствовала потребность признаніемъ облегчить свое сердце.

— Сейчасъ, — ласково сказала Ренинъ, — я полагаю, что вы можете и должны намъ все объяснить?

— Да, да... — согласилась она, — я должна отвѣтить этой женщинѣ... Всю правду, не такъ-ли?

Она заплакала, лицо ея постыгло отъ горя и тихо, короткими

фразами, безъ гнѣва, она заговорила

— Уже четыре года она его любила... Какъ я страдала! Она сама объявила объ ихъ связи... по злобѣ!.. Она меня еще больше ненавидѣла, нежели любила Жака...

Каждый день она наносила мнѣ новыя раны... часто сообщала мнѣ по телефону о назначенныхъ съ моимъ мужемъ свиданіяхъ. Она думала, что такимъ путемъ она доведетъ меня до самоубійства... Я о немъ думала... Но дѣти меня отъ него удержали. А Жакъ слабѣлъ, подпадая подъ ея вліяніе. Она требовала, чтобы онъ со мной развелся, и онъ, видимо, шелъ на это. На него и она, и ея братья, опаснѣйшіе люди, оказывали самое дурное вліяніе, подчинивъ его своей власти...

Жакъ дѣлался со мной съ каждымъ днемъ все жестче... У него не хватало мужества покинуть меня, но я была для него препятствіемъ къ осуществленію его плановъ. Господи, какія муки я переживала!

— Надо ему было дать свободу, — вскричала Жермена Астэнгъ, — нельзя убивать человѣка только за то, что онъ хочетъ развестись.

Тереза покачала головой:

— Я не потому убила его, что онъ хотѣлъ развестись. Если бы онъ хотѣлъ развестись, какъ я могла бы удержать его. Но твои намѣренія, Жермена, перемѣнились. Для тебя уже не достаточно было развода, ты хотѣла добиться другого... На эту подлость по слабости характера мой мужъ согласился...

— Что ты хочешь сказать? — пробормотала Жермена... Чего я добивалась?..

— Моей смерти.

— Ты лжешь, — воскликнула Астэнгъ.

Тереза не повысила голоса и спокойно, невозмутимо повторила:

— Да, ты задумала умертвить меня, я прочла твои послѣднія письма, которыя онъ забылъ спрятать. Ихъ было шесть. Тамъ этого страшнаго слова нѣтъ, но оно чувствуется между строкъ. Я прочла это съ ужасомъ! Мой Жакъ дошелъ до такой мѣразости!.. Но все же я ни одной минуты не думала и послѣ этого убить его. Такая женщиной, какъ я, предумышленно не убиваютъ... Я это сдѣлала неожиданно, потерявъ голову... по твоей винѣ, Жермена.

Она вопросительно посмотрѣла на Ренина, точно прося у него защиты.

— Говорите безбоязненно, я беру все на себя.

Она провела рукою по лбу. Страшная сцена оживала въ ея во-

ображеніи и мучала ее... Жермена Астэнгъ не двигалась, глаза ея выражали смущеніе. Гортензія же съ нетерпѣніемъ ожидала разъясненія этой загадочной тайны.

— Случилось все это позже и по твоей винѣ, Жермена. Я положила обратно бумажникъ въ ящикъ стола и ничего о немъ не сказала мужу. Я не хотѣла сказать ему то, что узнала. Это было такъ ужасно! Но надо было торопиться. Твои письма сообщали о твоёмъ прѣздѣ сегодня же... Сначала я хотѣла просто убѣжать. Машинально я захватила этотъ кинжалъ, чтобы защищаться... но когда Жакъ и я пришли на берегъ моря, тогда я готова была умереть... Пусть я умру и весь этотъ кошмаръ этимъ и кончится. Но ради дѣтей я хотѣла, чтобы моя смерть имѣла видъ несчастнаго случая и чтобы Жака не обвинили. Вотъ почему твой планъ прогулки по скаламъ былъ для меня подходящимъ... Паденіе съ вершины скалы вполне естественно... Жакъ меня покинулъ, чтобы идти къ „Трѣмъ Матильдамъ“. По дорогѣ оmodo терсы онъ уронилъ ключъ отъ этой кабинки. Я спустилась и помогла ему искать ключъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—27.)

...И вотъ тутъ-то, по твоей именно винѣ, Жермена, все это произошло. Изъ кармана у Жака выпали бумажникъ и фотографія. Эту фотографію я тотчасъ же узнала: на ней была изображена я съ моими двумя дѣвочками. Я взяла фотографію и... увидѣла. Ты знаешь, Жермена, что я увидѣла? Вмѣсто меня на фотографіи была ты. Ты меня замѣнила своей особой. Одной рукою ты обнимала мою старшую дочь, другая же дѣвочка отдыхала на твоихъ колѣняхъ... Это была ты, Жермена, будущая мать моихъ дѣтей, которая должна была послѣ моей смерти заняться ихъ воспитаніемъ... Ты! Ты!.. Тогда я потеряла голову. У меня находился кинжалъ. Жакъ наклонился... Я нанесла ему ударъ...

Каждое слово ея исповѣди лилось правдой. И Ренинъ, и Гортензія слушали эту исповѣдь съ чувствомъ глубокаго интереса.

Она сѣла, продолжая говорить:

— Я думала, что вокругъ меня начнутъ кричать и меня арестуютъ... Ничего! Никто ничего не замѣтилъ. А Жакъ всталъ и не падалъ! Нѣтъ, онъ не падалъ. Я вернулась на террасу и оттуда наблюдала за нимъ. Онъ набросилъ куртку на плечи, чтобы, видимо, скрыть рану и удалился, даже не пошатываясь. Онъ даже обмѣнялся нѣсколькими словами съ пріятелями, которые играли въ карты, затѣмъ направился къ своей кабинкѣ и исчезъ. Я тоже вернулась къ себѣ. Мнѣ казалось, что все это сонъ, что я не убила, а лишь легко ранила, что Жакъ скоро выйдетъ... Я въ этомъ была увѣрена. Я все надѣялась... Еслибъ я знала, что ему нужно оказать помощь, я побѣжала бы къ нему. У меня не было ни малѣйшаго предчувствія, что случилось не-поправимое несчастье. Я ни о чемъ не догадывалась... Я была даже спокойна, какъ послѣ страшнаго

кошмара, воспоминаніе о которомъ проходило... Я ничего не знала... до той минуты, когда...

Она остановилась. Рыданія не давали ей говорить.

Ренинъ кончилъ за нее:

— Вы ничего не знали до той минуты, когда пришли васъ предупредить.

— Да... Только тогда я поняла, что именно сдѣлала... Я почувствовала, что схожу съ ума и готова кричать: „Это я! Не ищите! Вотъ кинжалъ! Я убійца!“, Я готова была кричать о моей винѣ, какъ вдругъ моего бѣднаго Жака принесли домой... У него было очень спокойное и доброе лицо... Я тогда поняла свой долгъ, какъ онъ выполнилъ свой долгъ... Онъ меня не выдалъ, промолчалъ ради дѣтей. Я тоже рѣшила молчать. Въ этомъ убійствѣ мы оба были виновны, и оба мы были обязаны сдѣлать все, чтобы оно не отразилось на нашихъ дѣтяхъ. Во время своей агоніи онъ ясно понималъ это... онъ имѣлъ необыкновенное мужество и силу воли послѣ смертельнаго раненія двигаться, отвѣчать на вопросы и запереться, чтобы умереть. Этимъ поступкомъ онъ искупилъ всю свою вину предо мною и одновременно про-

стилъ меня, такъ какъ не выдалъ меня... Это онъ приказывалъ мнѣ молчать и защищаться противъ всѣхъ и особенно противъ тебя, Жермена.

Послѣднія слова она произнесла съ большою твердостью. Она начала приходить въ себя и, думая о поступкѣ мужа, въ этомъ черпала энергію свою для дальнѣйшей борьбы. Въ присутствіи интриганки, ненависти которой довела ихъ до преступленія и смерти, она готова была на борьбу, воля ея укрѣпилась.

Но Жермена Астэнгъ не признавала себя побѣжденной. Она прослушала свою соперницу съ искреннимъ отвѣдомъ. Казалось, что ничего не могло смягчить ея сердца и угрозынія совѣсти ее не мучили. Подъ конецъ ея тонкія губы сложились въ улыбку, точно она радовалась тому, что событія приняли такой оборотъ. Ея жертва находилась въ ея власти.

Она медленно поправила шляпу, посмотрѣла въ зеркало, подпудрилась и направилась къ дверямъ.

Тереза бросилась за ней.

— Куда ты идешь?

— Это мое дѣло.

— Къ сѣдователю?

— Возможно.

— Ты не пойдешь.
— Хорошо, я его подожду здѣсь.
— И ты ему скажешь?
— Конечно! Все то, что ты сейчас сказала по своей наивности. Все теперь ясно! Ты дала всѣ необходимые разъясненія.

Тереза схватила ее за плечо.

— Да, но я ему еще кое-что разъясню. Если я погибну, то погибнешь и ты.

— Ты мнѣ ничего не можешь сдѣлать.

— Я выдамъ тебя, покажу твои письма.

— Какія письма?

— Тѣ, въ которыхъ говорится о намѣреніи убить меня.

— Ложь! Эти были просто дружескія письма.

— Эти были письма любовниковъ и соучастниковъ.

— Докажи.

— Они здѣсь, въ бумажникъ Жака.

— Нѣтъ.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что эти письма принадлежать мнѣ. Я ихъ взяла обратно... Вѣрнѣе, мой братъ.

— Ты ихъ похитила, негодяйка, — воскликнула Тереза, и — ты мнѣ ихъ отдашь.

— У меня ихъ уже нѣтъ. Они у брата.

— Онъ мнѣ ихъ вернуть.

— Онъ уѣхалъ.

— Его найдутъ.

— Его — да, но не письма. Подобныя письма уничтожаются.

Тереза пошатнулась и въ отчаяніи протянула руки къ Ренину.

Ренинъ проговорилъ:

— Она говоритъ правду. Я слѣдилъ за поведеніемъ брата. Онъ вытащилъ письма изъ бумажника и ушелъ съ ними.

Князь сдѣлалъ паузу и добавилъ:

— Онъ захватилъ, во всякомъ случаѣ, пять писемъ.

Хотя эта фраза была произнесена небрежно, но всѣ поняли ея серьезное значеніе. Обѣ женщины подошли къ нему поближе. Что онъ хотѣлъ сказать? Если Фредерикъ унесъ всего пять писемъ, то гдѣ же находилось шестое?

— Я думаю, — продолжалъ Ренинъ, — что, когда бумажникъ выпалъ у него на берегу моря, то выпало изъ него это шестое письмо, а также и фотографія. Д'Имбреваль поднялъ и письмо и фотографію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—29.)

— Откуда вы это знаете? — измѣнившимся голосомъ спросила Жермена Астэнгъ.

— Я нашелъ ихъ въ его фланелевой курткѣ, которую повѣсили около его кровати. Вотъ это письмо. Оно подписано Жерменой Астэнгъ. Изъ него видно, что она совѣтовала своему любовнику убить жену. Я даже удивляюсь, что такая ловкая женщина написала столь неосторожное письмо.

Госпожа Астэнгъ позеленѣла и такъ смутилась, что даже не пыталась защищаться. Ренинъ продолжалъ, обращаясь исключительно къ ней:

— По моему мнѣнію, вы виноваты во всемъ томъ, что произошло. Вы очевидно разорены и, пользуясь слабостью господина д'Имбревалля, хотѣли заставить его на васъ жениться, несмотря на всѣ препятствія. Такимъ путемъ вы хотѣли получить его состояніе. У меня есть доказательства всѣхъ этихъ вашихъ низменныхъ расчетовъ. Нѣсколько минутъ послѣ меня вы стали рыться въ карманахъ куртки убитаго. Я вынулъ оттуда шестое

письмо, но оставилъ въ карманѣ клочекъ бумаги, который вы жадно искали; онъ тоже, видимо, выпалъ изъ бумажника. Этотъ клочекъ бумаги былъ чекъ, подписанный д'Имбревалемъ, въ 100.000 франковъ на имя вашего брата... Свадебный подарокъ, очевидно... На булавки..

По вашимъ инструкціямъ вашъ братъ, вѣроятно, отправился въ Гавръ, чтобы изъ банка до четырехъ часовъ получить эти деньги. Но предупреждаю васъ, я сообщу по телефону въ банкъ, чтобы, въ виду убійства господина д'Имбревалля, этихъ денегъ не выдавали. Такимъ образомъ, если вы будете упорствовать, то о всѣхъ махинаціяхъ вашихъ и вашего брата я поставлю въ извѣстность судебную власть. Я еще расскажу о перехваченномъ мною недѣлю тому назадъ телефонномъ разговорѣ между вами и вашимъ братомъ по-испански. Но надѣюсь, что до такой крайности вы меня не доведете. Мы вѣдь съ вами придемъ къ соглашенію? Не такъ-ли?

Ренинъ говорилъ такъ свободно и такъ властно, какъ бы не допуская никакихъ возраженій; каза-

лось, что всѣ его слова — были сама истина, сама логика. Оставалось только подчиниться ему.

Госпожа Астэнгъ это поняла. Подобныя натуры, неукротимыя во время борьбы, пока эта борьба возможна, въ случаѣ пораженія, легко сдаются. Жермена была, слишкомъ умна, чтобы не понять, что малѣйшая попытка къ сопротивленію, лишь ухудшитъ ея положеніе. Она находилась всецѣло въ его власти. Въ подобныхъ случаяхъ подчиняются.

Она не пыталась разыграть комедію, или власть въ истерику. Она подчинилась.

— Я съ вами согласна, — проговорила она, — что же вы требуете?

— Уѣзжайте.

— Но если потребую моего свидѣтельства?

— Вашего показанія не требуется.

— Однако...

— Вы отвѣтите, что рѣшительно ничего по этому дѣлу не знаете. Она направилась къ выходу. У порога дверей остановилась и сквозь зубы прошептала:

— А чекъ?

Ренинъ посмотрѣлъ на госпожу д'Имбреваль, которая объявила:

— Пусть чекъ останется у нея.

Мнѣ этихъ денегъ не надо.

Объяснивъ Терезѣ д'Имбреваль подробно, что именно она должна

показать слѣдователю, Ренинъ и Гортензія покинули дачу.

На берегу прокуроръ и слѣдователь продолжали слѣдствіе, допрашивали свидѣтелей и совѣщались между собою.

— Когда я подумаю только, — замѣтила Гортензія — что у васъ находятся кинжалъ и бумажникъ д'Имбревалля!

— Это вамъ кажется очень опаснымъ? — отвѣтилъ онъ со смѣхомъ. — Мнѣ же это кажется безконечно смѣшнымъ.

— Вы не боитесь?

— Чего?

— Чтобы васъ не заподозрили?

— Господи! Никто никогда ни о чемъ не догадается. Мы сейчасъ расскажемъ судебной власти о томъ, что видѣли. Это увеличить ея смущеніе, такъ какъ мы вѣдь ничего не видѣли. Изъ осторожности мы пробудемъ здѣсь дня два, слѣдя за событіями. Но дѣло кончено! Ни о чемъ никто не догадается.

— А вы, однако, все разгадали съ перваго же мгновенія. Какимъ образомъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—30.)

— Потому, что вмѣсто того, чтобы прибѣгать ко всякимъ хитро-сплетениямъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, я сразу правильно ставлю вопросъ и отвѣтъ приходитъ самъ собою. Господинъ входитъ въ кабинку и тамъ замираетъ. Черезъ полчаса его находятъ мертвымъ. Никто не входилъ. Что же произошло? Для меня отвѣтъ ясенъ. Не стоить даже голову ломать. Такъ какъ преступленіе совершенно не въ кабинетѣ, то, слѣдовательно, оно совершено раньше: господинъ передъ входомъ въ кабинку былъ смертельно раненъ. И вотъ все для меня ясно! Госпожа д'Имбраваль, которая должна была быть убита сегодня вечеромъ, предупредила это событіе. Когда мужъ ея наклонился, она въ припадкѣ аффекта убила его. Оставалось искать лишь мотива этого преступленія. Когда я познакоми- лась съ этими мотивами, я рѣшила защитить ее. Вотъ и вся исторія!

Наступалъ вечеръ. Синева небесъ дѣлалась темнѣе, море еще болѣе спокойнымъ.

— О чемъ вы думаете? — спросилъ Ренингъ.

— Я думаю о томъ, — сказала она, — что если бы я вдругъ сдѣ- лалась жертвой какой-нибудь интри- ги, то я всегда сохранила бы въ васъ вѣру, въ то, что вы меня всег- да спасете, не взирая ни на какія препятствія. Нѣтъ границъ вашему могуществу.

Онъ тихо прошепталъ:

— Я безгранично хотѣлъ бы вамъ нравиться.

6.

Фильмъ—разоблачитель.

— Обратите вниманіе на того, который играетъ дворецкаго, — ска- залъ Сергій Ренингъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спро- сила Гортензія.

Они сидѣли въ кино на бульва- рахъ. Молодая женщина увлекла туда Ренинга, чтобы посмотреть од- ну фильмовую артистку, которая имѣла къ ней близкое отношеніе. Роза-Андрэ, значившаяся въ афи- шѣ жирнымъ шрифтомъ, приходи- лась ей свободной сестрой, такъ какъ ихъ отецъ былъ женатъ два раза. Нѣсколько лѣтъ уже онъ на- ходились въ ссорѣ и даже не пере-

писывались. Очень красивая и гиб- кая, — Роза-Андрэ сначала безъ успѣха пробовала свои силы на дра- матической сценѣ, но затѣмъ сдѣ- лалась извѣстной кино-артисткой. Въ этотъ вечеръ она оживляла сво- имъ талантомъ и жгучей красотой довольно посредственный фильмъ — „Счастливая принцесса“.

Не отвѣчая прямо, Ренингъ про- должалъ во время антракта:

— Когда я смотрю плохую кар- тину, тогда я утѣшаю себя тѣмъ, что наблюдаю за второстепенными исполнителями. Какъ часто эти бѣд- няги, которыхъ заставляютъ двад- цать разъ повторять одно и то же, во время окончательной съемки ду- маютъ совершенно о другомъ. Лю- бопытно наблюдать ихъ именно въ подобные моменты. Напримѣръ, вотъ этотъ дворецкій...

Экранъ представлялъ роскошно сервированный обѣденный столъ, за которымъ сидѣла „Счастливая прин- цесса“, окруженная своими вздыха- телами. Подложки лакеевъ при- служивали, руководимые большимъ дворецкимъ съ толстымъ аультар- нымъ лицомъ, у котораго обѣ бро- ви соединились въ одну линію.

— Это голова животного, — ска- зала Гортензія, — что вы въ немъ нашли?

— Посмотрите только, какъ онъ поглядываетъ на вашу сестру...

— Пока я ничего не замѣчаю — возразила Гортензія,

— Вгляните только, какіе взгля- ды онъ бросаетъ на вашу сестру, и не слишкомъ ли часто онъ смотритъ на нее?

— До сихъ поръ, право, я ни- чего не замѣтила, — возразила Гор- тензія.

— А я замѣтилъ, — продолжалъ князь, — для меня ясно, что въ дѣйствительной жизни онъ питае- ть къ вашей сестрѣ чувства, не имѣю- щія ничего общаго съ его ролью дворецкаго. На экранѣ, когда онъ за собой не наблюдаетъ или ду- маетъ, что за нимъ не слѣдить, его секретъ прорывается наружу. Да вотъ, смотрите...

Дворецкій не двигался. Обѣдъ кончился. Принцесса пила изъ куб- ка шампанское, а онъ слѣдилъ за нею жадными глазами, покрытыми тяжелыми вѣками.

Еще раза два они подиѣтили подобные взгляды, которымъ Ре- нингъ придавалъ особенное значеніе. Гортензія съ нимъ не соглашалась.

— Онъ всегда такъ смотритъ, этотъ человѣкъ, — сказала она.

Картина кончилась. Въ програм- мѣ значилось, что послѣ первой картины прошелъ годъ и „Счастли- вая принцесса“ живетъ въ красивой нормандской хижинѣ, утопающей въ цвѣтахъ, съ избраникомъ своего сердца — незадачливимъ музыкан- томъ, котораго она выбрала сама въ супруги.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—31.)

Она была попрежнему счастли- ва и привлекательна. Около нея уживался рой ухаживателей. Среди всякихъ дворянъ, крестьянъ, горо- жанъ и банкировъ выделялся воло- сатый полудикій дровосѣкъ, кото- рый часто попадался ей во время ея прогулокъ. Вооруженный топо- ромъ, страшный и зловѣщій, онъ бродилъ вокругъ хижины и чувст- вовалось, что ужасная опасность угрожаетъ счастливой принцессѣ.

— Смотрите, смотрите, — прошеп- талъ Ренингъ, — знаете, кто этотъ дровосѣкъ?

— Нѣтъ.

— Дворецкій нашъ. Взяли одно- го и того же исполнителя для обѣихъ ролей.

И дѣйствительно, не взирая на гримъ и всѣ происшедшія перемѣ- ны, подъ оболочкой дровосѣка все же можно было обнаружить пре- жнего дворецкаго, такъ какъ сохра- нились и животное выраженіе лица его и соединенныя въ одну линію брови.

Принцесса вышла изъ своей хи- жины. Дровосѣкъ спрятался за ку- стами и подстерегалъ ее. Отъ вре-

мени до времени экранъ показывалъ въ увеличенномъ размѣрѣ его кровожадные глаза и огромныя руки убійцы.

— Я боюсь его, — сказала Гор- тензія, — онъ ужасенъ въ своей ре- альности.

— Это потому, — отозвался Ре- нингъ, — что онъ вполнѣ вошелъ въ свою роль. Вѣдь прошло три мѣся- ца со дня съемки первой картины. За эти три мѣсяца любовь его силь- но развилась. Онъ ожидаетъ не принцессу, а Розу-Андрэ.

Человѣкъ присѣлъ. Жерта при- ближалась, ничего не подозревая. Она прошла дальше, услышала шумъ, остановилась и сначала съ улыбкой, а потомъ со страхомъ начала огля- дываться. Дровосѣкъ вылезъ изъ кустовъ и устремился къ ней.

Такимъ образомъ они очутились лицомъ къ лицу.

Онъ открылъ объятія, чтобы схватить ее. Она пыталась закри- чать, позвать на помощь, но была не въ силахъ это сдѣлать. Онъ схватилъ свою жертву, ввалилъ ее на плечи и бросился бѣжать.

— Ну, что—убѣдились?—прого- ворилъ Ренингъ. — Развѣ вы думаете,

что этотъ второстепенный исполни- тель могъ бы все это продѣлать съ такой энергіей, если бы дѣло шло о другой женщинѣ?

Тѣмъ временемъ дровосѣкъ при- бѣжалъ къ берегу большой рѣки. Онъ положилъ тѣло безжизненной Розы-Андрэ въ старую лодку и от- чалилъ отъ берега.

Затѣмъ онъ причалилъ у опуш- ки лѣса и унесъ принцессу къ пе- щерѣ, входъ которой онъ принялся освобождать.

Рядъ сценъ изображали испугъ мужа, поиски и путь, по которому шли преслѣдователи.

Затѣмъ слѣдовала развязка: борь- ба между человѣкомъ-животнымъ и женщиной. Въ ту минуту, когда со- противленіе ея было сломлено, вы- вается мужъ и выстрѣломъ убиваетъ насильника... человѣка-звѣря.

Они вышли изъ кино въ четыре часа. Они пошли пѣшкомъ, а авто- мобиль Ренинга слѣдовалъ за ними. Послѣ долгаго молчанія, которое нѣсколько обезпокоило Гортензію, Ренингъ спросилъ ее.

— Вы любите свою сестру?

— Да, очень.

— Однако, вы на нее сердиты?

— Это прошло. Я ее ревновала къ моему мужу. Признаться, безъ всякаго повода. Почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Я самъ не знаю.. Этотъ фильмъ меня преслѣдуетъ, выраженія лица этого человѣка было такое странное!

Она взяла его за руку и живо воскликнула:

— Говорите же! Что вы подо- зрѣваете?

— Что я подозреваю? Все и ни- чего. Но я думаю, что ваша сестра въ опасности.

— Простое предположеніе.

— Да, предположеніе, основан- ное на фактахъ. По моему, сцена похищенія изображаетъ не нападе- ніе дровосѣка на „Счастливую прин- цессу“, а нападеніе актера на жен- щину, которую онъ давно желаетъ сдѣлать своей. Конечно, все прошло по сценарію. Только Роза-Андрэ могла замѣтить кое-что. И я также ясно видѣлъ, съ какой страстью сжимались руки этого человѣка, какіе взгляды бросалъ онъ на свою жертву, которую онъ предпочелъ бы убить, нежели отдать другому. Я убѣжденъ, что во время этой сцены субъектъ этотъ былъ готовъ на все, даже на убійство!

— Но уже прошло столько вре- мени, — возразила Гортензія, — теперь, слѣдовательно, опасность миновала.

— Конечно, конечно... я все же я хотѣлъ бы получить кое-какія справки.

— Гдѣ?

— У того общества, которое „вертѣло“ фильмъ. Вотъ контора этого учрежденія. Войдите въ авто- мобиль и подождите меня нѣсколько минутъ.

(Продолжение слѣдуетъ).

Пола плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—32.)

Онъ позвалъ шофера и ушелъ. Гортензия не была согласна съ Ренинымъ. Ей казалось, что актеръ просто хорошо исполнилъ свою роль. Она думала, что воображеніе увлекло Ренина.

— Ну,—сказала она, съ отъѣнкомъ ироніи, когда онъ вернулся,— много узнали? Таинственное приключеніе?.. Трагедія?..

— Возможно,—отвѣтилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

Она тоже забеспокоилась:

— Что вы говорите?

Онъ все разсказалъ однимъ духомъ:

— Этого человѣка зовутъ Дальбрекомъ. Это очень своеобразное, угрюмое, замкнутое существо, которое всегда держалось отдаленно отъ своихъ товарищей. Не замѣтно, чтобы онъ ухаживалъ за вашей сестрой. Однако, онъ такъ отличался во время „вертѣнія“ второго эпизода, что его пригласили для участія въ новой фильмѣ. Съемка „производилась въ окрестностяхъ Парижа. Имъ были довольны, какъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Въ пятницу, 18-го сентября, въ одно пре-

красное утро онъ валомалъ гаражъ автомобильнаго общества Мондаль и укатилъ на прекрасной машинѣ, захвативъ также 25.000 франковъ. Была подана жалоба. Автомобиль нашли въ воскресенье въ окрестностяхъ Дрэ.

Гортензия съ нѣкоторымъ испугомъ замѣтила:

— Пока... никакой связи...

— Связь есть. Я узналъ, что Роза-Андрэ, ваша сестра этимъ лѣтомъ путешествовала. Затѣмъ она прожила двѣ недѣли въ департаментѣ Л'Эр въ своемъ имѣніи „Счастливая принцесса“. Ее пригласили въ Америку. Она вернулась въ Парижъ, сдала свой багажъ на вокзалѣ Св. Лазаря и 18-го сентября уѣхала, чтобы переночевать въ Гаврѣ. Пароходъ отходилъ въ субботу.

— Въ пятницу, 18-го,—пропела Гортензия,—въ тотъ же день, какъ и этотъ человѣкъ... Онъ ее похитилъ...

— Мы это узнаемъ,—сказалъ Ренинъ,—отправимся въ контору Заатлантическаго общества.

Въ этотъ разъ Гортензия сопровождала Ренина и сама наводила справки.

Скоро всѣ справки были даны: Роза-Андрэ заказала для себя каюту на пароходѣ „Ла Провансъ“, но пароходъ ушелъ въ море безъ пассажирки, которая своевременно не явилась. На слѣдующій же день въ пароходной конторѣ за подписью Розы-Андрэ была получена телеграмма, въ которой сообщалось, что она опоздала и просила сохранить ее багажъ. Телеграмма была послана изъ Дрэ.

Гортензия вышла на улицу, глубоко взволнованная. Казалось, обстоятельства указывали на какое-то покушеніе. Все складывалось неблагоприятно, какъ это и почувствовалъ Ренинъ.

Затѣмъ они пересѣкли весь Парижъ. Онъ вышелъ, она же осталась въ автомобиль.

— Прошу,—сказалъ онъ,—открывайте двери.

— Что-нибудь новое? Васъ притянулъ?—озабоченно спросила она.

— Я не стремился быть притянутымъ. Я хотѣлъ только встрѣтиться съ инспекторомъ Морисо, котораго мнѣ однажды прислали, чтобы помочь въ дѣлѣ Дютрейля. Если полиція что-либо извѣстно, то мы узнаемъ все черезъ него.

— Вы нашли его?

— Сейчасъ онъ въ томъ маленькомъ кафѣ, которое виднѣется тамъ на площади.

Они вошли въ кафѣ и сѣли за столикъ, за которымъ главный инс-

пекторъ читалъ газету. Онъ ихъ тотчасъ же узналъ. Ренинъ пожалъ ему руку и безъ вступленія сказалъ:

— Я хочу сообщить вамъ объ интересномъ дѣлѣ, въ которомъ вы можете отличиться. Но, быть можетъ, вы уже въ курсъ этого дѣла?..

— Какое дѣльце?

— Дальбрека!

Казалось, что Морисо удивился. Съ нѣкоторымъ колебаніемъ осторожно заговорилъ:

— Да, я знаю... газеты говорили объ этомъ... кража автомобиля... 25.000 франковъ похищено. А завтра газеты заговорятъ объ открытіи, которое удалось сдѣлать сыскальной полиціи. Дальбрекъ, оказывается, въ прошломъ году убилъ ювелира Бурга.

— Дѣло идетъ о другомъ,—проговорилъ Ренинъ.

— О чемъ-же?

— О похищеніи, совершенномъ имъ 19-го сентября.

— А, вы уже знаете?

— Да, я знаю.

— Въ такомъ случаѣ,—объявилъ инспекторъ—я вамъ все объясню. Въ субботу, 19-го сентября, дѣйствительно, среди бѣла дня одна дама на улицѣ была похищена тремя бандитами и увезена въ автомобиль. Газеты сообщали объ этомъ случаѣ, не давая именъ ни жертвы, ни похитителей, такъ какъ эти имена не были имъ извѣстны.

(Продолжение слѣдуетъ).

Пола плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—33.)

Только вчера мнѣ удалось установить личность одного изъ бандитовъ въ Гаврѣ. Это лицо похитило и 25.000 франковъ, и автомобиль, и молодую женщину. Фамилія его—Дальбрекъ. Что же касается молодой женщины, то—кто она, узнать не удалось.

Гортензия не прерывала инспектора. Когда онъ кончилъ, она вздохнула:

— Это ужасно... Несчастная погибла... и нѣтъ надежды!..

Обращаясь къ Морисо, Ренинъ объяснилъ:

— Жертва является сводной сестрой этой дамы... Похищена знаменитая фильмовая артистка Роза-Андрэ.

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ сообщилъ Морисо о своихъ подозрѣніяхъ, когда они смотрѣли фильмъ „Счастливая принцесса“, и разсказывалъ о своихъ разслѣдованіяхъ.

Вокругъ маленькаго столика во-

дворилось продолжительное молчаніе. Главный инспекторъ, пораженный и въ этотъ разъ проникательностью Ренина, ожидалъ, что онъ скажетъ. Гортензия же умоляла его взглянуть, точно прося сразу же проникнуть въ эту тайну.

Онъ спросилъ Морисо:

— Три человѣка совершили похищеніе?

— Да.

— И ихъ было трое въ Дрэ?

— Нѣтъ. Въ Дрэ напали на слѣдъ только двоихъ людей.

— Дальбрека?

— Не думаю. Его личность не установлена.

Ренинъ подумалъ нѣсколько мгновений и затѣмъ разложилъ на столѣ большую дорожную карту.

Послѣдовало новое молчаніе, послѣ котораго онъ обратился къ инспектору:

— Вы оставили своихъ товарищей въ Гаврѣ?

— Да, двухъ инспекторовъ.

— Можете ли вы имъ протелефонировать сегодня же вечеромъ?

— Да.

— И попросить, чтобы въ ваше распоряженіе дали еще двухъ инспекторовъ.

— Да.

— Тогда приходите завтра въ двѣнадцать часовъ...

— Куда?

— Сюда.

Онъ отмѣтилъ пальцемъ точку на картѣ, которая была обозначена такъ—„Дубъ въ кадкѣ“. Это мѣсто находилось въ лѣсной чащѣ Бретонскаго лѣса въ департаментѣ Л'Эр.

— Здѣсь,—повторилъ онъ,—именно здѣсь въ вечеръ похищенія Дальбрекъ искалъ для себя убѣжища. До завтра, господинъ Морисо. Будьте аккуратны. Пять человѣкъ не слишкомъ много, чтобы овладѣть подобнымъ человѣкомъ-звѣремъ.

Инспекторъ не обнаружилъ признаковъ удивленія, хотя этотъ всевѣдущій субъектъ его изрядно поражалъ. Онъ заплатилъ по счету, приложилъ по военному руку къ своему головному убору и проговорилъ:

— Мы будемъ на мѣстѣ.

На слѣдующій день въ восемь часовъ утра Гортензия и Ренинъ по-

кинули Парижъ въ помѣстительномъ лимузинѣ, которымъ управлялъ Клемонъ, шофферъ Ренина. Путешествіе было молчаливое. Гортензия, не взирая на всю вѣру во всемогущество Ренина, провела очень плохую ночь и съ томительнымъ безпокойствомъ думала объ исходѣ предпріятія.

Они приближались къ цѣли своего путешествія. Она спросила его:

— Какія у васъ данныя, что онъ увезъ ее въ этотъ лѣсъ?

Онъ опять разложилъ на колѣняхъ дорожную карту и объяснилъ ей, что если провести прямую линію отъ Гавра до Дрэ, гдѣ былъ найденъ автомобиль, то эта линія дойдетъ до западной опушки Бретонскаго лѣса.

— Намъ уже извѣстно, что въ Бретонскомъ лѣсу была снята картина „Счастливая принцесса“. И вотъ вопросъ разрѣшается такимъ образомъ: Дальбрекъ, вѣроятно, въ субботу, проѣзжая мимо лѣса, рѣшилъ тамъ скрыть свою жертву.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—34.)

Оба же сообщника вернулись въ Парижъ. Гротъ-пещера находится именно тутъ. Какъ не воспользоваться этимъ. Въдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда снимали фильмъ, онъ отнесъ туда любимую женщину. Для него это приключеніе фатальнымъ образомъ опять начиналось. Но сейчасъ это не игра, а реальность... Роза-Андрѣ его плѣнница. Помощи ожидать нельзя. Лѣтъ огромный и никого кругомъ нѣтъ. Этой ночью или въ слѣдующую ночь Роза-Андрѣ должна ему отдаться.

Гортензія вздрогнула.

— Или она умретъ. О, Ренинъ, мы прибудемъ слишкомъ поздно.

— Почему?

— Подумайте... три недѣли... Не думаете-ли вы, что онъ держитъ ее тамъ въ заключеніи!

— Не думаю. Мѣсто это находится на перекресткѣ дорогъ и не очень надежное. Но мы тамъ, вѣро-

ятно, найдемъ кое какія указанія.

Они позавтракали и проникли въ густой Бретонскій лѣсъ, полный средневѣковыми воспоминаніями. Ренинъ, хорошо знакомый съ лѣсомъ, направилъ автомобиль къ знаменитому дубу, вѣтки котораго образывали какъ-бы широкую кадку. Не доѣзжая до дерева, оставивъ автомобиль, они пошли пѣшкомъ. Тамъ ихъ ожидалъ Морисо съ четырьмя внушительнаго вида молодцами.

— Идемъ,—сказалъ Ренинъ,—гротъ тамъ въ чащѣ деревьевъ.

Они легко нашли его. Сваленныя скалы прикрывали его входъ, оставляя узкій проходъ между густымъ кустарникомъ.

Ренинъ вошелъ въ гротъ-пещеру и при помощи электрическаго фонарика освѣтилъ ее. На стѣнахъ видѣлись разныя надписи и рисунки.

— Ничего не видно,—сказалъ онъ Гортензіи и Морисо,—но вотъ доказательства, которыя я искалъ. Если Дальбрека привело сюда вос-

поминаніе о фильмѣ, то помнила о фильмѣ и Роза-Андрѣ. Въ „Счастливой принцессѣ“ героиня, когда ее похитили, по дорогѣ ломаетъ вѣточки, чтобы указать путь своимъ спасителямъ. Посмотрите, здѣсь съ правой стороны у входа также можно замѣтить только-что сломанныя вѣточки.

— Пусть такъ,—согласилась Гортензія,—но вѣдь прошли три недѣли и съ того времени...

— Съ того времени ваша сестра запрягана, вѣроятно, въ болѣе надежное мѣсто.

— Или она умерла и погребена подъ грудой сухихъ листьевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Ренинъ, топая ногой,—вѣроятно, чтобы этотъ человѣкъ все это продолжалъ ради какого-то безсмысленнаго убійства. Онъ вооружился терпѣніемъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ овладѣть своей жертвой путемъ угрозы, путемъ голода...

— Тогда?

— Будемъ искать.

— Но гдѣ?

— Будемъ руководствоваться, чтобы выйти изъ этого лабиринта, фильмомъ „Счастливой принцессы“. Въ этой драмѣ лѣсной человѣкъ спустился къ рѣкѣ со своей добычей,

Сена отсюда въ километрѣ разстояніи. Спустился къ Сенѣ.

Они отправились дальше. Ренинъ слѣдовалъ безъ колебаній, какъ хорошая гончая по слѣдамъ. Они приближались къ группѣ домовъ на берегу рѣки. Ренинъ направился къ домику перевозчика и сталъ его разспрашивать.

Произошелъ быстрый діалогъ. Три недѣли тому назадъ перевозчикъ замѣтилъ исчезновеніе одной изъ принадлежащихъ ему лодокъ. Онъ отыскалъ ее черезъ нѣкоторое время въ полѣ мѣли ниже.

— Вблизи хижины, гдѣ этимъ лѣтомъ снимали кино-фильмъ?—спросилъ Ренинъ.

— Да.

— Именно здѣсь высадили на берегъ похищенную женщину?

— Да. „Счастливую принцессу“, или вѣрнѣе госпожу Розу-Андрѣ, которой принадлежало усадьба „Красотка“.

— Въ настоящее время домъ открытъ?

— Нѣтъ. Владѣлица мѣсяцъ тому назадъ, все запереверъ, уѣхала.

— Есть тамъ сторожъ?

— Никого.

Ренинъ повернулся къ Гортензіи: (Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—35.)

— Никакого сомнѣнія! Это та тюрьма, которую онъ для нея избралъ. Охота продолжалась. Они прослѣдовали по берегу Сены, стараясь не шумѣть. Наконецъ, передъ ними обрисовалась усадьба „Красотка“, окруженная густой живой изгородью. Гортензія и Ренинъ узнали хижину „Счастливой принцессы“. Окна были забиты, дорожки заросли травой.

Они просидѣли тамъ въ кустахъ около часу. Инспекторъ началъ проявлять признаки нетерпѣнія. Молодая женщина начинала сомнѣваться, что ее сестра находится здѣсь въ заключеніи. Но Ренинъ увѣрялъ:

— Она здѣсь, говорю я вамъ. Это математически вытекаетъ. Дальбрекъ безусловно выбралъ это мѣсто, чтобы сломить ее волю. Онъ надѣется въ этой хорошо знакомой обстановкѣ сдѣлать ее болѣе послушной.

Вдругъ послышались шаги. По

дорогѣ показалась фигура. Лица ея нельзя было разглядѣть. Но тяжелая походка, весь обликъ былъ именно того человѣка, котораго Ренинъ и Гортензія видѣли на фильмѣ.

Такъ, въ двадцать четыре часа на основаніи неясныхъ указаній Ренинъ при помощи простыхъ разсужденій дошелъ до разгадки цѣлой драмы. И Ренинъ и Дальбрекъ дѣйствовали и находились подъ вліяніемъ фильма.

Дальбрекъ былъ одѣтъ бродягой въ старый заплатанный костюмъ. За плечами его былъ мѣшокъ, откуда высовывалось горлышко бутылки и краюшка хлѣба. Въ рукахъ онъ держалъ топоръ.

Онъ проникъ въ усадьбу, прошелъ въ садъ и приблизился къ дому.

Ренинъ задержалъ за руку Морисо, который хотѣлъ броситься впередъ.

— Но почему?—спросила Гортензія. Намъ надо позволять этому бая-

диту войти въ домъ... Иначе...

— Пусть! Главное—спасти мою сестру.

— А если мы прибудемъ слишкомъ поздно, чтобы ее спасти? Прида въ бѣшенство, онъ можетъ ее убить на мѣстѣ ударомъ топора.

Они стали ждать. Прошелъ еще цѣлый часъ. Бездѣйствіе ихъ раздражало. Гортензія временами плакала. Но Ренинъ настаивалъ на своемъ, и всѣ ему подчинились.

День близился къ закату. Уже первая ночная тѣни покрыли яблони. Вдругъ открылась парадная дверь дома. Раздались крики ужаса и одновременно побѣды. Изъ дому выскочилъ человѣкъ. Онъ держалъ въ рукахъ, крѣпко прижимая къ груди, женщину.

— Оня!.. и Роза—прошептала Гортензія.—О, Ренинъ спасите ее!

Дальбрекъ бросился бѣжать черезъ лѣсную чащу, какъ сумасшедшій, хохоча и вой дикимъ голосомъ; не зирая на свою ношу, онъ совершалъ громадные скачки, напоминая дикое животное, опьяненное страстью и жаждой крови. Свободной рукой онъ взмахнулъ топоромъ, блеснувшимъ въ наступившей темнотѣ... Роза страшно кричала. Онъ вдругъ подбѣжалъ къ

колодезю и протянулъ руки, какъ бы желая бросить въ колодезь молодую артистку.

Наступило страшное мгновеніе. Неужели онъ приведетъ въ исполненіе свое ужасное намѣреніе? Но, видимо, онъ хотѣлъ лишь поугаждать молодую женщину, чтобы заставить ее быть послушной. Затѣмъ человѣкъ съ ношей вернулся опять въ домъ. Раздались звуки задвигаемаго затвора.

Удивительное дѣло! Ренинъ не двинулся съ мѣста. Онъ остановилъ агентовъ, готовыхъ броситься въ домъ... Гортензія, схвативъ его за платье, стала умолять:

— Спасите же ее... Это сумасшедшій... Онъ ее убьетъ... Я васъ умоляю...

Въ эту минуту человѣкъ опять показался въ одномъ изъ верхнихъ оконъ дома. Онъ раскачивалъ надъ бездной Розу-Андрѣ, какъ бы собираясь бросить ее внизъ.

Казалось, онъ не могъ рѣшиться на это. Или это тоже была лишь угроза? Считалъ ли онъ, что Роза достаточно напугана и укрощена? Онъ скрылся.

(Продолжение слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—37.)

На этотъ разъ Гортензія побѣдила. Она сжимала съ отчаяніемъ руку Ренина и умоляла его:

— Ради Бога!.. Я васъ прошу!.. Чего же вы еще ждете?..

Онъ уступилъ.

— Хорошо, — согласился онъ, — пойдемъ, но не будемъ торопиться. Надо все обдумать.

— Обдумать!.. Но Роза!.. Онъ убьетъ Розу!.. Вы же видѣли топоръ!.. Это сумасшедшій!.. Онъ ее убьетъ.

— У насъ есть время, — сказалъ онъ, — я за все ручаюсь.

Гортензія оперлась на князя, такъ какъ не въ силахъ была идти. Они подошли къ дому. Ночная темнота скрывала ихъ.

Они обошли садъ и подошли къ дому съ задней стороны. Туда прошелъ Дальбрекъ въ первый разъ. Они, дѣйствительно, замѣтили маленькую дверь, которая, вѣроятно, вела на кухню.

— Вломайте дверь, когда надо будетъ, и войдите.

— Не пора ли уже, — пробурчалъ Морисо, сгоравшій отъ нетерпѣнія.

— Нѣтъ еще. Я сначала хочу

узнать, что совершается въ другой части дома. Когда я свистну, ломайте дверь и бросайтесь съ револьверами на человѣка. Но не раньше, слышите! Мы играемъ большую игру!..

— А если онъ будетъ отбиваться? Это же сумасшедшее животное!

— Прострѣлите ему тогда ноги. И главное, захватите его живымъ. Васъ же пятеро, чортъ возьми.

Онъ увлекъ Гортензію и успокоилъ ее:

— Скорѣй! Надо дѣйствовать. Вѣрьте мнѣ.

Она вздохнула:

— Я не понимаю... я ничего не понимаю.

— Я также, — отозвался Ренинъ. Въ этомъ дѣлѣ что-то меня заставляетъ сомнѣваться. Но я достаточно понимаю, чтобы опасаться неоправданнаго.

— Неправильное — это убійство Розы.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ, — это дѣйствіе судебной власти. Это дѣйствіе я и хочу предупредить.

Они обошли домъ. Затѣмъ Ренинъ остановился передъ окномъ нижняго этажа.

— Послушайте, — проговорилъ онъ, — говорятъ... вотъ въ той комнатѣ.

Ему удалось найти въ ставняхъ щель черезъ которую пробивался свѣтъ. При помощи ножа онъ открылъ ставни. Тяжелая драпировка закрывала окно, но вверху она не соединялась.

— Поднимитесь на подоконникъ, — прошептала Гортензія.

— Да! Если потребуется я наведу свой револьверъ на человѣка, а вы свистнете, чтобы они атаковали домъ съ другой стороны. Вотъ вамъ свистокъ.

Онъ поднялся очень осторожно до того мѣста, гдѣ драпировка не была затянута. Въ одной рукѣ онъ держалъ револьверъ, а въ другой — алмазъ для разрыванія стекла.

— Вы ее видите? — прошептала Гортензія.

Онъ прильнулъ къ стеклу и издалъ тотчасъ же звукъ удивленія.

— А, — сказалъ онъ, — это невѣроятно!

— Стрѣляйте, стрѣляйте! — требовала Гортензія.

— Да нѣтъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ!

Вся дрожь, она при помощи Ренина взобралась на подоконникъ.

— Смотрите!

Она приблизила свое лицо къ стеклу.

— А! — отозвалась она, пораженная,

— Что вы скажете? Я подозреваю нѣчто, но не это!

Двѣ лампы и двадцать свѣчей освѣщали роскошную гостиную, установленную восточными тахтами и украшенную коврами. На одной изъ тахтъ полулежала Роза-Андрэ. На ней было затканое серебромъ платье, которое она носила, когда участвовала въ фильмѣ „Счастливая принцесса“. Ея дивныя плечи обнажены, въ волосахъ сіяли брилліанты и жемчуга.

Дальбрекъ стоялъ передъ ней на коленяхъ. Онъ былъ одѣтъ въ охотничій костюмъ и смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Роза улыбалась, счастливая, довольная, и водила своими бѣлоснѣжными руками по его волосамъ. Два раза она поцѣловала его въ лобъ, а затѣмъ впиалась въ его ротъ жаднымъ поцѣлуемъ. Глаза же ея выражали истому и страсть.

Полная сладострастия сцена! Они какъ бы слились взорами, губами, трепещущими руками. Ихъ соединяло непреодолимое молодое желаніе, чувство исключительной и горячей взаимной любви. Ясно было, что въ мирной и уединенной обстановкѣ этой комнаты для нихъ, помимо ихъ страсти, ихъ взаимнаго влеченія, ихъ поцѣлуевъ и ласкъ, ничего не существовало.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—38.)

Гортензія не могла отвести своихъ глазъ отъ этого неожиданнаго зрѣлища. Эти ли люди нѣсколько минутъ тому назадъ играли со смертью? Была ли это, дѣйствительно, ея сестра. Она ея не узнавала. Она видѣла совсѣмъ другую женщину, обновленную, преображенную силой своей любви, всю глубину и жгучесть которой Гортензія ощущала въ своемъ существованіи.

— Боже, — прошептала она, — какъ она любитъ его! И такое чудовище! Возможно ли это!

— Надо ее предупредить, — сказалъ Ренинъ, — и съ ней говорить.

— Да, да, — согласилась Гортензія, — нельзя, чтобы она была замѣшана въ скандалъ и арестъ!.. Пусть она уйдетъ!.. Надо чтобы объ этомъ никто ничего не зналъ.

Къ несчастью, Гортензія была такъ возбуждена, что поторопилась. Высто того, чтобы тихо постучать въ окно, она съ силой ударила по рамѣ. Оба влюбленныхъ съ испугомъ вскопили, прислушиваясь. Ренинъ попытался вырвать стекло, чтобы объяснить нѣтъ положеніе, но на это у него не хватило времени.

Роза-Андрэ, зная, что полиція ищетъ ее возлюбленнаго и думая, что онъ въ опасности, толкнула его къ дверямъ.

Дальбрекъ подчинился. Роза, видимо, хотѣла чтобы онъ спасся бѣгствомъ черезъ кухню. Оба они исчезли.

Ренинъ ясно предвидѣлъ, что должно было произойти. Бѣглецъ долженъ былъ попасть въ засаду, которую Ренинъ же ему устроилъ. Могла произойти борьба, быть можетъ даже смерть кого-нибудь.

Онъ соскочилъ на землю и бросился бѣжать вокругъ дома. Но путь былъ длиненъ, дорога темная и заваленная препятствіями. Событія быстро разыгрались. Пока онъ добѣжалъ, онъ услышалъ звукъ выстрѣла и крикъ.

На порогѣ кухни при свѣтѣ двухъ электрическихъ карманныхъ лампочекъ Ренинъ нашелъ Дальбрека съ перебитой пулей ногой на землѣ. Онъ стоналъ и его держали трое полицейскихъ.

Роза-Андрэ въ страшномъ волненіи пыталась что-то объяснить.

Гортензія привлекла ее къ себѣ и прошептала ей на ухо:

— Это я... твоя сестра... Я хотѣла тебя спасти... Ты узнаешь меня? Казалось, что Роза ничего не понимала. Ея глаза блуждали, какъ у безумной.

Она подошла неровными шагами къ полицейскимъ и начала:

— Это отвратительно... Въдѣ этотъ человѣкъ ничего не совершилъ!..

Ренинъ, не колеблясь, подхватилъ ее и обращаясь съ нею, какъ съ больной, увлекъ ее въ сосѣднюю гостиную, куда прошла и Гортензія.

Она яростно отбивалась и прерывающимся голосомъ протестовала:

— Это же преступленіе... По какому праву?.. Зачѣмъ его арестовываютъ? Да, я читала объ убійствѣ ювелира Бургэ, но это ложь... Онъ можетъ доказать свою невинность.

Ренинъ уложилъ ее на диванъ и твердо сказалъ:

— Будьте спокойны. Не говорите ничего такого, что можетъ васъ скомпрометировать... Что же вы хотите? Этотъ человѣкъ все же похитилъ автомобиль и 25.000 франковъ.

— Мой предполагаемый отъѣздъ въ Америку заставилъ его потерять голову... Но автомобиль въдѣ наши... Деньги же будутъ возвращены... Онъ ихъ не тронулъ. Нѣтъ, нѣтъ, никто не имѣетъ права съ нимъ такъ поступать. Я здѣсь но доброй волѣ. Я люблю его... больше жизни... Такъ любить лишь разъ... Я люблю, люблю его!..

Несчастная не имѣла силъ продолжать. Она говорила, какъ во снѣ. Наконецъ, она не выдержала, упала и потеряла сознание.

Часъ спустя Дальбрекъ лежалъ въ отдѣльной комнатѣ съ крѣпко связанными руками. Докторъ, приглашенный изъ сосѣдняго города, перевязалъ раненую ногу и предписалъ своему пациенту полный покой до слѣдующаго утра. Морисо и его люди сторожили плѣнника.

Ренинъ же ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Онъ имѣлъ веселый видъ и съ улыбкой временами поглядывалъ на обѣихъ сестеръ, какъ бы любуясь тѣмъ зрѣлищемъ, которое онъ представляли.

— Что такое? — спросила Гортензія, замѣтивъ его настроеніе.

Онъ проговорилъ, потирая руки:

— Это смѣшно!

— Что именно вамъ кажется смѣшнымъ? — съ упрекомъ спросила его Гортензія.

— О Господи! Въдѣ все смѣшно въ этомъ дѣлѣ! Роза-Андрэ занимается свободнымъ флиртомъ съ этимъ лѣснымъ человѣкомъ, обнимаетъ его, покрываетъ страстными поцѣлуями, а мы въ это время ищемъ ее въ разныхъ пещерахъ и чуть-ли въ гробницахъ. Умор! Возможно, что въ первую ночь она, дѣйствительно, была плѣнницей. Но утро застало ее живехонькой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—39.)

Одной ночи было достаточно, чтобы Дальбрекъ приручилъ ее. Онъ показался ей принцемъ изъ сказки. Въ одну ночь!.. И они рѣшили, что они созданы одинъ для другого и удалились сюда, чтобы исполнѣ отдать своей любви. Но этого имъ показалось мало! Они рѣшили завоевать себѣ будущее путемъ кино. И вотъ происходятъ репетиціи тѣхъ фильмовъ, которые они совмѣстными усиліями создаютъ. Мы съ ужасомъ присутствовали на этихъ репетиціяхъ, думая, что это не игра, а жуткая дѣйствительность. Признаться, я кое-что подозревалъ, кое о чемъ догадывался, но никогда не думалъ, что „Счастливая принцесса“ предпочла безчестіе смерти.

Видимо, все это приключеніе было частью Ренина. Онъ продолжалъ:

— Все здѣсь произошло наоборотъ, не такъ, какъ на фильмѣ. Я шелъ по слѣдамъ „Счастливой принцессы“, думая, что дѣйствіе разовьется, какъ на фильмѣ. Ничего подобнаго. Роза-Андрѣ избираетъ совсѣмъ другой путь и въ нѣсколько часовъ превращается въ самую влюбленную принцессу. Дальбрекъ, эта

каналья, насъ ловко провель. Въды мы думали, судя по фильму, что это грубое животное, человѣкъ-звѣрь. А на дѣлѣ оказывается, что онъ Донъ-Жуанъ, сердцеѣдъ и женскій обольститель.

Ренинъ опять сталъ потирать свои руки. Но онъ не продолжалъ, такъ какъ замѣтилъ, что Гортензія его не слушала. Роза очнулась. Гортензія ее обняла и нѣжно проговорила:

— Роза, Роза!.. Это я... Не бойся! Она стала тихо ее успокаивать. Но Роза, хотя и стала приходить въ себя, оставалась неподвижной и углубилась въ свои собственные мысли. Видимо, она безконечно страдала.

Ренинъ понялъ все ее горе, понимая, что это горе надо уважать и бережно съ нимъ обращаться. Онъ подошелъ къ ней и тихо сказалъ:

— Я вамъ вполнѣ сочувствую. Ваша обязанность, вашъ нравственный долгъ защищать того, кого вы любите, и доказать его невиновность. Но увѣрю васъ, не надо торопиться. Пусть лучше думаютъ еще нѣкоторое время, что вы его жертва. Завтра утромъ я самъ дамъ вамъ совѣтъ, какъ дѣйствовать. А пока

идите съ сестрой въ вашу комнату, соберитесь въ дорогу, пересмотрите свои бумаги, чтобы слѣдствіе ничего не обнаружило противъ васъ... Довѣрьтесь мнѣ, право!

Ренинъ долго говорилъ еще и въ концѣ концовъ ему удалось убѣдить молодую женщину. Она согласилась ждать.

Расположились въ усадьбѣ на ночь. Провизіи было достаточно. Одинъ изъ полицейскихъ приготовилъ обѣдъ.

Гортензія расположилась въ одной комнатѣ съ сестрой своей. Морисо и два агента помѣстились въ гостиной. Двое другихъ полицейскихъ остались при раненомъ.

Ночь прошла спокойно.

Рано утромъ жандармы, предупрежденные Клемономъ, прибыли въ усадьбу. Было рѣшено, что Дальбрека отвезутъ въ госпиталь мѣстной тюрьмы. Ренинъ предложилъ свой автомобиль, который Клемонъ подаль къ дому.

Обѣ сестры спустились внизъ. Роза-Андрѣ имѣла выраженіе лица челоука, готоваго на все. Гортензія смотрѣла на нее съ нѣкоторымъ страхомъ. Ренинъ казался довольнымъ.

Все было готово. Оставалось только разбудить Дальбрека и его сторожей.

Морисо самъ отправился къ лѣйнику. Онъ могъ только удостовѣрять, что оба полицейскихъ крѣ-

ко спали, а Дальбрекъ исчезъ.

Ни полицейскіе, ни жандармы этимъ обстоятельствомъ не смущались. Они были увѣрены, что раненаго съ перебитой ногой немедленно найдутъ. Никого не интересовали подробности этого бѣгства. Дальбрекъ, очевидно, спрятался въ саду.

Начались поиски. Результаты этихъ поисковъ казались настолько очевидными, что Роза-Андрѣ направилась къ главному инспектору.

— Молчите! — шепнулъ ей Ренинъ, наблюдавшій за нею.

Она пробормотала:

— Но его найдутъ... застрѣлятъ...

— Его не найдутъ, — проговорилъ Ренинъ.

— Откуда вы знаете?

— Я самъ помогъ ему при помощи шофера своего бѣжать. Я подсыпалъ наркотикъ въ кофе его сторожей; они ничего и не слышали.

Она съ удивленіемъ возразила:

— Но онъ же раненъ... Онъ умираетъ въ какомъ-нибудь уголку.

— Нѣтъ.

Гортензія слушала, ничего не понимая, но успокоенная и полная вѣры въ Ренина.

Онъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Общайтесь мнѣ, что черезъ два мѣсяца, когда онъ поправится и вы все выясните въ отношеніи его передъ судебной властью, вы увидите съ нимъ въ Америку.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—39.)

— Общайся.
— И выйдете за него замужъ?
— И это общаю.
— Тогда идемъ, но ни одного слова удивленія, ни одного жеста. Иначе вы все погубите.

Онъ позвалъ Морисо, который начиналъ впадать въ отчаяніе, и сказалъ ему:

— Господинъ главный инспекторъ, мы должны отвезти эту даму въ Парижъ, гдѣ она будетъ окружена необходимыми ей уходомъ. Но будьте увѣрены, что по поводу этого дѣла у васъ неприятностей не возникнетъ. Я сегодня же вечеромъ заѣду въ префектуру, гдѣ у меня хорошія связи.

Онъ далъ руку Розѣ-Андрѣ и подвелъ ее къ автомобилю. Когда они шли, она вдругъ пошатнулась и прошептала:

— А, Боже мой, онъ спасенъ... Я его вижу!

Вмѣсто Клемона сидѣлъ Дальбрекъ въ костюмѣ шофера. Большіе очки и опущенный козырекъ дѣлали его неузнаваемымъ, но Роза тотчасъ узнала своего возлюбленнаго.

— Садитесь, — сказалъ Ренинъ. Она сѣла рядомъ съ Дальбрекомъ. Ренинъ и Гортензія заняли заднія мѣста. Самъ инспекторъ полиціи съ обнаженной головой провозвалъ ихъ.

Они пустились въ путь. Но скоро въ лѣсу имъ пришлось остановиться. Дальбрекъ, силой воли превозмогшій свои страданія, потерялъ сознаніе. Его уложили. На его мѣсто сѣлъ Ренинъ, а около послѣдняго Гортензія. Затѣмъ новая остановка. Пришлось захватить шофера Клемона, который шелъ по дорогѣ.

Затѣмъ въ автомобиль водворилось молчаніе. Гортензія ничего не говорила и не разспрашивала Ренина. Ее даже не интересовалъ способъ, примѣненный Рениномъ, чтобы увести Дальбрека. Она все думала о своей сестрѣ, о ея страстной любви, которая глубоко трогала ее.

Ренинъ сказалъ, когда приближались къ Парижу:

— Я въ эту ночь говорилъ съ Дальбрекомъ. Онъ, конечно, не виноватъ въ убійствѣ ювелира. Это въ общемъ добрый малый, нѣжный и преданный Розѣ-Андрѣ. Наружность его обманчива.

И онъ добавилъ:

— Онъ правъ: надо идти на все для того, кого любишь. Ей, его возлюбленной, надо жертвовать всѣмъ, ей надо дать радости жизни и счастья, и если она скучаетъ, то развлечь ее разными приключеніями, заставляя смѣяться... или даже плакать.

У Гортензіи показались на глазахъ слезы. Въ первый разъ онъ намекалъ на сентиментальное приключеніе, которое ихъ соединило. Узы, которыя ихъ связывали и вначалѣ были такіа слабыя, крѣпли все больше и больше. Въ присутствіи этого удивительнаго челоука, который подчинялъ событія своей волѣ и который, казалось, игралъ съ судьбой тѣхъ, противъ кого онъ боролся или кого защищалъ, она чувствовала себя слабой и не спокойной. Она его боялась и одновременно ее влекло къ нему. Она думала о немъ часто, какъ о своемъ повелителѣ, иногда же какъ о врагѣ, противъ котораго надо было защищаться. Чаше же всего въ ея воображеніи онъ рисовался въ видѣ нѣжнаго, преданнаго и полнаго очарованія друга.

7.

Случай Жана—Луи.

Это произошло съ такой быстротой, такъ внезапно, что Гортензія была совершенно ошеломлена. Они переходили Сену, черезъ мостъ,

какъ вдругъ замѣтили, что какой-то женскій силуэтъ быстро вскочилъ на парапетъ и бросился въ воду. Со всѣхъ сторонъ послышались крики. Гортензія схватила Ренина за руку и воскликнула:

— Что вы дѣлаете?.. Вы же не броситесь въ воду! Я вамъ запрещаю это...

Пиджакъ ея спутника остался у нея въ рукахъ. Ренинъ перескочилъ черезъ перила моста... Больше она ничего не видѣла. Черезъ три минуты, увлеченная людскимъ потокомъ, она очутилась на берегу рѣки. Ренинъ взбирался по лѣстницѣ. Онъ несъ молодую женщину съ черными волосами, прилипшими къ мертвенно-блѣдному лицу.

— Она жива, — объявилъ Ренинъ, — скорѣй надо отнести ее въ аптеку и оказать первую помощь. Никакой опасности для нея нѣтъ.

Онъ передалъ спасенную двумъ полицейскимъ, пробрался черезъ толпу зѣвакъ и репортеровъ, стремящихся узнать его имя, къ автомобилю и усадилъ въ него Гортензію.

— Ловко! — воскликнулъ онъ черезъ мгновеніе, когда они покатались, — пришлось выкупаться. Это, дорогой другъ, у меня нѣчто непреодолимое: если кто либо въ моемъ присутствіи бросается въ воду, то я долженъ непремѣнно послѣдовать за нимъ. Атавизмъ какой-то!

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—11.)

Онъ вернулся къ себѣ и переодѣлся. Гортензія ожидала его возвращенія въ автомобиль. Онъ вернулся и приказалъ шоферу:

— Улица Тильзитъ.

— Куда мы отправляемся?—спросила Гортензія.

— Узнать, какъ себя чувствуетъ молодая особа.

— У васъ есть ея адресъ?

— Да. Я прочиталъ ея адресъ на браслетѣ, а также ея имя—Женевьева Эцмаръ. Итакъ, мы ее постоимъ. Конечно, мнѣ ея благодарности не надо. Я просто любопытенъ. Мнѣ уже удалось спасти около дюжины такихъ дѣвушекъ. Всегда одно и тоже: разочарованіе въ любви и, обычно, въ любви самой вульгарной. Вы увидите сами, дорогой другъ.

Когда они вошли въ квартиру по улицѣ Тильзитъ, изъ комнаты спасенной выходилъ докторъ. По словамъ прислуги, молодая дѣвушка чувствовала себя хорошо и спала. Ренинъ сообщилъ, что онъ спасъ тонувшую, передалъ свою визитную карточку. Изъ комнаты дочери вы-

бѣжалъ отецъ съ протянутыми руками и слезами на глазахъ.

Это былъ почтеннаго вида человекъ, слабого сложенія, который, не ожидая вопросовъ, началъ взволнованно объяснить:

— Это уже второй разъ! Недѣлю тому назадъ мое бѣдное дитя пыталось отправиться. Какой ужасъ! Я готовъ отдать ради нея послѣднюю каплю крови! „Я не хочу жить, я не хочу жить!“—вотъ все, что она отвѣчаетъ на вопросы. Боже, какъ это ужасно! И почему, по какой причинѣ!

— Да, почему?—спросилъ Ренинъ,—разстроенный бракъ?

— Да, вѣрно!.. Бѣдная дѣвочка такъ впечатлительна...

Ренинъ прервалъ его и сталъ предлагать ему вопросы:

— Будемъ методичны. Мадемуазель Женевьева была невѣстой?

Господинъ Эймаръ не уклонился отъ отвѣта и сказалъ:

— Да. Съ весны. Въ Ниццѣ на Пасху мы познакомились съ Жанъ-Луи д'Ормивальемъ. Когда мы вернулись въ Парижъ, этотъ молодой человекъ, живущій обычно съ матерью и теткой въ деревнѣ, при-

ѣхалъ сюда и поселился вблизи насъ. Обрученные видѣлись ежедневно. Сознаюсь вамъ, Жанъ-Луи Вобуа мнѣ были не очень симпатичны.

— Простите,—замѣтилъ Ренинъ,—вы называли его Жанъ-Луи д'Ормивальемъ.

— Это тоже его фамилія.

— У него ихъ, значить, двѣ.

— Я не знаю. Тутъ какая-то загадка.

— Подъ какимъ именемъ онъ вамъ представился!

— Жанъ-Луи д'Ормиваль.

А Жанъ-Луи Вобуа?

— Такъ онъ былъ представленъ моей дочери однимъ господиномъ, знавшимъ его. Впрочемъ, это не такъ важно—Вобуа или д'Ормиваль? Моя дочь его обожала. Казалось, онъ также питалъ въ отношеніи ея пламенную страсть. Этимъ лѣтомъ на берегу моря они всегда были вмѣстѣ. И вотъ, вдругъ, мѣсяцъ тому назадъ, когда Жанъ-Луи поѣхалъ къ матери и теткѣ, моя дочь получила слѣдующее письмо:

„Женевьева! Непреодолимыя препятствія мѣшаютъ нашему счастью. Съ полнымъ отчаяніемъ я отъ него отказываюсь. Я васъ такъ же безумно люблю, какъ и прежде. Прощайте! Простите меня“.

— Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія этого письма моя дочь совершила первую попытку къ самоубійству.

— Почему этотъ разрывъ? Новая любовь? Старая связь?

— Нѣтъ, не думаю. Но въ жизни Жана-Луи какая то тайна, вѣрно цѣлый рядъ тайнъ и загадокъ, которыя его преслѣдуютъ. Лицо его всегда, даже въ минуты любви, выражаетъ грусть, тоску, безконечную печаль. Точно что-то гложетъ его сердце.

— Ваше впечатлѣніе нашло подтвержденія?.. А по поводу его двойной фамиліи вы его не спрашивали?

— Да, два раза. Въ первый разъ онъ мнѣ отвѣтилъ, что тетку его звали Вобуа, а мать д'Ормиваль.

— А во второй?

— Противоположное. Онъ заговорилъ о своей матери Вобуа и теткѣ д'Ормиваль. Я ему это замѣтилъ. Онъ покраснѣлъ, а я не настаивалъ.

— Живетъ онъ далеко отъ Парижа?

— Въ Бретани... Замокъ д'Эльсевиень, въ восьми километрахъ отъ Кархэ.

Ренинъ слегка задумался и затѣмъ сказалъ несчастному отцу:

— Я не хочу беспокоить вашу дочь. Но скажите ей слѣдующее: Женевьева, тотъ господинъ, который спасъ тебя, ручается своей честью, что черезъ три дня онъ приведетъ тебѣ твоего жениха. Напиши Жану-Луи нѣсколько словъ, которыя этотъ господинъ ему передастъ.

Старикъ былъ ошеломленъ. Онъ пробормоталъ:

— Вы могли бы?.. Моя бѣдная дѣвочка была бы спасена!.. Она была бы такъ счастлива!

И онъ добавилъ тихимъ голосомъ, въ которомъ какъ бы чувствовался стыдъ:

— О! Умоляю, дѣйствуйте скорее. Поведеніе моей дочери заставляетъ меня предполагать, что она нарушила свою дѣвичью честь...

— Молчите,—прервалъ его Ренинъ,—естъ слова, которыя не слѣдуетъ говорить.

...Въ тотъ же вечеръ Ренинъ и Гортензія по желѣзной дорогѣ отправились въ Бретань.

Въ десять часовъ утра они прибыли въ Кархэ, откуда отправились дальше автомобилемъ, который имъ одолжилъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей.

— Вы нѣсколько блѣдны, дорогой другъ,—сказалъ со смѣхомъ Ренинъ Гортензіи, когда они остановились передъ паркомъ д'Эльсевиена.

— Признаться,—проговорила она,—эта исторія меня сильно взволновала. Дѣвушка, которая два раза покушается на самоубійство... Какая храбрость!.. Я боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь, что вамъ это дѣло не удастся. Развѣ вы не беспокоитесь?

— Дорогой другъ,—отвѣтилъ онъ,—я васъ, вѣроятно, удивлю,

если скажу, что мнѣ страшно весело.

— Почему?

— Я и самъ не знаю. По моему, вся эта исторія, которая васъ такъ волнуетъ, имѣетъ комическій характеръ. Д'Ормиваль... Вобуа!.. пахнетъ стариной! Будьте покойны.

Они прошли черезъ главный входъ. Тамъ стояли двѣ башенки, одна съ инициалами госпожи д'Ормиваль, а другая—госпожи Вобуа. Отъ каждой изъ нихъ шли дорожки направо и налево среди кустарниковъ и буковыхъ деревьевъ.

Главная же аллея вела къ низкому некрасивому, тяжелому зданію. Это зданіе было снабжено двумя уродливыми флигелями, къ которымъ вели каждая изъ упомянутыхъ дорожекъ. Налево жила, очевидно, госпожа д'Ормиваль, а правое крыло занимала госпожа Вобуа.

Звукъ голосовъ остановилъ Гортензію и Ренина. Они стали прислушиваться. Изъ окна нижняго этажа, по стѣнамъ котораго ползли дикія виноградъ и дикія розы, доносились рѣзкіе, непріятные крики спорящихъ.

— Намъ итти дальше нельзя,—сказала Гортензія,—это будетъ неловко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—42.)

— Напротивъ,—прошепталъ Ренинъ,—въ подобныхъ случаяхъ нескромность является обязанностью. Мы же вѣдь явились сюда, чтобы кое-что узнать. Пойдемъ прямо, тогда спорящіе насъ не замѣтятъ.

Споръ разгорался. Когда они приблизились къ окну, они увидѣли двухъ старыхъ дамъ, которыя, грозя кулаками, кричали одна на другую.

Онѣ находились въ обширной столовой, гдѣ стоялъ накрытый обѣденный столъ. За столомъ сидѣли читая газету, съ трубкой въ зубахъ, молодой человекъ, вѣроятно, Жанъ-Луи, не обращавшій вниманія на мегеръ.

Одна изъ нихъ, худая и высокая, была одѣта въ зеленоватое шелковое платье. Ея блѣлые локоны не соответствовали ея старому и увядшему лицу. Другая, еще болѣе тощая, но совсѣмъ маленькая, была въ пестромъ ситцевомъ халатѣ.

Ея накрашенное лицо дышало злобой.

— Поганая вы, вотъ что!—кричала она,—вы злока и еще воровка!

— Я—воровка?—завопила другая.

— А исторія съ уткой въ десять франковъ? Это развѣ не воровство?

— Молчите, негодяка! Кто у меня слямзилъ пятьдесятъ франковъ? Господи, и жить съ такой мерзостью!

Тогда другая вскочила, какъ ужаленная, и бросилась къ молодому человеку:

— И ты, Жанъ, позволяешь этой сволочи д'Ормиваль меня оскорблять?

На это высокая со злобой возразила:

— „Сволочь“! Ты слышишь, Луи? Вотъ тебѣ твоя Вобуа съ лицомъ и манерами старой кокетки! Да заставь же ее замолчать.

Вдругъ Жанъ-Луи ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Оставьте меня въ покоѣ, ста-

рия дуры!

Тогда онѣ повернулись къ нему и вдвоемъ принялись осыпать его бранью:

— Подлецъ... лицемеръ... Лгуны!.. Негодный сынъ... сынъ прохвоста и самъ прохвостъ!..

Оскорбленія такъ и сыпались на молодого человека. Онъ заткнулъ пальцами уши и сталъ обнаруживать признаки явнаго нетерпѣнія, какъ человекъ, доведенный до бѣлаго каленія.

Ренинъ прошепталъ:

— Что я вамъ говорилъ? Въ Парижѣ—драма, а здѣсь—комедія. Войдемъ.

— Въ разгаръ ссоры? — запротестовала молодая женщина.

— Именно.

— Однако...

— Дорогой другъ, мы здѣсь не для того, чтобы шпионить, но для того, чтобы дѣйствовать. Мы сбросимъ съ нихъ маски и лучше узнаемъ ихъ.

Рѣшительными шагами онъ подошелъ къ двери, открылъ ее и вошелъ въ комнату въ сопровожденіи Гортензіи.

Ихъ появленіе произвело цѣлый переполохъ. Обѣ женщины замолчали, краснѣя отъ бѣшенства. Жанъ-

Луи поблѣднѣлъ и всталъ.

Пользуясь общей суматохой, Ренинъ заговорилъ:

— Позвольте представиться: кня Ренинъ... Госпожа Даниэль... и друзья мадемуазель Женевиѣвы Эмаръ и прибыли сюда съ порученіемъ отъ нея... Вотъ письмо, которое вамъ адресовано.

Жанъ-Луи окончательно смутился, какъ только было произнесено имя Женевиѣвы. Не зная, что дѣлать, и желая быть любезнымъ примѣру Ренина, онъ забормоталъ:

— Госпожа д'Ормиваль, и мать... Госпожа Вобуа, моя мать..

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе. Ренинъ покинулъ. Гортензія не знала, которіе изъ матерей протянуть сначала руку. Но обѣ старухи одновременно попытались схватить письмо, которое держалъ князь, съ возгласомъ:

— Мадемуазель Эймары!.. Какъ наглая!.. Какая дерзкая!

Тогда Жанъ-Луи, къ которому вернулось самообладаніе, схватилъ одну старуху и выставилъ ее лѣвую дверь, а другую—въ правую. Потомъ онъ вернулся къ посѣтелямъ, распечаталъ письмо и въ голоса прочиталъ:

— „Жанъ-Луи, я васъ прои-

принять подателя этого письма. Имѣйте къ нему довѣріе. Я люблю васъ. Женевиѣва“.

Это было довольно неуклюжій молодой человекъ съ загорѣлымъ лицомъ, худымъ и костистымъ. На этомъ лицѣ, какъ отмѣтилъ отецъ Женевиѣвы, дѣйствительно, отражалось какое-то сильное душевное страданіе и отчаяніе. Это страданіе отражалось въ каждой черточкѣ, а особенно въ глазахъ, полныхъ безысходной грусти.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ имя Женевиѣвы, разсѣянно оглядываясь кругомъ. Казалось, онъ не зналъ, какъ держать себя. Получалось впечатлѣніе, что онъ готовъ объясниться. Но онъ не находилъ нужныхъ словъ. Онъ былъ совершенно смущенъ и выбить, такъ сказать, изъ сѣдла.

Ренинъ понялъ, что противникъ его легко сдастся. Онъ такъ упорно боролся въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и такъ, видимо, усталъ, что неспособенъ былъ защищаться. Особенно теперь, когда проникли въ его ужасную домашнюю обстановку.

Ренинъ съ мѣста повелъ атаку:

— Уже два раза послѣ вашей размовки Женевиѣва Эймаръ поку-

шалась на самоубійство. Я пріѣхалъ васъ спросить, будетъ ли ея неизбежная смерть въ ближайшемъ будущемъ развязкой вашей любви?

Жанъ-Луи упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками.

— О, — воскликнулъ онъ, — она хотѣла покончить съ собой... О, возможно ли это!..

Ренинъ не далъ ему вздохнуть. Ударивъ его слегка по плечу, онъ проговорилъ:

— Вѣрьте, что въ вашихъ же интересахъ довѣриться намъ. Мы друзья Женевиѣвы Эймаръ. Мы обѣщали ей нашу помощь. Откройте намъ всю правду...

Молодой человекъ поднималъ голову.

— Вы же сами видите,—сказалъ онъ съ угнетеннымъ видомъ, — вы же слышали! Вы уже догадываетесь о томъ, какъ я живу. Что же мнѣ вамъ еще сказать, чтобы вы мою тайну могли сообщить Женевиѣвѣ?.. Вѣдь жестоко и смѣшно объяснить ей, почему я не могъ къ ней вернуться, почему я не имѣю права это сдѣлать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—43.)

Ренинъ взглянулъ на Гортензію. Черезъ двадцать четыре часа послѣ признаній отца Женеьевы онъ получилъ также признаніе Жана-Луи.

Жанъ-Луи подалъ стулъ Гортензіи. Всѣ сѣли, и молодой человѣкъ, точно чувствуя потребность высказаться, сталъ разсказывать:

— Не удивляйтесь, если свою исторію я вамъ передамъ въ нѣсколько юмористическомъ видѣ. Она, право, настолько смѣшна, что заставитъ васъ смѣяться. Часто судьба устраиваетъ намъ въ жизни совершенно невѣроятныя шутки, точно эти шутки изобрѣлъ мозгъ сумасшедшаго, или пьянаго. Судите сами.

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ эта усадьба, домъ которой состоялъ изъ одной центральной части, принадлежала старому врачу, который, чтобы увеличить свои скромные доходы, пускалъ двухъ-трехъ жильцовъ. Случилось такъ, что одно лѣто здѣсь провела госпожа д'Ормиваль, и госпожа Вобуа—слѣдующее. Эти особы одна другую не знали. Одна изъ нихъ была замужемъ за капитаномъ дальняго плаванія, а

другая за коммерсантомъ. Мужья ихъ умерли почти одновременно, и обѣ женщины оказались въ интересномъ положеніи, какъ говорятъ. Обѣ онѣ написали доктору, что для родовъ пріѣдутъ къ нему.

Докторъ согласился. Пріѣхали онѣ какъ-то осенью почти одновременно. Имъ отвели двѣ комнаты, расположенныя за этой гостиной. Докторъ пригласилъ сестру милосердія, которая ночевала здѣсь же. Все шло отлично. Дамы шли бѣлье и между ними царилъ полное согласіе. Такъ какъ обѣ хотѣли имѣть непременно сына, то заранѣе онѣ выбрали ему имена: Жана и Луи.

Разъ докторъ отлучился къ больному со своимъ лакеемъ, объявивъ, что вернется только на слѣдующій день.

Горничная въ отсутствіи хозяйина улизнула къ своему возлюбленному. Тутъ произошелъ рядъ дьявольскихъ случайностей.

Около двѣнадцати часовъ ночи госпожа д'Ормиваль почувствовала первые приступы родовыхъ болей. Сестра милосердія, мадемуазель Бусиньоль, которая немножко понимала акушерство, не растерялась. Но

черезъ часъ начала страдать госпожа Вобуа. Тутъ то и произошла трагикомедія. Сестра металась между двумя пациентками, которыя стонали и кричали, открывала окно и звала доктора, а временами бросалась на колѣни и молилась.

Первой разрѣшилась отъ бремени госпожа Вобуа. Она родила мальчика, котораго мадемуазель Бусиньоль поспѣшно перенесла въ гостиную, обмыла и положила въ предназначенную ему колыбельку.

Но въ это время стала раздрающе кричать госпожа д'Ормиваль. Сестра милосердія поспѣшила къ ней, а новорожденный, мать котораго потеряла сознаніе, въ это время задалъ свой концертъ.

Примите еще во вниманіе общій безпорядокъ, единственную лампу съ догорающимъ керосиномъ, свѣчи, не желающія горѣть, яростные порывы вѣтра... однимъ словомъ, мадемуазель Бусиньоль съ ума сходила отъ страха. Наконецъ, около пяти часовъ она принесла сюда мальчика госпожи д'Ормиваль. Она занялась новорожденнымъ, уложила его и поспѣшила къ госпожѣ Вобуа, требовавшей ея помощи. А госпожа д'Ормиваль въ свою очередь потеряла сознаніе.

Когда же, наконецъ, мадемуазель Бусиньоль, шатаясь отъ усталости, вернулась къ новорожденному, она съ ужасомъ замѣтила, что завернула ихъ въ одинаковое

бѣлье, одѣла имъ одинаковые чулочки и положила обоихъ рядомъ въ одну и ту же колыбельку. Такимъ образомъ, нельзя было опредѣлить, который Луи д'Ормиваль и который Жанъ Вобуа.

Кромѣ того, оказалось, что одинъ изъ нихъ уже не дышалъ и началъ холодѣть. Онъ умеръ. Какъ онъ назывался? Какъ звали того, который жилъ?

Черезъ три часа вернулся докторъ. Онъ засталъ обѣихъ матерей въ полномъ отчаяніи. Сестра милосердія просила у нихъ прощенія и протягивала имъ меня. Онѣ меня цѣловали, а потомъ отталкивали. Вѣдь неизвѣстно было, кто я такой, чье имя ношу. Никакихъ указаній, никакихъ признаковъ.

Докторъ умолялъ обѣихъ женщинъ принести себя въ жертву, то есть одной изъ нихъ отречься отъ меня. Ни одна изъ нихъ на это не согласилась.

— Почему Жанъ Вобуа, если это д'Ормиваль?—протестовала одна.

— Почему Луи д'Ормиваль, если это Жанъ Вобуа?—возражала другая.

Объявили въ концѣ концовъ, что зовусь я Жанъ-Луи, а мать и отецъ мои неизвѣстны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—44.)

Князь Ренинъ все это слушалъ молча. Но Гортензія, по мѣрѣ того, какъ разсказъ приближался къ развязкѣ, съ большимъ трудомъ удерживалась отъ припадковъ смѣха. Молодой человѣкъ это замѣтилъ.

— Простите,—пробормотала она,—это нервно!

Онъ отвѣтилъ тихо безъ горечи:

— Не извиняйтесь. Я васъ предупредилъ, что моя исторія какой-то злой фарсъ. Да, все это кажется безконечно смѣшнымъ, но, въ дѣйствительности, это не было смѣшно. Съ внѣшней стороны исторія эта смѣшна, а съ внутренней она ужасна. Станьте въ положеніе обѣихъ матерей. Онѣ полюбили мальчика, болѣзненно и страстно, но безумно ревновали его одна къ другой. И обѣ женщины начали смертельно ненавидѣть одна другую. Имъ пришлось жить вмѣстѣ, такъ какъ ни одна не была въ силахъ разстаться съ мальчикомъ, но жили онѣ съ тѣхъ поръ какъ самые заклятые враги.

Я выросъ среди этихъ човѣконенавистическихъ чувствъ. Если мое сердце меня направляло къ од-

ной, другая начинала меня за это преслѣдовать. Въ этомъ домѣ, который онѣ купили у покойнаго доктора и къ которому пристроили два флигеля, я былъ невольнымъ палачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвой. Ужасное дѣтство, кошмарная юность. Вѣроятно, рѣдко кто страдалъ, какъ я!

— Надо было ихъ покинуть!—воскликнула Гортензія, которая больше не смѣялась.

— Свою мать не бросаютъ,—отвѣтилъ онъ,—а одна изъ этихъ женщинъ моя мать. И мать не можетъ покинуть своего сына. Каждая думаетъ, что именно она моя мать. Мы живемъ точно каторжники, прикованные къ одной тачкѣ. Мы оскорбляемъ другъ друга, упрекаемъ, вѣчно споримъ...

Ахъ, а не жизнь! И какъ убѣжать? Я нѣсколько разъ пробовалъ... Напрасно! Оборванные связи опять выросли.

Еще этимъ, лѣтомъ, когда я полюбилъ Женеьеву, я хотѣлъ сбросить эти цѣпи... Я попытался убѣдить обѣихъ женщинъ, но не тутъ то было. Онѣ возмущались, взбунтовались противъ посторонней женщины, которую я собирался ввести

въ нашъ семейный кругъ... Мнѣ пришлось уступить. Что дѣлала бы здѣсь Женеьева между госпожей д'Ормиваль и госпожей Вобуа? Имѣлъ ли я право принести ее въ жертву?

Жанъ-Луи, произнося послѣднія слова, воодушевился. Онъ произнесъ ихъ твердымъ голосомъ, какъ бы желая, чтобы поняли, что онъ подчиняется своей совѣсти и долгу. Въ сущности же, Ренинъ и Гортензія поняли, что онъ просто слабый человѣкъ, неспособный бороться съ создавшимся нелѣпнымъ положеніемъ вещей. Онъ несъ свой крестъ съ самаго дѣтства, не имѣя силы сбросить свое бремя. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стыдился все правдиво разсказать и ничего обо всемъ этомъ не сообщилъ Женеьевѣ.

Онъ сѣлъ передъ письменнымъ столомъ и набросалъ письмо, которое протянулъ Ренину.

— Пожалуйста, передайте это письмо мадемуазель Эймаръ и скажите ей, что я умоляю ее простить меня.

Ренинъ не шевельнулся. Когда же молодой человѣкъ повторилъ свою просьбу, онъ взялъ письмо и разорвалъ его.

— Что это значитъ?—спросилъ Жанъ-Луи.

— Это значитъ, что ваше порученіе я на себя не беру.

— Но почему?

— Потому что вы поѣдете съ нами.

— Я?

— Именно. Завтра же вы будете просить руки мадемуазель Эймаръ.

Молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ взглянулъ на Ренина. На лицѣ его какъ-бы отразилась мысль: «вотъ человѣкъ, который ровно ничего не понялъ изъ всего того, что я ему разсказалъ».

Гортензія подошла къ Ренину:

— Скажите ему, что Женеьева покушалась на самоубійство. Она непременно лишитъ себя жизни.

— Это бесполезно. Все произойдетъ такъ, какъ я говорю. Мы поѣдемъ всѣ трое черезъ часъ или два, а завтра же будетъ сдѣлано предложеніе.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и засмѣялся.

— Вы говорите съ большой самоуверенностью!

— У меня есть основанія для этого.

— Какія основанія?

— Я вамъ сообщу одно, если вы согласитесь помочь мнѣ разъяснить это дѣло.

— Какой смыслъ? Съ какой цѣлью?—возразилъ Жанъ-Луи.

— Съ цѣлью установить, что разсказанная вами исторія не вполнѣ соответствуетъ истинѣ.

Жанъ-Луи возмущился:

— Вѣрьте, что я не сказалъ ни одного слова неправды.

— Я плохо выразился, — очень мягко замѣтилъ Ренинъ, — вы, конечно, сообщили то, что считали правдой. Но, видите-ли, правда не тамъ, не то, что вы предполагаете.

Молодой человекъ скрестилъ руки на груди.

— Все же больше шансовъ, что я правду знаю лучше васъ.

— Едва-ли! То, что вы знаете, вы знаете изъ устъ третьихъ лицъ. У васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ. Нѣтъ ихъ ни у госпожи д'Ормиваль, ни у госпожи Вобуа.

— Доказательствъ чего? — воскликнулъ Жанъ съ нетерпѣніемъ.

— Никакихъ доказательствъ того, что обоихъ младенцевъ перепутали.

— Какъ? Но это же фактъ. Обоихъ новорожденныхъ положили въ одну и ту же колыбельку. Никакихъ знаменъ отличія у нихъ не было. Сестра милосердія не могла различить...

— Она такъ говорить...

— Что вы говорите? Вы, значитъ, обвиняете эту женщину?

— Я ее не обвиняю.

— Но вы же утверждаете, что она солгала! И съ какой, позвольте васъ спросить, цѣлью. Она сама, какъ всѣ подтвердили, была въ полномъ отчаяніи. А главное, какая у нея могла быть цѣль?

Жанъ-Луи былъ очень возбуж-

денъ. Въ комнату неслышно вошли обѣ матери, которая подслушивали за дверьми. Они прошептали:

— Нѣтъ... нѣтъ... это невозможно... Мы ее разспрашивали сто разъ. Зачѣмъ ей было лгать?

— Говорите, говорите-же, сталь требовать Жанъ-Луи, — объяснитесь! Изложите вашу точку зрѣнія.

— Потому, — повысивъ голосъ, сказалъ Ренинъ, — что ваша правда неприемлема. Нѣтъ, подобные событія случаются не такъ!.. Нѣтъ, судьба такихъ жестокихъ сюрпризовъ не устраиваетъ. Уже и то необыкновенный случай, что, когда докторъ, его лакей и горничная покинули домъ, обѣ дамы вдругъ одновременно почувствовали приближеніе родовъ. Не будемъ довѣрять всѣмъ этимъ изумительнымъ совпаденіямъ: этимъ лампамъ, которыя не горятъ, этимъ свѣчамъ, которыя тухнутъ. Нельзя допустить, чтобы акушерка могла притти въ такое смятеніе и такъ все перепутать. Въ ней, хотя бы она и была перепугана, долженъ былъ дѣйствовать профессиональный инстинктъ. Я отрицаю, чтобы она могла перепутать младенцевъ. Всегда остается въ памяти какая-нибудь маленькая подробность, которая ихъ отличаетъ одного отъ другого. Я утверждаю самымъ категорическимъ образомъ, что сестра милосердія Бусиньоль не могла перепутать обоихъ новорожденныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—45.)

Князь говорилъ это съ такой силой, съ такой убѣжденностью, что всѣ присутствующіе невольно прониклись его точкой зрѣнія. Ему удалось поколебать у старухъ довѣріе къ тому, что онѣ считали правдой въ теченіе четверти вѣка.

Всѣ окружили Ренина и стали съ волненіемъ спрашивать его:

— Значитъ, по вашему, эта женщина знаетъ? Она могла бы открыть намъ тайну?

Онъ продолжалъ:

— Я ничего не предпрѣшаю. Я говорю только, что поведение мадемуазель Бусиньоль является совершенно загадочнымъ и то, что она утверждаетъ, не согласуется съ истинной. Она что-то знаетъ. Дѣло не въ ея разсѣянности, а въ нѣчто другомъ. Тайна, которая васъ всѣхъ трогаетъ, таится въ ея рукахъ.

— Что вы утверждаете? — воскликнулъ Жанъ-Луи.

— Вотъ что было, — горячо перебилъ его Ренинъ, — я не видѣлъ всего этого событія, по путемъ разсужденій, дедукцій и логики ясно рисую себѣ всю картину. И я при-

хожу къ выводу, что сестра милосердія Бусиньоль является обладательницей тайны, которая намъ неизвестна...

Жанъ-Луи, глухо проговорилъ: — Она вѣдь жива!.. Она живетъ недалеко! Ее можно заставить признать...

Тотчасъ обѣ матери закричали: — Я ѣду. Я ее привезу.

— Нѣтъ, — возразилъ Ренинъ, — это неудобно.

Тогда Гортензія предложила: — Хотите, чтобы я отправилась!

Я беру автомобиль и вернусь съ этой женщиной. Гдѣ она живетъ?

— Въ центрѣ Кархэ, — сказалъ Жанъ-Луи, — у нея тамъ лавчонка. Шофферъ вамъ скажетъ... Всѣ знаютъ мадемуазель Бусиньоль.

— И особенно, дорогой другъ, — замѣтилъ Ренинъ, — ни о чемъ ее не предупреждайте. Если она будетъ беспокоиться, тѣмъ лучше. Но не надо, чтобы она знала, зачѣмъ ее вызываютъ сюда. Это существенно необходимо.

Тридцать минутъ прошли въ полномъ молчаніи. Ренинъ ходилъ по комнатѣ и осматривалъ прекрасную мебель, всю обстановку, карти-

ны, которыя свидѣтельствовали о хорошемъ вкусѣ Жана-Луи, такъ какъ эта комната была именно его. Рядомъ же въ комнатахъ старухъ царилъ полный безвкусица.

Ренинъ подошелъ къ молодому человеку и прошепталъ:

— Онъ богатъ?

— Да.

— А вы?

— Онъ пожелалъ, чтобы это имѣніе принадлежало мнѣ. Это меня вполне обезпечиваетъ.

— Есть у нихъ семьи?

— Сестры. У одной и другой.

— Куда онѣ могли бы уѣхать?

— Да, онѣ иногда объ этомъ думали... Но... вопроса объ этомъ не можетъ возникнуть. Я боюсь, что ваше вмѣшательство испортитъ все дѣло. Я утверждаю еще разъ...

Въ это время подкатилъ автомобиль. Обѣ старухи вскочили, собираясь заговорить.

— Предоставьте все мнѣ, — оставилъ ихъ Ренинъ, — и ничему не удивляйтесь. Ее надо испугать, ошеломить. Тогда она заговоритъ.

Изъ автомобиля вышла Гортензія. Она помогла выйти старой женщине, одѣтой въ містный костюмъ. Старуха вошла со страхомъ. У нея было птичье лицо съ острыми чертами; маленькие зубки выступали впередъ.

— Въ чемъ дѣло? Здравствуйте, мадамъ д'Ормиваль, — проговорила она, озираясь боязливо кругомъ.

Здравствуйте, мадамъ Вобуа!

Никто ничего ей не отвѣтилъ. Ренинъ же вышелъ впередъ и строго проговорилъ:

— Я вамъ сейчасъ сообщу, въ чемъ дѣло, мадемуазель Бусиньоль. Но вслушайтесь въ каждое мое слово. Дѣло серьезное!

У него былъ видъ строгаго судебного слѣдователя, для котораго вина обвиняемаго очевидна.

Онъ продолжалъ:

— Мадемуазель Бусиньоль, я прибылъ сюда изъ Парижа по порученію полиціи, чтобы выяснять драму, происшедшую двадцать семь лѣтъ тому назадъ. Мнѣ известно, что, благодаря именно вамъ, гражданское состояніе одного изъ новорожденныхъ въ эту ночь установлено неправильно. Вы сдѣлали ложныя заявленія. По уголовнымъ законамъ, подобныя ложныя заявленія строго караются. Я васъ отвезу въ Парижъ. Тамъ въ присутствіи вашего защитника, вы дадите показанія.

— Въ Парижъ?.. Моего защитника? — протестовала мадемуазель Бусиньоль.

— Это необходимо, такъ какъ васъ, вѣроятно, арестуютъ. Вотъ развѣ, — бросилъ Ренинъ, — вы немедленно согласитесь во всемъ сознаться и исправить, такимъ образомъ, послѣдствія вашей вины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—46.)

Старая дѣва задрожала. Она, очевидно, не могла противиться Ренину.

— Согласны-ли вы во всемъ сознаться?—спросилъ онъ.

Она рискнула:

— Мнѣ не въ чемъ сознаться, такъ какъ я ничего не совершила.

— Въ такомъ случаѣ, ъдемъ — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—взмолилась она, — добрый господинъ, не губите!

— Рѣшайтесь!

— Хорошо, — чуть слышно прошептала она.

— Немедленно. Мнѣ пора на поѣздъ. Надо, чтобы это дѣло было немедленно ликвидировано. Если вы будете колебаться, я васъ увожу. Понимаете?

— Да.

— Ну-съ, тогда говорите прямо, безъ увертокъ.

— Чей это сынъ?—спросилъ онъ, указывая на Жана-Луи, — госпожи д'Ормиваль?

— Нѣтъ.

— Тогда госпожи Вобуа?

— Нѣтъ.

За этимъ отвѣтомъ послѣдовало

гробовое молчаніе и минута общаго оцѣпенія.

— Объяснитесь,—приказалъ Ренинъ, смотря на часы.

Тогда мадемуазель Бусиньоль упала на колѣни и прерывающимся отъ волненія голосомъ разсказала:

— Вечеромъ въ тотъ день пришелъ какой-то господинъ съ новорожденнымъ, котораго онъ хотѣлъ поручить заботамъ доктора. Такъ какъ доктора не было, онъ всю ночь ожидалъ его и потомъ онъ же все сдѣлалъ.

— Что именно? — спросилъ Ренинъ,—что произошло?

Она схватила старуху за руки и смотрѣла на нее пристальнымъ взоромъ. Жанъ-Луи и обѣ матери съ страшнымъ волненіемъ ожидали отвѣта. Ихъ жизнь зависѣла отъ тѣхъ словъ, которыя она скажетъ:

Она произнесла, наконецъ эти слова, сложивъ молитвенно руки, какъ бы во время исповѣди.

— Случилось такъ, что оба новорожденные умерли: и сынъ госпожи д'Ормиваль, и сынъ госпожи Вобуа. Умерли они отъ конвульсій. Тогда тотъ господинъ, видя это, сказалъ мнѣ... Я помню каждое

слово... Онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Обстоятельства указываютъ мнѣ мой долгъ. Я долженъ воспользоваться случаемъ, чтобы мой мальчикъ попалъ въ надежныя руки. Положите его вмѣсто одного изъ покойныхъ.

Онъ предложилъ мнѣ порядочную сумму денегъ, говоря, что ему теперь помѣсячно не надо будетъ платить за своего мальчика. Я согласилась. Но вмѣсто кого его положить? Господинъ подумалъ и сказалъ: „Пусть онъ будетъ ни д'Ормиваль, ни Вобуа. И онъ сказалъ мнѣ, что я должна потомъ всѣмъ объяснить. Затѣмъ, пока я переодѣвала его мальчика, господинъ завернулъ одинъ изъ трусиковъ въ одѣяло и унесъ его.

Мадемуазель Бусиньоль опустила голову и принялась плакать. Черезъ нѣкоторое время Ренинъ добродушно сказалъ ей:

— Я не скрою отъ васъ, что ваше признаніе совпадаетъ съ данными слѣдствія. Это вамъ послужитъ въ пользу.

— Я не поѣду въ Парижъ?

— Нѣтъ.

— Вы меня не увезете? Я могу удалиться?

— Да. Сейчасъ вы не нужны.

— И здѣсь обо всемъ этомъ не будетъ лишнѣхъ разговоровъ?

— Нѣтъ. Еще одно слово. Вы знаете фамилію этого господина?

— Онъ мнѣ ее не сказалъ.

— Вы его потомъ не видѣли?

— Никогда.

— Ничего больше не имѣете сказать?

— Ничего.

— Вы готовы подписать текстъ своего признанія?

— Да.

— Хорошо! Черезъ недѣлю васъ вызовутъ къ слѣдователю. А пока никому ничего не болтайте.

Она встала, перекрестилась и при помощи Ренина, такъ какъ ноги у нея подкашивались, вышла. Онъ ее вывелъ наружу и закрылъ за нею дверь.

Когда онъ вернулся, то засталъ Жанъ-Луи между обѣими старухами; всѣ трое держались за руку. Ненависть, взаимная антипатія между ними какъ бы исчезли. Всѣ они какъ бы успокоились и получили душевное облегченіе.

— Поторопимся, — сказалъ Ренинъ Гортензій, — наступаетъ рѣшительный моментъ боя. Намъ надо забрать Жана-Луи.

Гортензія имѣла раскраснѣвшій видъ. Она прошептала:

— Почему вы позволили этой женщинѣ уѣхать? Вы удовлетворены ея показаніемъ?

— Я имъ удовлетворенъ не былъ. Она разсказала о томъ, что произошло. Что же вы хотите еще?

— Ничего... Я не знаю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—47.)

— Мы потомъ объ этомъ опять поговоримъ, дорогой другъ. А сейчасъ, повторяю, намъ надо увести Жана-Луи. И немедленно. А то...

И, обратившись къ молодому человѣку, онъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, согласны съ тѣмъ, что обстоятельства такъ сложились, что всѣмъ тремъ вамъ надо разстаться. Вы должны ѣхать сейчасъ съ нами, такъ какъ самое главное—спасти вашу невѣсту.

Жанъ-Луи заколебался. Ренинъ повернулся къ старухамъ:

— Вы, вѣроятно, моего мнѣнія.

Онъ утвердительно кивнулъ головами.

— Вы видите!—сказалъ онъ Жану-Луи,—онъ согласенъ со мною. Когда случаются подобные кризисы, разлука очень полезна. Возможно, что эта разлука не будетъ долго длиться. Вѣдь къ крайнему случаю вы всегда можете покинуть Женевѣву Эймаръ и опять начать свой прежній образъ жизни. А жениться на ней вѣдь вы обязаны, это вашъ долгъ... Ну, ѣдемъ!

— И, не давая молодому человеку опомниться, онъ заставилъ его собраться въ дорогу.

Черезъ полъ часа Жанъ-Луи покинулъ свою усадьбу.

— Онъ вернется женатымъ,—сказала по дорогѣ въ Парижъ Ренинъ Гортензій въ то время, когда Жанъ-Луи сдавалъ свой багажъ,—все устроилось къ лучшему. Вы довольны?

— Да, бѣдная Женевѣва будетъ счастлива,—отвѣтила она разсѣянню.

Въ поѣздѣ они пошли вдвоемъ въ вагонъ-ресторанъ. Послѣ обѣда, когда Гортензія односложно отвѣтила нѣсколько разъ на вопросы своего спутника, онъ запротестовалъ:

— Что съ вами, дорогой другъ? Вы не отвѣчаете! У васъ озабоченный видъ!

— Да нѣтъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ—да! Я вѣдь васъ знаю. Говорите прямо.

Она улыбнулась.

— Ну, хорошо, если вы настанаваете. Въ общемъ этимъ приключеніемъ я довольна и радуюсь отъ души за Женевѣву Эймаръ, но... но въ другомъ отношеніи...

— Я васъ просто не удивилъ, говоря прямо?

— Да, конечно,—возразилъ Ренинъ со смѣхомъ,—я долженъ былъ его обмануть. Не надо было дать старухѣ слишкомъ распространяться.

— То есть какъ?

— Ну, да! Если бы она стала распространяться, то могло явиться сомнѣніе къ ея разсказу.

— Дѣло въ томъ, что вся эта исторія придумана. Вѣдь рядъ неправдоподобностей бросается въ глаза: господинъ, пріѣзжающій съ младенцемъ и уѣзжающій затѣмъ съ трупомъ другого мальчика... Но что же было дѣлать, дорогой другъ: у меня въ распоряженіи было слишкомъ мало времени, чтобы просуфлировать старухѣ ея роль.

— Именно.

— Вамъ кажется, что я игралъ второстепенную роль? Что я, собственно говоря, ничего не сдѣлалъ. Не такъ-ли?

— Правда! И я спрашиваю себя, кончена ли эта исторія? Говоря по совѣсти, другія приключенія оставили во мнѣ болѣе ясное, болѣе определенное впечатлѣніе.

— А это кажется вамъ темнымъ?

— Невыясненнымъ, незаконченнымъ!

— Въ чемъ же эта незаконченность?

— Я не знаю сама. Возможно, что это находится въ связи съ признаніемъ сестры милосердія. Это признаніе было такимъ неожиданнымъ, такимъ краткимъ...

— Ну, конечно,—возразилъ Ренинъ со смѣхомъ,—я долженъ былъ его обмануть. Не надо было дать старухѣ слишкомъ распространяться.

— То есть какъ?

— Ну, да! Если бы она стала распространяться, то могло явиться сомнѣніе къ ея разсказу.

— Дѣло въ томъ, что вся эта исторія придумана. Вѣдь рядъ неправдоподобностей бросается въ глаза: господинъ, пріѣзжающій съ младенцемъ и уѣзжающій затѣмъ съ трупомъ другого мальчика... Но что же было дѣлать, дорогой другъ: у меня въ распоряженіи было слишкомъ мало времени, чтобы просуфлировать старухѣ ея роль.

Гортензія съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Что вы хотите сказать?

— Эти деревенскія старушки не очень то понятливы. Мы торопились. Нашъ сценарій мы смастерили въ мгновеніе ока. Впрочемъ, свою роль она сыграла недурно. И плакала она хорошо!.. А какъ ловко она заставила дрожать свой голосъ!..

— Возможно-ли? — прошептала Гортензія, — вы ее, значитъ, раньше видѣли?

— Какъ же иначе!

— Но когда?

— Утромъ же. Въ то время, когда вы въ гостиницѣ записали своимъ туалетомъ, и побѣждали на развѣдки. Вѣдь драма д'Ормиваль-Вобуа здѣсь всѣмъ отлично извѣстна. Мнѣ сейчасъ же указали на мадемуазель Бусиньоль. Съ ней дѣло уладилось очень быстро. Я ей вручилъ 10.000 франковъ за инсценированіе всей этой болѣе или менѣе правдоподобной сцены.

— Совершенно неправдоподобной.

— Вы, однако, ее разсказу повѣрили, другіе также. А это только и требовалось. Нужно было однимъ взмахомъ разрушить правду, которую считали таковой двадцать семь лѣтъ, правду, согласующуюся съ фактами. Я атаку свою повелъ быстро, не давая передохнуть, не давая опомниться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—48.)

Я сталъ отрицать справедливость версий о перепутанныхъ младенцахъ. Жанъ-Луи тогда предложилъ послать за мадемуазель Бусиньоль. Та пришла и, къ общему изумленію, рассказала ту исторію, о которой мы съ ней условились. Смятеніе! Я пользуюсь этимъ смятеніемъ и похищаю молодого человѣка.

Гортензія покачала головой:

— Но они одумаются! Сообразятъ!

— Никогда въ жизни! Если у нихъ явятся сомнѣнія, то эти сомнѣнія они постараются отогнать отъ себя. Въдъ ихъ прежняя жизнь была сплошнымъ адомъ въ теченіе четверти столѣтія. Эти люди, напротивъ, очень рады, что, наконецъ, освободились отъ душившаго ихъ гнета, отъ неизвѣстности, превращавшей ихъ жизнь въ кошмаръ. Къ тому же, развѣ моя версія хуже версий настоящей? Она не болѣе глупая. А сейчасъ старухи, какъ я

слыхалъ, собираются уѣзжать и одна въ отношеніи другой сдѣлалась вполне привѣтливой: онѣ рады, что разстанутся!

— А Жанъ-Луи?

— Жанъ-Луи! Да ему объ матери до смерти надоѣло. Нельзя, чортъ возьми, имѣть безнаказанно двухъ родительницъ. Если вамъ дадутъ возможность вмѣсто двухъ матерей не имѣть ни одной, колебанія быть не можетъ. И Жанъ-Луи любитъ Женевьеву. Счастье этой дѣвушки обезпечено: у нея не будетъ тещи! Важно достиженіе цѣли, а не средства, которыя ведутъ къ этой цѣли. Въ этой исторіи разрѣшеніе вопроса было чисто психологическое, не такъ какъ въ тѣхъ, гдѣ ключъ къ разгадкѣ даютъ окурки какой-нибудь, графинъ воды, служащій зажигательнымъ стекломъ, и т. п.

Гортензія помолчала и затѣмъ проговорила:

— Такъ вы думаете, что Жанъ-

Луи...

Ренинъ съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Вы еще думаете объ этой старой исторіи? Но все это кончено. Признаюсь, что меня человѣкъ съ двумя матерями больше ничуть не интересуетъ.

Онъ сказалъ это съ такимъ неподражаемымъ юморомъ, что Гортензія отъ души расхохоталась.

— Ну, вотъ отлично, дорогой другъ! Когда смѣешься, все представляется яснѣе, нежели когда плачешь. Кромѣ того, есть и другая причина, въ силу которой вы должны смѣяться по всякому поводу.

— Какая?

— У васъ такіе дивные зубы!

а.

Гильотинищца.

Передъ началомъ великой войны много говорили объ одномъ удивительно загадочномъ преступленіи. Это дѣло окрестили въ печати „Дѣломъ Гильотинищцы“. Ключъ къ разгадкѣ этого темнаго дѣла намъ далъ князь Ренинъ, или если хотите, Арсенъ Люпенъ. Обстоятельства сложились такъ, что Ренину въ этомъ дѣлѣ пришлось играть видную роль и пережить безконечно

много.

Напомнимъ кое-какіе факты. Въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ исчезли пять женщинъ въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати лѣтъ. Всѣ исчезнушія принадлежали къ самымъ различнымъ классамъ общества.

Вотъ ихъ имена: госпожа Ладу, жена врача; мадемуазель Арданъ, дочь банкира; мад-ль Коверо, прачка; мад-ль Гонорина Вернисъ, швея, и госпожа Гроллингеръ, художница. Эти пять женщинъ исчезли такимъ образомъ, что не удалось установить, ни зачѣмъ онѣ вышли изъ дому, ни почему онѣ не вернулись и гдѣ именно ихъ задержали.

Каждый разъ черезъ восемь дней послѣ ихъ исчезновенія въ одномъ изъ заданныхъ предмѣстствъ Парижа находили трупъ исчезнувшей. На головѣ трупа зияла огромная рана, нанесенная, видимо, топоромъ. Жертва обыкновенно была крѣпко связана по рукамъ и ногамъ, лицо же ее было залито кровью. Слѣды колесъ въблизи роковой находки указывали на то, что трупъ былъ привезенъ въ повозкѣ.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—49.)

Аналогія всѣхъ преступленій была такъ разительна, что всѣ дѣла о нихъ сосредоточились въ рукахъ одного слѣдователя, которому не удалось рѣшительно ничего раскрыть. Исчезала женщина, черезъ восемь дней находили ее трупъ, вотъ и все...

Веревки, которыми связывали трупы, были идентичны; идентичными оказывались слѣды колесъ и и идентичны были раны, нанесенныя по верхней части головы въ вертикальномъ направленіи.

Мотивы? Всѣ жертвы были ограблены, но, быть можетъ, ихъ ограбляли прохожіе, наткнувшіеся на трупы. Возможно-ли было предположить, что въ этихъ случаяхъ дѣйствовало чувство мести, или требовалось устранить съ дороги какихъ-либо будущихъ наслѣдниковъ? Загадка. Строили гипотезы, которыя приходилось отбрасывать, какъ неправдоподобныя. Пытались идти по слѣду, который рѣшительно никуда не приводилъ.

И вдругъ нѣчто новое. Одна

подметальщица улицъ нашла на тротуарѣ маленькую записную книжку, которую немедленно передала въ сосѣдній полицейскій участокъ.

Всѣ листки книжечки не имѣли записей. Только на одномъ изъ нихъ былъ найденъ списокъ всѣхъ убитыхъ женщинъ въ хронологическомъ порядкѣ. У каждой фамилии стояли три цифры: Ладу, 132; Вернисъ, 118 и т. д.

Этой книжечкѣ не придали бы большого значенія, такъ какъ каждый могъ написать списокъ жертвъ, всѣмъ хорошо извѣстный. Но вмѣсто пяти фамилій въ списокъ стояло шесть! Да, подъ именемъ „Гроллингеръ“, 128, значилось — Вильямсонъ, 114. Была ли это шестая жертва?

Удалось быстро установить, что недѣли двѣ тому назадъ одна бонна-англичанка, Гербетта Вильямсонъ, оставила свое мѣсто, чтобы вернуться въ Англію. Сестры ее, живущія въ Англіи, которымъ она написала, что ѣдетъ къ нимъ, заявили, что сестра ихъ не пришла.

Возникло новое слѣдствіе. Трупъ миссъ Вильямсонъ нашли въ Медон-

скомъ лѣсу. Голова ее была разсѣчена, какъ и у другихъ жертвъ.

Лшнее сообщать, какой шумъ вызвало это новое преступленіе. Вся печать только и говорила объ этомъ страшномъ дѣлѣ. И какой ужасъ: убійца спокойно отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ — „Сегодня убили такую-то; тогда-то — такую-то...“ и въ результатѣ шесть труповъ.

Противъ ожиданія, эксперты и графологи единогласно признали, что записи въ книжечкѣ, видимо, сдѣланы рукой очень культурной, съ художественными вкусами, женщины у которой очень развито воображеніе и которая чрезвычайно впечатлительна. Газеты прозвали эту преступницу „Гильотинищей“ и тщательно разбирали психологію, индивидуальность и личность ее, тераясь въ самыхъ неправдоподобныхъ догадкахъ.

Только одному молодому журналисту удалось пролить нѣкоторый свѣтъ на эти загадочныя убійства. Сопоставляя цифры въ записной книжкѣ, онъ поставилъ вопросъ, не означаютъ ли эти цифры число дней, отдѣляющихъ одно преступленіе отъ другого? Надо было проверить даты. Эта повѣрка тотчасъ же подтвердила правильность гипотезы: похищеніе мадемуазель Вернисъ произошло черезъ 132 дня послѣ исчезновенія госпожи Ладу; Гермины Ко-

веро черезъ 118 дней послѣ исчезновенія мад-ль Вернисъ и т. д.

Итакъ, въ этомъ отношеніи дѣло было ясно: цифры вполне совпадали съ фактами. Свои записи „Гильотинищца“ вела аккуратно.

Возникло новое предположеніе. Такъ какъ миссъ Вильямсонъ, послѣдняя жертва исчезла 26 іюня и рядомъ съ ее именемъ стояла цифра 114, то не слѣдовало-ли опасаться, что черезъ 114 дней, то есть 18-го октября совершится новое убійство? Не слѣдовало ли логично притти къ этому страшному выводу?

По этому вопросу въ газетахъ началась цѣлая полемика. Какъ-разъ приближалось 18-ое октября. Значитъ, если судить по предшествующимъ фактамъ, можно было ожидать, что придется констатировать новое убійство. Этимъ объясняется, что утромъ 18-го октября князь Ренинъ и Гортензія, условившись по телефону о томъ, гдѣ они вечеромъ встрѣтятся, заговорили объ ужасныхъ убійствахъ.

— Будьте осторожны, — скавалъ смѣясь Ренинъ, — если вы встрѣтите „Гильотинищу“, переходите на другую сторону улицы.

— А если она меня похититъ, что тогда дѣлать? — спросила Гортензія.

(Продолжение слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—30.)

— Вы тогда посыпьте свой путь бѣлыми камешками, чтобы по нимъ я могъ васъ найти, и до послѣдняго мгновѣнія, когда надъ вашей головой блеснетъ даже топоръ, все мысленно повторяйте: „мнѣ нечего бояться, онъ меня освободитъ.“ „Онъ“ — это я... Цѣлую вашу ручку! До вечера!

Послѣ обѣда Ренинъ занимался своими дѣлами. Между четырьмя и семью часами онъ купилъ разныя газеты. Нигдѣ о какомъ-либо похищеніи рѣчь не шла.

Въ девять часовъ онъ пошелъ въ театръ, гдѣ у него была взята ложа. Въ девять съ половиною часовъ Гортензія все не было. Онъ позвонилъ къ ней, ничуть не безпокоясь. Горничная отвѣтила ему, что Гортензія еще не вернулась.

У Ренина сжалось сердце недобрымъ предчувствіемъ, и онъ побѣжалъ на квартиру Гортензіи въ близкомъ парке Монсо. Его встрѣтила гор-

ничная, вполнѣ ему преданная. Она сообщила, что хозяйка ея вышла въ два часа дня съ письмомъ въ рукахъ, говоря, что она сходитъ на почту и скоро вернется, чтобы переодѣться. И затѣмъ она не возвращалась.

— Кому было адресовано письмо? — Вамъ. Я видѣла на конвертѣ — „князю Ренину.“

Онъ ждалъ до двѣнадцати часовъ. Напрасно. Гортензія не пришла; не было ея и на слѣдующій день.

— Никому объ этомъ ни слова, — приказалъ Ренинъ горничной, — всѣмъ говорите, что ваша хозяйка уѣхала въ деревню и вы отправитесь туда же.

Онъ не сомнѣвался. Исчезновеніе Гортензіи объяснялось наступленіемъ 18-го октября. Гортензія приходилась седьмой жертвой „Гильотинщицы.“

— Похищеніе, — сталъ онъ мысленно разсуждать, — предшествуетъ

удару топора на восемь полныхъ дней. У меня, слѣдовательно, въ распоряженіи семь полныхъ дней, чтобы дѣйствовать. Скажемъ, шесть даже. Сегодня суббота. Необходимо, чтобы въ слѣдующую пятницу въ двѣнадцать часовъ дня Гортензія была свободна. Я долженъ знать мѣсто ея пребыванія не позже девяти часовъ въ четвергъ.

Ренинъ написалъ на кускѣ бумаги, который прикрѣпилъ надъ каминомъ своего кабинета: „Въ четвергъ въ девять часовъ вечера“. Затѣмъ въ субботу, на слѣдующій день послѣ исчезновенія Гортензіи, онъ заперся въ своей комнатѣ, приказавъ своему лакею приносить ему почту и пищу въ положенные часы.

Онъ не выходилъ четыре дня и почти не двигался, углубившись въ чтеніе всѣхъ тѣхъ газетъ, гдѣ сообщалось подробно о прежнихъ шести убійствахъ. Перечитавъ все, онъ заперъ ставни, задернулъ занавѣски, потушилъ электричество и, растянувшись на диванѣ, сталъ обдумывать все происшествіе.

Во вторникъ вечеромъ онъ ничуть не подвинулся впередъ: тайна оставалась непроницаемой, никакихъ путеводныхъ нитей онъ не нашелъ. Временами онъ переставалъ надѣ-

яться.

Иногда, не взирая на всю свою вѣру въ свои силы, его охватывали ужасъ и отчаяніе. Спастись ли онъ? Во время ли ему удастся прибыть? На какомъ основаніи можно надѣяться, что, наконецъ, онъ увидитъ что-либо ясное, разъясняющее, разгадаетъ кошмарную тайну?

Мысль о томъ, что молодая женщина можетъ быть убита, безконечно угнетала его, терзала его сердце. Онъ привязался къ Гортензіи гораздо глубже, нежели это можно было предполагать по вѣнскимъ признакамъ. Короче говоря, онъ ее полюбилъ всѣми силами своей души. Оба они даже не подозревали о глубинѣ этой любви, такъ какъ ихъ постоянно занимала мысль о какомъ-либо приключеніи, которое они вмѣстѣ переживали. Но, когда Гортензія стала угрожать опасность, Ренинъ понялъ, какое мѣсто она заняла въ его жизни, и мысль, что онъ бесцѣленно выручитъ ее изъ бѣды, приводила его нервы въ совершенно неописуемое состояніе.

Онъ провелъ ужасную ночь, перебирая въ своей памяти всѣ подробности этихъ ужасныхъ убійствъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—31.)

Среда прошла не лучше. Онъ терялъ подъ собой почву. Наконецъ, онъ покинулъ свою комнату, выходилъ на бульвары и снова лихорадочно бродилъ по квартирѣ. Мозгъ его гвоздила мысль:

— Гортензія страдаетъ... Она на краю гибели... Она видитъ занесенный надъ нею топоръ... Она зоветъ меня, умоляетъ ее спасти... И я ничего не могу сдѣлать!..

Только въ пять часовъ дня, разсматривая списокъ жертвъ „Гильотинщицы“, онъ вдругъ почувствовалъ, что тайна передъ нимъ раскрывается. Лучъ правды блеснулъ въ его мозгу. Не все еще было для него ясно, но онъ зналъ, куда ему направить свой путь.

Немедленно онъ обдумалъ планъ дѣйствій. Черезъ шоффера Клемона имъ было послано во всѣ главныя газеты объявленіе, которое должно было появиться на слѣдующій день на первой страницѣ на видномъ мѣ-

стѣ. Кроме того, Клемонъ долженъ былъ сѣздить въ прачечную, гдѣ когда-то работала мадемуазель Коверо, третья изъ шести жертвъ.

Въ четвергъ Ренинъ никуда изъ дому не выходилъ. Послѣ двѣнадцати часовъ дня онъ получилъ нѣсколько писемъ, вызванныхъ его объявленіемъ. Но, казалось, эти письма и телеграммы не соответствовали его ожиданіямъ. Наконецъ, въ три часа дня онъ получилъ городскую телеграмму, которая, видимо, его удовлетворила. Онъ ее долго разсматривалъ, перелисталъ свои газеты и сказалъ наконецъ:

— Кажется, надо идти по этому пути.

Онъ справился съ адресъ-календаремъ Парижа, записалъ адресъ: — Г. де-Луртье-Вано, бывшій колониальный губернаторъ, проспектъ Клебера, 47 бисъ — и побѣжалъ къ своему автомобилю.

— Кдмонъ! Проспектъ Клебера, 47 бисъ,

Его ввели въ обширный кабинетъ, украшенный рядомъ шкафовъ съ цѣнными изданіями. Господинъ де-Луртье-Вано былъ еще довольно молодъ. Онъ носилъ сѣдую бородку и всѣмъ своимъ видомъ и обхожденіемъ внушалъ довѣріе къ своей особѣ.

— Господинъ губернаторъ, — обратился къ нему Ренинъ, — я приѣхалъ къ вамъ потому, что какъ сообщаютъ газеты, вы знали одну изъ жертвъ „Гильотинщицы“, а именно Гонорину Вернисъ.

— Ну, конечно, мы ее отлично знали, — воскликнулъ де-Луртье, — она работала у моей жены въ качествѣ швей. Бѣдная дѣвушка!

— Господинъ губернаторъ, одна дама, мой другъ, исчезла, какъ исчезли предыдущія шесть жертвъ.

— Что вы говорите? — съ изумленіемъ проговорилъ де-Луртье, — я слѣдилъ по газетамъ; 18-го октября ничего не было.

— Напротивъ. Была похищена госпожа Даніель, которую я люблю. Именно 18-го октября.

— А сегодня у насъ 24-ое!..

— Да, и послѣзавтра совершится убійство.

— Это ужасно! Надо непремѣнно этому помѣшаться.

— Если вы поспособствуете мнѣ, господинъ губернаторъ.

— Вы сообщили полиціи?

— Нѣтъ. Это было бы бесполезно. Тайна до сихъ поръ не можетъ быть разгадана обыкновенными средствами. Вѣдь судебная власть во всѣхъ предыдущихъ шести случаяхъ ничего не могла выяснить. Съ подобнымъ противникомъ обыкновенная полиція бороться не въ силахъ.

— Что же вы сдѣлали?

— Прежде, нежели начать дѣйствовать, я размышлялъ четыре дня. Де-Луртье-Вано взглянулъ на своего собесѣдника нѣсколько иронически.

— И каковы результаты вашихъ размышленій?

— Прежде всего, — спокойно продолжалъ Ренинъ, — я установилъ въ этомъ дѣлѣ новую общую точку зрѣнія. Мнѣ удалось, устранивъ всѣ сомнительныя гипотезы, разрѣшить вопросъ, кто именно способенъ былъ совершить всѣ эти убійства.

— То есть?

— Убійца — сумасшедшій, господинъ губернаторъ.

— Что за идея!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—52.)

— Господинъ губернаторъ, дама, которую называютъ „Гильотинницей“, сумасшедшая.

— Тогда она была бы заключена въ соответствующее заведение.

— Мы ничего не знаемъ. Въдѣ возможно, что она на половину сумасшедшая и по внѣшнему виду бѣзопасна. За нею, быть можетъ, не слѣдить, и она можетъ безпрестанно удовлетворять свои кровожадные наклонности. Подобные сумасшедшіе удивительно опасны и легко вводятъ окружающихъ въ заблужденіе своимъ лицемеріемъ, своею хитростью и необыкновенною ловкостью. Эта безумная, какъ это ясно, видимо, находится подъ влияніемъ какой-то навязчивой идеи; проводить она ее удивительно методично, послѣдовательно и логично. Я не знаю, какова именно эта идея, но я знаю факты. Каждый разъ жертва связана веревками. Каждый разъ ее убиваютъ черезъ нѣсколько

дней послѣ похищенія. Убиваютъ ее топоромъ, вертикальнымъ ударомъ по головѣ. Обыкновенный убійца не проявитъ такого однообразія въ приведеніи въ исполненіе своего преступленія. Только сумасшедшій или сумасшедшая способны дѣйствовать такъ строго-послѣдовательно, механически, такъ сказать; какъ часы, которые бѣгутъ въ опредѣленное время, или гильотина, ножъ которой слѣпо падаетъ...

Де-Луртье-Вано покачалъ головой.

— Конечно, конечно... Это дѣло можно разсматривать и съ вашей точки зрѣнія. Я даже согласенъ съ вами. Но, допустивъ все это, все же остается неяснымъ: почему эта сумасшедшая избираетъ предпочтительно одну жертву, а не другую?

— Ахъ, господинъ губернаторъ, воскликнулъ Ренинъ, — вы ставите мнѣ вопросъ, который я все время задавалъ себѣ. Разрѣшеніе этого вопроса разъяснило бы все

дѣло. Почему Гортензія Даніель, а не другая? Почему молодая Вернисъ? Почему миссъ Вильямсонъ? Чѣмъ именно руководствовалась сумасшедшая при выборѣ своей жертвы? Кого выбирала она? Кого ей нужно было убить?

— Вы разрѣшили этотъ вопросъ?

Ренинъ остановился и затѣмъ продолжалъ:

— Да, господинъ губернаторъ, я этотъ вопросъ разрѣшилъ. Я долженъ былъ бы разрѣшить его съ первой минуты, внимательно разсмотрѣвъ списокъ жертвъ. Но эти проблески истины зарождаются и югда въ мозгу не сразу, а послѣ долгихъ и усиленныхъ размышленій. Двадцать разъ я разсматривалъ списокъ, пока одна маленькая подробность не бросилась мнѣ въ глаза.

— Я не понимаю, — проговорилъ де-Луртье-Вано.

— Господинъ губернаторъ, замѣтили ли вы, что во время обнаруженія какихъ-либо преступленій, если въ дѣлѣ замѣшано нѣсколько лицъ, ихъ обыкновенно называютъ по фамиліямъ? Въ данномъ случаѣ газеты всегда называли господа Ладю, мад-ль Арданъ и мад-ль Коверо только по ихъ фамиліямъ. Только мад-ль Вернисъ и мад-ль Вильям-

сонъ были названы и по именамъ — Гонорина и Гербетта. Если бы это было сдѣлано въ отношеніи всѣхъ жертвъ, тайны уже не существовало бы.

— Почему?

— Потому, что сразу было бы найдено соотношеніе между именами и жертвами преступленія. Вы понимаете? Передъ нами три имени...

Де-Луртье вдругъ смутился. Онъ поблѣднѣлъ и спросилъ:

— Что вы говорите?.. Что вы говорите?..

— Я хочу сказать, — отчетливо продолжалъ Ренинъ, — отчеканивая каждое слово, — что имена всѣхъ рѣшительно жертвъ начинаются одной и той же буквой „Г“. Я навелъ по этому поводу точныя справки. Значитъ, сумасшедшая избирала своихъ жертвъ между тѣми женщинами, имена которыхъ начинались буквой Г. И какое это яркое доказательство того, что мы имѣемъ дѣло съ сумасшедшей! И Гильотина тоже начинается съ буквы Г. Безумная дѣйствовала подобно гильотинѣ, хотя и не рубила головы, но рубила по черепу. Не такъ ли, не согласны ли вы, что убійца — явная сумасшедшая?

Ренинъ подошелъ къ де-Луртье

и спросилъ его:

— Что съ вами, господинъ губернаторъ? Вамъ дурно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ де-Луртье, хотя на лбу у него выступилъ потъ, — нѣтъ... но вся эта исторія такъ волнуетъ... Подумайте, я же зналъ хорошо одну изъ жертвъ...

Ренинъ взялъ со стола графинъ, наполнилъ стаканъ водою и подаль его де-Луртье. Тотъ выпилъ нѣсколько глотковъ и, дѣлая надъ собою усиліе, продолжалъ:

— Допустимъ, что все это такъ. Что же вы сдѣлали?

— Я помѣстилъ сегодня во всѣхъ газетахъ такое объявленіе: „Прекрасная кухарка ищетъ мѣста. Писать до пяти часовъ вечера Герминіи, бульваръ Гаусмана“... и т. д. Прослѣдите, господинъ губернаторъ мою мысль: сумасшедшей требуются жертвы, имена которыхъ начинаются буквой Г. Это не такъ легко найти. Ей приходится пускаться въ ходъ всю свою хитрость, свою смѣлность, свою ловкость. Она ищетъ, спрашиваетъ. Читаетъ даже газеты, которыя не понимаетъ, и гдѣ она лишь ищетъ нужныхъ ей именъ. Я не сомнѣвался, что имя Герминіи, напечатанное жирнымъ шрифтомъ на первой страницѣ, бросится ей въ

глаза, и она попадется въ мою ловушку.

— Она вамъ написала? — волнуясь спросилъ де-Луртье-Вано.

— Мнѣ нѣсколько особъ написало по поводу этой воображаемой Герминіи. Но вотъ телеграмма, представляющая особый интересъ.

— Отъ кого?

— Читайте, господинъ губернаторъ.

Де-Луртье вырвалъ изъ рукъ Ренина листокъ и взглянулъ на подпись. Сначала у него вырвался знакъ удивленія, какъ-будто онъ ожидалъ другого, а потомъ онъ какъ бы съ облегченіемъ разсмѣялся.

— Почему вы смѣетесь, господинъ губернаторъ? Вы какъ-будто довольны?

— Не то! Это письмо подписано моей женой.

— А вы опасались другого?

— О, нѣтъ, но разъ это моя жена...

Онъ фразы не кончилъ и сказалъ Ренину:

— Простите меня, но объясните мнѣ, почему изъ всѣхъ отвѣтовъ на ваше объявленіе вы выбрали именно этотъ, думая, что онъ дастъ вамъ нужныя указанія?

— Потому, что онъ подписанъ

вашей женой, у которой работала въ качествѣ швеи Гонорина Вернисъ, одна изъ жертвъ.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Это мнѣ извѣстно изъ газетъ.

— И только это обстоятельство рѣшило вашъ выборъ?

— Да. Но сейчасъ, господинъ губернаторъ, у меня какое-то внутреннее убѣжденіе, что я не ошибся.

— Откуда явилось это убѣжденіе?

— Я и самъ не знаю... Кое-какія мелочи... Могу я увидѣть господина Луртье?

— Я хотѣлъ вамъ это предложить. Пойдемъ.

Онъ ввелъ его въ маленькую гостиную, гдѣ красивая блондинка съ счастливымъ и добрымъ лицомъ сидѣла въ обществѣ трехъ дѣтей.

Она встала. Де-Луртье представилъ своего спутника и спросилъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—53.)

— Сузанна! Ты послала это пневматическое письмо?

— Адресованное Герминии, бульваръ Гаусманъ, — сказала она, — да, я. Наша горничная ушла, и я иду ей замѣстительницу.

Ренинъ прервалъ ее:

— Простите меня, но скажите, кто вамъ далъ адресъ этой женщины?

Она покраснѣла. Де-Луртье сказала:

— Отвѣчай, Сузанна. Кто тебѣ далъ этотъ адресъ?

— Мнѣ его сообщили по телефону.

— Кто?

Послѣ минуты колебанія она проговорила:

— Твоя старая кормилица...

— Фелисьена?

— Да.

Де-Луртье оборвалъ сразу разговоръ, и, не давая возможности Ренину предложить еще какіе-либо вопросы, онъ отвелъ его въ свой кабинетъ.

— Вы видите, что это письмо имѣетъ совершенно естественное происхождение. Моя старая кормилица, живущая въ окрестностяхъ

Парижа, прочла ваше объявленіе и сообщила о немъ моей женѣ. Вѣдь вы, надѣюсь, — съ дѣланнымъ смысломъ добавилъ онъ, — не подозреваете моей жены?

— Нѣтъ.

— Тогда инцидентъ исчерпанъ... по крайней мѣрѣ, съ моей стороны... Я сдѣлалъ все и очень сожалѣю, что не могу быть вамъ полезнымъ...

Онъ, видимо, торопился выпроводить своего посѣтителя. Вдругъ лицо его поблѣднѣло.

Ренинъ посмотрѣлъ на него, какъ смотрятъ на противника, готового сдаться, и сѣвъ около него и, взявъ рѣзко за руку, произнесъ:

— Господинъ губернаторъ, если вы не скажете, Гортензія Даніэль сдѣлается седьмой жертвой.

— Я ничего не могу сказать. Я ничего не знаю.

— Вы знаете правду. Вашъ испугъ, ваше лицо объ этомъ свидѣтельствуютъ. Вы не только можете помочь мнѣ, но у васъ въ рукахъ ключъ этой тайны. Не будемъ же терять времени.

— Но, если-бъ я зналъ, зачѣмъ же я молчалъ бы?

— Изъ боязни скандала. Я чувствую ясно, что въ вашей жизни есть что-то такое, что вы скрываете.

Для васъ правда въ этомъ дѣлѣ связана съ безчестіемъ вашей семьи, если только эта правда сдѣлается общимъ достояніемъ, если она будетъ подхвачена печатью. Вотъ почему вы отступаете передъ своимъ долгомъ, колеблетесь исполнить свою обязанность.

Де-Луртье ничего не отвѣчалъ. Ренинъ наклонился къ нему и, пронизывая его взглядомъ, продолжалъ:

— Скандала не будетъ. Я одинъ въ мірѣ буду знать подробности этой исторіи. И я, также какъ и вы, хочу сохранить тайну: я вѣдь люблю Гортензію Даніэль и не хочу, чтобы ее имя попало на страницы газетъ.

Онъ нѣсколько мгновений смотрѣлъ другъ на друга. Лицо Ренина приняло жесткое выраженіе. Де-Луртье чувствовалъ, что этотъ человѣкъ не уступитъ, но онъ не въ состояніи былъ заставить себя сказать правду.

— Вы ошибаетесь... Вы предполагаете то, чего въ дѣйствительности нѣтъ.

Ренинъ понялъ, что если этотъ человѣкъ будетъ продолжать упорствовать, Гортензія погибнетъ. Имъ овладѣлъ приливъ страшнаго бѣшенства. Онъ схватилъ де-Луртье за горло, опрокинулъ его и закричалъ:

— Довольно лгаты! Дѣло идетъ о жизни женщины!.. Говорите, говорите немедленно!.. А если нѣтъ...

Де-Луртье потерялъ способность сопротивляться. Онъ не боялся Ренина, но тотъ покорилъ его и подчинилъ себя своей неукротимой силой воли, разбивающей на своемъ пути всѣ препятствія.

— Вы правы, — пробормоталъ онъ, — мой долгъ все сообщить, независимо отъ послѣдствій.

— Никакихъ послѣдствій для васъ не будетъ. Ручаюсь за это, если вы спасете Гортензію Даніэль. Минута нерѣшительности можетъ все погубить. Говорите! Безъ подробностей, сообщите лишь факты.

Тогда де-Луртье, опершись локтями на свой письменный столъ и закрывъ лицо руками, сталъ коротко, опуская детали рассказывать:

— Госпожа де-Луртье, которую вы видѣли, не моя жена. Я женился очень рано въ колоніяхъ. Моя молодая жена отличалась странными характеромъ и большою впечатлительностью. Мы имѣли двухъ дѣтей — близнецовъ, которыхъ она обожала и которые, видимо, вернули ей полное душевное равновѣсіе. Тутъ случилось страшное несчастье. На ее глазахъ случайно проѣзжавшая повозка задавила обоихъ близнецовъ. Моя жена помѣшалась. У нея тихое помѣшательство въ той формѣ, какъ вы упоминали.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—54.)

Я привезъ несчастную во Францію и поручилъ ее заботамъ моей старой кормилицы, которая меня воспитала. Черезъ два года я познакомился съ той, которая сейчасъ составляетъ радость моей жизни. Она является матерью моихъ дѣтей, и всѣ считаютъ ее моей женой. Могу ли я ею пожертвовать? Вѣдь вся наша жизнь рухнетъ, если наше имя будетъ замѣшано въ эту кровавую драму.

Ренинъ подумалъ и спросилъ:

— Какъ зовутъ ее, другую?

— Геновена.

— Геновена. Та же первая буква... И восемь буквъ составляютъ имя...

— Именно это обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза, когда вы мнѣ передавали подробности дѣла. Такое странное совпаденіе!

— Допустимъ, что безумная выбираетъ своихъ жертвъ изъ числа тѣхъ, имена которыхъ начинаются на Г, при чемъ само имя заключаетъ восемь буквъ. Но какъ объяснить убійства? Въ чемъ проявляется ее безуміе? Она страдаетъ?

— Сейчасъ она не очень страдаетъ. Но вначалѣ она мучилась немнѣшнѣе. Когда дѣти ее погибли у

нея на глазахъ, все время передъ ее мысленнымъ взоромъ стояла картина ихъ гибели. Эта картина не давала ей возможности уснуть ни на одну секунду. Это была страшная пытка! Подумайте только: днемъ и ночью все время передъ нею стояли ея задавленные дѣти!

Ренинъ прервалъ его:

— Вѣдь не для того, чтобы отогнать отъ себя эту картину, она убиваетъ?

— Возможно, — задумчиво проговорилъ де-Луртье, — она стремится освободиться отъ этой картины путемъ сна.

— Я не понимаю.

— Вы не понимаете потому, что дѣло идетъ о сумасшедшей. Все, что происходитъ въ этомъ больномъ мозгу, аномально и нелогично.

— Конечно. Какіе-же факты подтверждаютъ ваше предположеніе?

— Факты?.. Факты есть. Я сначала не придавалъ имъ значенія; только сейчасъ начинаю въ нихъ разбираться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ однажды утромъ моя старая кормилица впервые нашла Геновену мирно спящей. Ея руки сжимали шею маленькой собачки, которую она задушила. Три раза подобная сцена повторилась.

— И она послѣ этого спала?

— Она спала, и сонъ ее каждый разъ продолжался нѣсколько ночей.

— Что вы изъ этого вывели?

— Я дѣлаю тотъ выводъ, что нервная энергія, которую она тратитъ на убійство, на нѣкоторое время ее истощаетъ, и она начинаетъ тогда спать.

Ренинъ вздрогнулъ.

— Это именно такъ! Нельзя въ этомъ сомнѣваться. Убійство и употребленіе при убійствѣ усилія даютъ ей сонъ. Отъ животныхъ она перешла къ женщинамъ. Она ихъ убиваетъ, чтобы завладѣть ихъ сномъ. Въ этомъ пунктѣ ея помѣшательства. Ей нуженъ сонъ, — она его похищаетъ у другихъ. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ она спитъ?

— Да, — прошепталъ де-Луртье.

Ренинъ схватилъ его за плечо.

— И вы не подумали, какія страшныя послѣдствія могла дать эта манія! Вѣдь эта безумная шла, ясное дѣло, на все, чтобы добыть себѣ сонъ. Намъ надо спѣшить. Это же сплошной кошмаръ!

Оба направились къ дверямъ. Вдругъ раздался телефонный звонокъ.

— Это отсюда, — сказалъ де-Луртье.

— Оттуда?

— Да, каждый день въ этотъ часъ моя старая кормилица давала мнѣ справку.

Онъ взялъ телефонную трубку, а другую далъ Ренину, который подсказывалъ ему нужные вопросы.

— Это ты, Фелисьена? Какъ она?

— Ничего себѣ, судары!

— Хорошо она спитъ?

— Послѣдніе нѣсколько дней хуже.

Послѣднюю ночь она даже со слезъ не смыкала глазъ. Поэтому она имѣетъ очень мрачный видъ.

— Что она сейчасъ дѣлаетъ?

— Она въ своей комнатѣ.

— Иди туда, Фелисьена; не покидай ее.

— Невозможно. Она заперлась.

— Это необходимо, Фелисьена. Взломай двери. Я сейчасъ приду... Ало! Ало!.. Чортъ возьми! Насъ разединили.

Оба, не говоря ни слова, выскочили на улицу и бросились къ автомобилю.

— Адресъ?

— Виль-д'Аврѣ.

— Это центръ ея операций. Оттуда она протянула свои нити, какъ паукъ. Проклятіе!

Ренинъ былъ потрясенъ. Все это происшествіе, наконецъ, представлялось ему во всей своей ужасной реальности.

— Да, — началъ громко разсуждать Ренинъ, — она ихъ убиваетъ, чтобы завладѣть ихъ сномъ. Она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чудовищной, для адроваго человѣка непонятной, навязчивой идеи. Ей, очевидно, кажется, что имена ее жертвъ должны непремѣнно начинаться той же буквой, какъ и ее имя: только тогда она будетъ спокойно спать.

(Продолжение слѣдуетъ).

Пола плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—55.)

Это логика безумной. И она ищет и находит. Захватив свою жертву, она держит ее у себя и затѣмъ ударомъ топора по головѣ приобретаетъ тотъ сонъ, который на нѣкоторое время даетъ ей забвеніе. Тутъ мы наталкиваемся на чисто сумасшедшую логику: почему одна жертва должна дать ей 120 дней сна, а другая—125. Это расчѣтъ больного мозга. Но по истеченіи 120 или 125 дней, во всякомъ случаѣ, новая человѣческая жертва должна быть принесена. И такихъ жертвоприношеній было уже шесть, седьмая жертва ожидаетъ своей очереди. Какую вы взяли на себя тяжелую отвѣстность! За подобнымъ чувствомъ мы обязаны были все время сладить.

Де-Луртье-Вано не возражалъ. Онъ былъ подавленъ, лицо его покрывалось смертельной блѣдностью, видно было, что его мучили угрызения совѣсти.

— Она меня обманула, — прошепталъ онъ, — по виду она была удивительно спокойна и послушна. Къ тому же, она живетъ въ санаторіи.

— Какъ же это могло случиться?

— Эта санаторія, — объяснилъ де-Луртье, — состоитъ изъ отдѣльных домиковъ, разбѣянныхъ въ обширномъ саду. Павильонъ, въ которомъ живетъ Геновена, расположенъ совершенно отдѣльно. Тамъ одну комнату занимаетъ Фелисьена, другую—большая. Имѣются еще двѣ комнаты, окна одной изъ нихъ выходятъ въ поле. Я думаю, что въ

этой послѣдней комнатѣ она запираетъ своихъ жертвъ.

— Откуда она беретъ повозку, чтобы отвозить трупы?

— Конюшни санаторіи находятся вблизи павильона. Тамъ имеются повозка и лошадь. Вѣроятно, Геновена ночью встаетъ, спускаетъ трупъ черезъ окно и увозитъ его.

— Но за ней наблюдаетъ эта старуха?

— Фелисьена глуховата и очень дряхлая.

— Но днемъ она же видитъ, что дѣлаетъ ея хозяйка. Не соучастница ли она?

— Никогда! Фелисьена также, какъ и мы, была введена въ заблужденіе лицемѣремъ безумной.

— Однако, вѣдь она телефонируетъ вашей женѣ по поводу моего объявленія?

— Это совершенно естественно. Геновена читаетъ газеты, слѣдитъ за объявленіями и, надо думать, просила Фелисьену намъ протелефонировать, такъ какъ знала, что моей женѣ нужна горничная.

— Да, да, — тихо проговорилъ Ренинъ, — это именно то, что я предчувствовалъ, о чемъ мнѣ подсказывало мое внутреннее чутье. Она заранѣе намѣчаетъ своихъ жертвъ. Но какимъ способомъ она заманивала къ себѣ несчастныхъ женщинъ? Какъ она заманила Гортензію Даніель?

Автомобиль мчался, но Ренину казалось, что онъ не двигается.

— Впередъ, Клемонъ!.. Мы стоимъ на мѣстѣ, мой другъ.

Онъ мучился мыслью, что опоздаетъ. Логика безумныхъ вѣдь такъ неопредѣленна, такъ измѣнчива. Сумасшедшая могла ошибиться днемъ, ускорить развязку, подобно тому, какъ иногда испорченные часы бьютъ часомъ раньше.

Съ другой стороны, послѣдніе дни она плохо спала. Вдругъ она рѣшила немедленно дѣйствовать? Черезъ какія душевныя страданія должна была пройти жертва въ присутствіи своего палача, готовящагося нанести ей смертельный ударъ.

(Продолжение слѣдуетъ.)

Пола плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—56.)

— Скорѣй, Клемонъ, или я займу твою мѣсто! Впередъ, впередъ, чортъ возьми!

Наконецъ, они въ Виль-д'Аврѣ. Автомобиль мчится, огибая высокую стѣну.

— Обѣдемъ заведеніе кругомъ, Клемонъ. Гдѣ, господинъ губернаторъ, находится павильонъ?

— Съ противоположной стороны, — объявилъ де-Луртье.

Они вышли изъ автомобиля. Ренинъ бросился бѣжать. Становилось темно. Де-Луртье указалъ:

Здѣсь... Этотъ домикъ... Вотъ окно въ нижнемъ этажѣ. Это окно отдѣльной комнаты... черезъ это окно, вѣроятно, она выходитъ.

— Но окно забрано рѣшеткой, — замѣтилъ Ренинъ.

— Да, но, вѣроятно, она продѣлала отверстіе.

Первый этажъ былъ построенъ надъ погребомъ. Ренинъ взобрался по выступамъ фундамента вверхъ. Дѣйствительно въ желѣзной рѣшеткѣ не хватало одного прута. Онъ прильнулъ къ окну.

Внутренность комнаты была темна. Все же онъ различилъ въ глубинѣ комнаты двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ лежала на тюфякѣ. Другая же сидѣла рядомъ на стулѣ и, полускрывъ голову руками, смотрѣла на лежащую.

— Это она, — прошепталъ де-Луртье, очутившись рядомъ съ княземъ, — другая связана.

Ренинъ вынулъ изъ кармана алмазъ и осторожно вырѣзалъ въ окнѣ одно изъ стеколъ. Безумная не

шевельнулась. Затѣмъ онъ повернулъ шпингалетъ, держа въ лѣвой рукѣ револьверъ.

— Вы не будете стрѣлять! — сталъ умолять де-Луртье.

— Если понадобится, да!

Окно тихо открылось. Но вдругъ по пути оно задѣло стулъ, который съ грохотомъ упалъ.

Ренинъ бросился въ комнату, чтобы схватить сумасшедшую. Но она вскочила и съ животнымъ крикомъ выбѣжала за двери.

Де-Луртье хотѣлъ бѣжать за нею.

— Зачѣмъ? — остановилъ его Ренинъ, становясь передъ связанной женщиной на колѣни, — спасемъ сначала жертву.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ: Гортензія была жива. Прежде всего онъ развязалъ ее и снялъ повязку, которой была затянута ротъ. На шумъ въ комнату прибѣжала старая кормилица съ лампой.

Ренинъ ужаснулся, когда освѣтилъ лицо Гортензіи: оно было мертвенно-блѣдно, истощено, глава

лихорадочно горѣла.

— Я васъ ожидала, — прошептала она, пытаясь улыбнуться... Ни одной минуты я не впадала въ отчаяніе... Я была увѣрена, что вы спасете меня...

Тутъ Гортензія потеряла сознание.

Черезъ часъ послѣ тщательныхъ поисковъ вокругъ павильона, сумасшедшая была найдена на чердакѣ. Она тамъ повѣсилась.

Гортензія торопилась ухажать. Къ тому же, надо было, чтобы павильонъ былъ пустъ къ тому времени, когда старая кормилица объявитъ о самоубійствѣ безумной. Ренинъ подробно объяснилъ Фелисьенѣ, какъ ей нужно отвѣчать на вопросы по поводу сумасшедшей, и затѣмъ при помощи де-Луртье и шофера перенесъ молодую женщину въ автомобиль и отвезъ ее домой.

Гортензія быстро поправилась. Уже черезъ два дня Ренинъ сталъ осторожно разспрашивать ее о томъ, какъ она познакомилась съ сумасшедшей.

(Продолжение слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—57.)

— Очень просто,—отвѣтила она,—мой мужъ, который тоже душевно боленъ, содержится въ томъ же заведеніи. Я иногда тайно, сознаюсь въ этомъ, посѣщаю его. Я говорила съ несчастной женщиной нѣсколько разъ. Въ послѣднее мое посѣщеніе она пригласила меня зайти къ ней. Какъ только я вошла въ ея комнату, она бросилась на меня и связала. Я не успѣла даже крикнуть о помощи. Мнѣ показалось, что сумасшедшая хотѣла подшутить надо мною. Въ сущности, вѣдь это была шутка безумной. Со мной она была очень кроткой, хотя и не кормила почти совсѣмъ.

— Вамъ не было страшно?

— Умереть съ голоду? Нѣтъ. Впрочемъ, иногда она меня немного

подкармливала, когда къ этому ее побуждалъ капризъ... И я была вполне убѣждена, что вы меня освободите.

— Ну, а по поводу другой опасности?..

— Какой?—спросила она съ недоумѣвающимъ видомъ.

Ренинъ вздрогнулъ. Онъ понялъ, хотя это казалось на первый взглядъ страннымъ и неправдоподобнымъ, что Гортензія до сихъ поръ не понимала, какая страшная опасность ей угрожала. Она не подозрѣвала, что попала въ руки, такъ называемой „Гильотинницы“.

Онъ рѣшилъ пока ничего по этому поводу не объяснять ей.

А черезъ нѣсколько дней Гортензія, которой докторъ предписалъ покой и уединеніе, отравилась въ

деревню къ одной своей родственницѣ, живущей въ близости Базикура, въ самомъ центрѣ Франціи.

9.

Слѣды шаговъ на снѣгу.

„Ла Ронсьеръ, черезъ Базикуръ, 14-го ноября. Князю Ренину, бульваръ Гаусманъ, Парижъ.“

„Мой дорогой другъ!

Вы считаете меня, вѣроятно, не благодарной. Я нахожусь здѣсь уже три недѣли и не написала вамъ ни одной строчки, ни слова благодарности. И, однако, я узнала, что вы меня спасли отъ ужасной смерти: мнѣ сдѣлался извѣстнымъ секретъ всей этой ужасной исторіи. Вы ужъ простите меня! Я была такъ потрясена. У меня явилась потребность уединиться и пожить въ полномъ покоѣ. Я не могла остаться въ Парижѣ и продолжать наши совмѣстные похождения. Нѣтъ, довольно съ меня! Приключенія другого меня интересуютъ, но пріятнаго мало по-

пасть самой въ передѣлку... Ахъ, дорогой другъ, какой я пережила ужасы! Это приключеніе я никогда не забуду... А здѣсь я наслаждаюсь полнымъ покоемъ. Моя старая кузина Эрмелина меня балуетъ, какъ больную. Я начинаю опять дѣлаться розовой, и въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно. Со знаюсь, что мое здоровье настолько хорошо, что я совершенно перестала интересоваться чужими дѣлами... право-же, ничутьючки! И вотъ вообразите себя (разсказываю это лишь потому, что знаю ваше неисправимое любопытство и стремленіе, какъ старая баба, всюду совать свой носъ), что вчера я имѣла любопытную встрѣчу. Антуанетта повела меня въ Вазикурскій трактиръ. Мы стали пить чай въ общемъ залѣ, гдѣ по случаю базарнаго дня было много крестьянъ.

Вдругъ неожиданное появленіе трехъ новыхъ лицъ, двухъ мужчинъ и одной женщины, прекратило среди присутствовавшихъ всякіе разговоры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—58.)

Одинъ изъ мужчинъ, по виду фермеръ, былъ одѣтъ въ длинную блузу и имѣлъ веселое красное лицо, обрамленное сѣдыми бакенбардами. Другой, болѣе молодой, одѣтъ въ бархатную куртку, производилъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ желтымъ, высохшимъ и злобнымъ лицомъ. У каждаго за плечами было охотничье ружье. Женщина, которая находилась съ ними, поражала своимъ изыществомъ. Она была маленькая, вся закутанная въ длинную темную мантилью, на головѣ ея красовалась мѣховая шапочка; лицо ея, очень блѣдное и худое, отличалось тонкостью чертъ.

— Отецъ, сынъ и сноха, — прошептала мнѣ кузина Эрмелина.

— Какъ? Эта прелестная женщина жила этого уэльсца?

— И сноха барона де-Горна.

— Неужели этотъ типъ — баронъ?

— Онъ потомокъ очень знатной фамилии, жившей въ здѣшнемъ замкѣ. Вѣдь онъ всегда образъ жизни

мужика... считается страстнымъ охотникомъ, пьянчужкой, митриганомъ, сутягой и почти совершенно разорился. Сынъ его, Матіасъ, болѣе

честолюбивый, менѣе привязанный къ землѣ, изучалъ юриспруденцію и поѣхалъ въ Америку, откуда вернулся за недостаткомъ денегъ. Тутъ онъ влюбился въ дѣвушку изъ сосѣдняго города. Несчастная, какъ это ни странно, согласилась выйти за него замужъ. Вотъ уже пять лѣтъ она живетъ точно затворница, вѣрнѣе, плѣнница, въ маленькой усадьбѣ по сосѣдству, которая носитъ названіе Колодезь.

— Она живетъ съ отцомъ и сыномъ?—спросила я.

— Нѣтъ, отецъ живетъ на концѣ деревни въ уединенной фермѣ.

— А этотъ Матіасъ ревнивый?

— Какъ тигръ.

— Безъ причины?

— Безъ малѣйшихъ основаній. Вѣдь не виновата Натали де-Горнъ, самая порядочная женщина въ мірѣ, если въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже вокругъ ихъ дома бродитъ прекрасный молодой сосѣдь.

Но оба де-Горна этимъ приведены въ бѣшенство.

— Какъ, и отецъ?

— Прекрасный сосѣдь — послѣдній потомокъ купившихъ когда-то замокъ де-Горновъ. Вотъ причина

ненависти старика. Жеромъ Вижналь, котораго я знаю и люблю, очень красивъ и очень богатъ. По словамъ стараго Горна, болтающаго объ этомъ въ пьяномъ видѣ, молодой человѣкъ поклялся похитить Натали де-Горнъ. Впрочемъ, послушайте сами...

Составляя центръ группы посѣтителей, старый баронъ, котораго всѣ угощали и который былъ пьянъ, горячо разлагольствовалъ:

— Онъ, этотъ господинчикъ, только оскандалится! Всѣ его усилія останутся безплодными. Мы хорошо охраняемъ нашу „дѣтку“! Если онъ подойдетъ къ ней слишкомъ близко, — пулю въ лобъ! Не такъ-ли, Матіасъ?

Онъ схватилъ свою сноху за руку.

— Ты, дѣтка, и сама умѣешь защищаться, — со смѣхомъ проговорилъ онъ, — слышишь? Кавалеровъ тебѣ вѣдь не надо!

Молодая женщина сконфузилась и покраснѣла до корня волосъ, а мужъ ея проворчалъ:

— Вы бы, отецъ, лучше держали языкъ за зубами. Есть вещи, о которыхъ громко не говорятъ.

— Когда дѣло идетъ о нашей чести, я ее защищаю публично, — возразилъ старикъ. — Для меня честь де-Горновъ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Я не позволю, чтобы этотъ парижскій вѣтрогонъ...

Вдругъ онъ оборвалъ свою фразу. Кто-то вошелъ въ комнату и,

видимо услышалъ его слова. Вошедшій, одѣтый въ спортивный костюмъ съ хлыстомъ въ рукѣ, своимъ энергичнымъ, хотя и нѣсколько суровымъ лицомъ съ прекрасными глазами, производилъ наилучшее впечатлѣніе.

— Жеромъ Вижналь, — шепнула мнѣ кузина.

Молодой человѣкъ держался очень свободно. Замѣтивъ Натали, онъ глубоко поклонился ей. Когда же Матіасъ де-Горнъ сдѣлалъ шагъ ему навстрѣчу, онъ иронически-презрительно посмотрѣлъ на него, какъ бы спрашивая:

— Что же дальше?

Онъ имѣлъ такой вызывающій видъ, что отецъ и сынъ схватились за свои ружья. Матіасъ, видимо, страшно бѣсился.

Жеромъ, сохраняя полное самообладаніе подъ этой угрозой, спокойно обратился къ трактирщику:

— Я хотѣлъ повидать дядю Расера. Но его давочка закрыта. Отдайте ему, прошу васъ, для чючючки чехоль отъ моего револьвера.

Онъ передалъ чехоль и затѣлъ со смѣхомъ добавлять:

— Револьверъ я оставляю у себя на всякій случай. Бережного Бога бережете!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—59.)

Затѣмъ онъ вынулъ изъ портсигара сигаретку, закурилъ ее и вышелъ. Черезъ окно видно было, какъ онъ вскопчилъ на свою лошадь и удалился мелкой рысью.

— Проклятіе! — выругался старый де-Горнь, осушая стаканчикъ коньяку. Снѣгъ заставилъ его замолчать и сѣсть. Около нихъ плакала Натали де-Горнь...

Вотъ, дорогой другъ, и вся история. Какъ видите, въ ней нѣтъ ничего интереснаго и заслуживающаго вашего вниманія. Никакой тайны! Здѣсь ваше вниманіе было бы совершенно неумѣстнымъ. Конечно, я желала бы, чтобы эта несчастная молодая женщина, производящая впечатлѣніе мученицы, имѣла бы защиту. Но повторю, пусть другіе сами раскутываютъ свои дѣла, а мы съ вами останемся въ сторонѣ*.

Ренингъ перечиталъ два раза письмо и сдѣлалъ выводъ:

— Итакъ, все идетъ отлично! У насъ нѣтъ желанія продолжать наши приключенія, такъ какъ мы дошли уже до седьмого и боимся, что

я потребу, чтобы мнѣ заплатили, когда мы вмѣстѣ переживемъ восьмое приключеніе. Не хотѣть, но одновременно и стремиться къ этому, дѣлая видъ, что не хотѣть...

Онъ съ удовлетвореніемъ потерялъ руки. Это письмо ясно и наглядно свидѣтельствовало о томъ влияніи, которое онъ приобрѣлъ надъ молодой женщиной. У нея, видимо, чувство было довольно сложное: она его и... любила; въ послѣднемъ онъ былъ убѣжденъ. Въ настоящую же минуту женское кокетство и цѣломудренная стыдливость заставляли ее уклоняться отъ дальнѣйшаго родоженія ихъ совмѣстныхъ приключеній.

Въ тотъ же вечеръ, — слѣдующій день былъ воскресный, — Ренингъ сѣлъ въ повозку.

Рано утромъ онъ уже былъ на мѣстѣ и узналъ, что въ направленіи усадьбы Колодезь ночью слышались три выстрѣла.

— Богъ любви и случай мнѣ благоприятствуютъ, — сказалъ онъ самъ себѣ, — если возникъ конфликтъ между мужемъ и любовью, я пріѣхалъ во время.

— Три выстрѣла, господинъ унтеръ-офицеръ! Я самъ слышалъ, — объяснялъ какой-то крестьянинъ жандарму въ общемъ залѣ трактира, куда вошелъ и Ренингъ.

— Я тоже слышалъ, — подтвердилъ одинъ изъ слугъ трактира, — три выстрѣла... Было, вѣроятно, двѣнадцать ночи. Снѣгъ, падавшій съ девяти часовъ, прекратился... Слышно было ясно...

Подтвердили это свидѣтельство еще пять человѣкъ. Къ жандармамъ въ это время подошли рабочіе и женщина. Они заявили, что находятся въ услуженіи у Матіаса де-Горна. По случаю воскресенья они ходили къ себѣ домой, а сейчасъ не могли попасть въ усадьбу.

— Ворота усадьбы, — заявилъ рабочій, — закрыты. Это случается впервые. Каждое утро хозяинъ ровно въ шесть часовъ утра самолично открываетъ ворота какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Сейчасъ же девятый часъ. Я звалъ и не получилъ никакого отвѣта. Вотъ мы и пришли сообщить вамъ объ этомъ.

— Отчего вы не справились у старика Горна? — спросилъ жандармъ, — онъ живетъ по дорогѣ.

— Это такъ, но намъ не пришлось въ голову...

— Пойдемъ туда, — заявилъ жандармскій унтеръ-офицеръ. Съ нимъ пошли два жандарма, крестьяне и

слесарь, котораго захватили по пути. Ренингъ присоединился къ нимъ. Имъ пришлось проходить мимо жилища стараго де-Горна. Это жилище Ренингъ узналъ по описаніямъ Гортензіи.

Старикъ запрягалъ свою повозку. Когда ему сообщили обо всемъ, онъ расхохотался.

— Три выстрѣла? Пафъ... пафъ... пафъ! Но, милые люди, вѣдь у Матіаса двухстволка!

— А закрыты ворота?

— Спитъ, значить, сынокъ мой; вотъ и все! Вчера я съ нимъ роспилъ нѣсколько бутылочекъ... Ну, и заспался онъ со своей женой.

Онъ взобрался на свою повозку и шелкнулъ кнутомъ.

— Будьте здоровы! Ваши выстрѣлы не помѣшаютъ мнѣ отправиться на базаръ. У меня телята, которыхъ надо продать. Прощайте, товарищи!

Отправившись въ путь, Ренингъ подошелъ къ жандармскому унтеръ-офицеру и представился ему.

— Я другъ мадемуазель Эрмелины, живущей въ Ронсервѣ. Еще рано, а потому позволю мнѣ сопровождать васъ. М-ль Эрмелина знаетъ де-Горнь, и я хочу ее успокоить. Надѣюсь, что ничего не случилось?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—60.)

— Если что-нибудь произошло, — отвѣтилъ унтеръ-офицеръ, — мы это прочитаемъ, какъ въ книгѣ...

Это былъ молодой малый симпатичной наружности, видимо, способный и понятливый. Съ самаго начала же онъ зарисовалъ слѣды шаговъ Матіаса, которые тотъ оставилъ наканунѣ на снѣгу. Скоро они подошли къ усадьбѣ, и слесарь открылъ ворота.

На снѣжномъ покровѣ замѣтны были лишь слѣды, оставленные Матіасомъ. Эти слѣды указывали своими причудливыми узорами на то, что Матіасъ былъ, очевидно, сильно пьянъ.

Въ двухстахъ метрахъ дальше стояли постройки Колодезя. Парадная дверь дома была открыта.

— Войдемъ — сказалъ унтеръ-офицеръ.

На порогѣ онъ проговорилъ: — Ого! Напрасно старикъ де-Горнь не пошелъ съ нами. Здѣсь произошло настоящее сраженіе.

Большая зала находилась въ безпорядкѣ. Два сломавшихся стула, опрокинутый столъ, разбитая посуда и осколки стекла свидѣтельствовали о томъ, что борьба произошла здѣсь жаркая. Большіе стѣнные ча-

сы, лежащіе на землѣ, показывали 11 часовъ 12 минутъ.

По указанію рабочицы, всѣ быстро поднялись наверхъ. Ни Матіаса, ни его жены тамъ не было. Двери же ихъ общей спальни были выбиты ударами молотка, который нашли подъ кроватью.

Ренингъ и унтеръ-офицеръ спустились внизъ. Изъ зала въ кухню, расположенной сзади и откуда можно было выйти въ маленькій садикъ, велъ коридорчикъ. Въ огороженномъ садикѣ за кухней былъ расположенъ колодезь.

Отъ порога кухни до колодезя по глубокому снѣгу тянулся слѣдъ: казалось, что тутъ протаскивали какое-то тѣло. Около же колодезя переплетались многочисленные слѣды, указывая на то, что борьба здѣсь продолжалась. Унтеръ-офицеръ обнаружилъ слѣды обуви Матіаса и другіе, болѣе элегантные и тонкіе.

Вторые слѣды вели прямо въ садъ. Въ тридцати метрахъ дальше, вблизи этихъ слѣдовъ, нашли браунингъ. Одинъ изъ крестьянъ заявилъ, что онъ похожъ на револьверъ, который два дня тому назадъ Жеромъ Вижналь показывалъ въ трактирѣ.

Унтеръ-офицеръ обнаружилъ, что

изъ семи пуль три были выпущены. Такимъ образомъ, все это дѣло выяснилось все болѣе и болѣе. Унтеръ-офицеръ, принявшій мѣры къ сохраненію всѣхъ обнаруженныхъ слѣдовъ, вернулся къ колодезю, задалъ нѣсколько вопросовъ рабочицѣ и затѣмъ обратился къ Ренингу:

— Думаю, что все ясно. Ренингъ взялъ его за руку.

— Будемъ говорить прямо. Я уже нѣсколько ознакомился съ этимъ дѣломъ. Оно меня интересуетъ, такъ какъ я знакомъ съ м-ль Эрмелиной, которая въ дружбѣ съ Жеромомъ Вижналемъ и знаетъ также господу де-Горнь. Вы предполагаете?

— Я ничего не предполагаю. Я только констатирую, что кто-то пришелъ сюда вчера вечеромъ...

— Откуда? Единственные слѣды, ведущіе къ этой усадьбѣ, слѣды де-Горна.

— Другая особа, оставившая болѣе элегантные слѣды, пришла, вѣроятно, до того, какъ началъ падать снѣгъ, то есть, до девяти часовъ.

— Значить, вы думаете, что эта особа спряталась въ одномъ изъ угловъ зала, ожидая возвращенія де-Горна, который пришелъ уже послѣ выпавшаго снѣга?

— Именно! Какъ только Матіасъ вошелъ, спрятавшійся субъектъ бросился на него. Произошла борьба. Матіасъ убѣжалъ черезъ кухню. Его преслѣдовали до колодезя и выстрѣлили въ него три раза.

— А гдѣ трупъ? — Въ колодезѣ.

Ренингъ протестовалъ:

— Какъ у васъ это все просто!

— Да вѣдь снѣгъ намъ все рассказалъ: послѣ борьбы, послѣ трехъ выстрѣловъ только одинъ человѣкъ покинулъ ферму, и слѣды этого человѣка не Матіаса де-Горна. Гдѣ же Матіасъ де-Горнь?

— Можно бы поискать его въ этомъ колодезѣ.

— Нѣтъ, этотъ колодезь бездонный. Онъ извѣстенъ въ окрестности. По немъ названа и усадьба.

— Итакъ, вы думаете?

— Повторю: когда выпалъ снѣгъ, пришелъ Матіасъ, а потомъ ушелъ отсюда другой человѣкъ.

— А госпожа де-Горнь? Вы предполагаете, что она убита, какъ и ее мужъ?

— Нѣтъ! Похищена.

— Похищена?

— Вспомните выбитыя двери въ ее спальню.

— Но вы же сами говорите, что ушелъ отсюда только одинъ человѣкъ.

— Осмотрите слѣды. Видно, что человѣкъ несъ какую-то тяжелую ношу. Снѣгъ подъ этой двойной тяжестью сильно вдавленъ.

— Значить, есть выходъ черезъ садъ въ этомъ направленіи?

— Да, въ оградѣ сада имѣется калитка, ключъ отъ которой всегда находился у Матіаса де-Горна. Этотъ ключъ у него, очевидно, взяли.

— И черезъ эту калитку можно выйти на дорогу?

(Продолженіе слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—61.)

— Да, большая дорога находится въ тысячи двухстахъ метрахъ... И знаете ли вы, гдѣ проселочная дорога отъ калитки соединяется съ большой?

— Нѣтъ.

— У одного изъ угловъ замка.

— Замка Жерома Вижналя?

Ренинъ проговорилъ сквозь зубы:

— Чортъ возьми! Дѣло усложняется. Если слѣды идутъ до замка, мы получимъ ясную картину.

Слѣды шли до замка. Въ этомъ легко было убѣдиться. Они также могли удостовѣрить тотъ фактъ, что, хотя сѣнь вблизи рѣшетки, окружающей замокъ, была очищена, отъ замка шли слѣды колесъ по направлению, противоположному деревнѣ.

Унтеръ-офицеръ у входныхъ воротъ замка позвонилъ. Къ нему подошелъ сторожъ съ метлой въ рукахъ, который объяснилъ, что Жеромъ Вижналь уѣхалъ утромъ, ког-

да всѣ еще спали, при чемъ онъ самъ запретъ лошадей.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Ренинъ,—прослѣдимъ, куда идутъ колесные слѣды.

— Это бесполезно,—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ,—они дальше поѣхали по желѣзной дорогѣ.

— Черезъ станцію Помпина, откуда я сейчасъ пріѣхалъ? Они тогда должны были проѣхать черезъ деревню...

— Нѣтъ, они выбрали другое направление и поѣхали на ту станцію, гдѣ останавливаются скорые поѣзда. Тамъ пребываютъ и судебныя власти. Я телефонирую туда. До одиннадцати часовъ ни одинъ скорый поѣздъ не пройдетъ, а потому легко можно установить на станціи наблюдение.

— Кажется,—сказалъ Ренинъ,—вы стоите на вѣрномъ пути, и я васъ поздравляю съ успѣхомъ.

Они разошлись.

Ренинъ сначала хотѣлъ пойти къ

Гортензій, но затѣмъ раздумалъ и предпочелъ выждать болѣе благоприятнаго оборота дѣла. Онъ вернулся въ трактиръ и послалъ Гортензій слѣдующую записку:

„Мой дорогой другъ!

Читая Ваше письмо, я понялъ, что, принимая, по обыкновенію, близко къ сердцу все то, что касается любви, Вы рѣшили покровительствовать влюбленнымъ Жерому и Натали. Но кажется, что этотъ милостивый государь и эта милостивая государыня, не спрашивая совета у своей покровительницы, убѣждали, при чемъ предварительно Матиасъ де-Горнь былъ брошенъ въ колодезь.

Извините, что я не захожу къ вамъ. Но это дѣло очень загадочно и въ Вашемъ присутствіи я не имѣлъ бы возможности хорошенько обдумать его“...

Было девять съ половиною часовъ утра. Ренинъ пошелъ гулять, не обращая вниманія на разстилающійся передъ нимъ чудный зимній пейзажъ. Онъ вернулся къ завтраку, погруженный въ глубокую задумчивость и не слушая того, что вокругъ него говорилось по поводу происшествія.

Затѣмъ онъ направился въ свою

комнату и проспалъ тамъ нѣкоторое время. Стукъ въ двери вдругъ разбудилъ его.

— Вы!.. вы!..—прошептала она когда, открывъ двери, увидѣлъ и порогъ Гортензій.

Они молча, пожимая другъ друга руки, вглядывались одинъ въ друга, проникнутые оба глубокой радостью по поводу этой встрѣчи. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Хорошо я сдѣлалъ, что пріѣхалъ?

— Да,—отвѣтила она мягко,—да... я васъ ждала.

— Жаль, что вы не выписали меня нѣсколько раньше. Событія пошли ускореннымъ темпомъ. Я сейчасъ не знаю, что случится съ Жеромомъ Вижналемъ и Натали де-Горнь.

— Какъ, вы еще не знаете? — живо перебила она его.

— Что именно?

— Ихъ арестовали. Они пытались уѣхать со скорымъ.

— Ну, арестовать ихъ еще не могли,—возразилъ Ренинъ,—сначала надо допросить.

— Ихъ въ настоящую минуту и допрашиваютъ. Судебная власть производитъ слѣдствіе.

— Гдѣ?

(Продолжение слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—62.)

— Въ замкѣ. Но они невиновны... Вѣдь они невиновны? Не такъ ли?

Онъ отвѣтилъ:

— Пока, дорогой другъ, я еще точно не знаю. Но скажу вамъ откровенно, что все противъ нихъ... Одинъ только фактъ за нихъ... Это то, что все слишкомъ противъ нихъ. Неправдоподобно это обилие уликъ! А въ общемъ,—темная и запутанная исторія!

— Тогда?

— Я, право, не знаю.

— Но у васъ имѣется планъ дѣйствій?

— Пока нѣтъ! Вотъ если-бъ я могъ повидать этого Жерома и эту Натали и послушать, что они говорятъ въ свое оправданіе! Но вы понимаете, что мнѣ не позволятъ ни ихъ допросить, ни присутствовать при ихъ допросѣ. Впрочемъ, вѣроятно, допросъ уже кончился.

— Онъ конченъ въ замкѣ, но будетъ продолжаться въ Колодезѣ.

— Ихъ поведутъ туда? — живо спросилъ онъ.

— Да... Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ одинъ изъ шофферовъ, привезшій судебныя власти.

— Въ такомъ случаѣ,—воскликнулъ Ренинъ,—все устранивается отлично. Мы будемъ на первыхъ мѣстахъ. Мы увидимъ и услышимъ рѣшительно все. Быть можетъ, пустое обстоятельство поможетъ намъ распутать это дѣло. Мы можемъ надѣяться! Идемъ, дорогой другъ.

Онъ повелъ ее по кратчайшей дорогѣ, по которой ходилъ уже утромъ, къ усадьбѣ де-Горня. Жандармы провели по сѣнгу рядомъ съ оставленными слѣдами шаговъ тропинку. Случай помогъ Гортензій и Ренину незамѣтно пробраться въ домъ черезъ боковое окно. По внутренней винтовой лѣстницѣ они взобрались въ маленькое помѣщеніе, имѣвшее круглое окно, выходящее въ большой залъ дома. Еще утромъ Ренинъ замѣтилъ это окно, затяну-

тое изнутри кускомъ матеріи. Онъ раздвинулъ матерію и вырѣзалъ въ окнѣ одно изъ стеколъ.

Черезъ нѣсколько минутъ около дома вблизи колодца послышались голоса. Затѣмъ въ залъ вошли люди. Жандармы ввели молодого человека высокаго роста.

— Жеромъ Вижналь! — шепнула Гортензій.

— Да,—отвѣтилъ Ренинъ,—госпожу де-Горнь, вѣроятно, допрашиваютъ наверху, въ ея комнатѣ.

— Прошло минутъ пятнадцать. Съ верхняго этажа спустились внизъ товарищъ прокурора, его письмоводитель, полицейскій комиссаръ и два жандарма.

Затѣмъ была введена въ залъ госпожа де-Горнь, и товарищъ прокурора предложилъ Жерому Вижналю подойти къ столу.

Лицо Жерома выражало энергію, какъ это вѣрно отмѣтила Гортензій въ своемъ письмѣ. Онъ не обнаруживалъ признаковъ безпокойства. Лицо его, напротивъ, было полно рѣшимости. Производила впечатлѣніе полная спокойствія и маленькая Натали, хотя глаза ея лихорадочно горѣли.

Товарищъ прокурора, осматривая мебель и слѣды борьбы въ комна-

тѣ, предложилъ ей сѣсть и сказалъ Жерому:

— Пока я вамъ предложилъ очень мало вопросовъ. Сейчасъ я произвожу лишь предварительное разслѣдованіе, которое будетъ продолжаться судебный слѣдователь. Какъ вы могли сами замѣтить, у меня имѣлись серьезныя основанія для того, чтобы просить васъ и г-жу де-Горнь прервать начатое вами путешествіе. Въ настоящую минуту вамъ надлежитъ опровергнуть собранныя противъ васъ тяжкія улики. Я прошу васъ рассказать мнѣ всю правду.

— Господинъ товарищъ прокурора—отвѣтилъ Жеромъ,—эти улики меня ничуть не беспокоятъ. Правда будетъ сильнѣе всѣхъ такъ неправдъ, которыя выдвинулъ противъ меня рядъ случайностей. Вотъ она!

Онъ задумался и затѣмъ началъ искренно и ясно рассказывать:

— Я глубоко люблю госпожу де-Горнь. Я полюбилъ ее съ первой минуты, когда встрѣтился съ нею, но, не зная на всю силу моей страсти, вполне владѣлъ всегда собою и имѣлъ въ виду лишь ея счастье.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—63.)

Я ее не только люблю, но и глубоко уважаю. Она вамъ, вѣроятно, сказала, а я повторяю: госпожа де-Горнъ и я впервые заговорили другъ съ другомъ въ эту ночь. Онъ продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Я ее уважалъ тѣмъ болѣе, что она была такъ несчастна. Всѣмъ извѣстно, что ее жизнь сплошная пытка. Мужъ ее преслѣдовалъ и ревновалъ съ дикой жестокостью. Допросите прислугу. Она вамъ сообщитъ, что пришлось перенести Наталю де-Горнъ, какъ ее били и по минутно оскорбляли. Я хотѣлъ положить предѣлъ этимъ страданіямъ. Три раза я обращался къ старику де-Горну, но онъ, оказывается, такъ же ненавидѣлъ свою сноху, какъ все низкое ненавидитъ все высокое и благородное! Тогда я рѣшилъ дѣйствовать непосредственно на Ма-

тиаса де-Горна. Моя выходка была необычная, своеобразная, но нужно знать личность этого человека. Клянусь вамъ, господинъ товарищъ прокурора, что въ тотъ вечеръ у меня было единственное намѣреніе — поговорить съ Матіасомъ. Я зналъ кое-что изъ его жизни и этимъ хотѣлъ воспользоваться. Если дѣло повернулось нѣсколько иначе, не моя въ томъ вина. Итакъ, я пришелъ къ нему до девяти часовъ вечера. Прислуга, я это зналъ, отсутствовала. Матіасъ самъ открылъ мнѣ двери. Онъ былъ одинъ.

— Я васъ прерву, — остановилъ подозрѣваемаго товарищъ прокурора, — и вы, и госпожа де-Горнъ утверждаете вещь, которая противорѣчитъ истинѣ. Матіасъ де-Горнъ вернулся вчера домой только въ одиннадцать часовъ вечера. Этому два доказательства: показаніе его отца и слѣды его шаговъ на снѣгу.

Снѣгъ этотъ падалъ съ 9 ч. 15 минутъ до 11 часовъ.

— Господинъ товарищъ прокурора, — твердо объявилъ Жеромъ Вижналь, не обращая вниманія на то дурное впечатлѣніе, которое его упрямство произвело на присутствующихъ, — я рассказываю о томъ, что произошло въ дѣйствительности, а не то, что хотѣтъ мнѣ приписать. Продолжаю! Эти стѣнные часы показывали девять часовъ безъ десяти, когда я вчера пошелъ сюда. Думая, что я хочу на него напасть, де-Горнъ схватился за ружье. Я положилъ свой револьверъ на столъ и самъ сѣлъ вдали отъ стола.

— Мнѣ надо съ вами поговорить, — сказала я, — прошу васъ выслушать меня.

Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Я началъ безъ всякихъ предисловій наше объясненіе и сказалъ ему слѣдующее:

— Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я старался подробно выяснитъ ваше финансовое положеніе. Вся ваша земля заложена. Сроки платежей приближаются, а у васъ нѣтъ нужныхъ денегъ, чтобы уплатить свои долги. На вашего отца

надежда плоха, такъ какъ онъ прогорѣлъ. Вы, слѣдовательно, погибли. Но я могу спасти васъ.

Онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня и затѣмъ сѣлъ. Я шепталъ, что онъ согласенъ вступить со мною въ переговоры. Тогда я вынулъ изъ кармана пачку денегъ и положилъ ее передъ нимъ со словами:

— Вотъ шестьдесятъ тысячъ франковъ. Я покупаю у васъ вашу усадьбу съ землей; ипотеки ваши находятся у меня. Слѣдовательно, я вамъ предлагаю вдвое противъ настоящей стоимости владѣнія.

Его глаза заблестѣли, и онъ про- бормоталъ:

— Какія ваши условія?

— Вы должны уѣхать въ Америку.

— Господинъ товарищъ прокурора, мы спорили два часа. Мое предложеніе ничуть его не возмутило, что я предвидѣлъ заранее, но онъ хотѣлъ получить больше и началъ упорно торговаться, не упоминая ни слова о своей женѣ, о которой молчалъ и я. Мы производили впечатлѣніе двухъ дѣльцовъ, стремившихся найти компромиссъ, тогда какъ дѣло шло о судьбѣ и счастьи жен-

щины. Въ концѣ концовъ я пошелъ на уступки, и мы пришли къ соглашенію, которое тутъ же оформили. Мы обмѣнялись двумя письмами. Согласно одному письму, онъ уступилъ мнѣ свою усадьбу за извѣстную сумму. Я же далъ письмо, въ которомъ обязывался послать ему въ Америку дополнительную сумму въ тотъ день, когда онъ разведется со своею женою.

Итакъ, сдѣлка была совершена. Я увѣренъ, что въ эту минуту мой противникъ дѣйствовалъ чистосердечно. Онъ считалъ меня не своимъ соперникомъ или врагомъ, но человекомъ, оказывающимъ ему услугу. Онъ далъ мнѣ даже ключъ отъ ящика, которая веда на дорогу. Къ несчастью, когда я бралъ свою шляпу и нарядку, я оставилъ письмо де-Горна на столѣ. Видимо, онъ сразу рѣшилъ, что можетъ сохранить владѣніе, жену и... деньги. Онъ быстро схватилъ письмо, нанесъ мнѣ прикладомъ ружья ударъ по головѣ и обѣими руками схватилъ меня за орло... Но онъ плохо рассчиталъ. Я гораздо сильнѣе его, а потому послѣ короткой борьбы справился съ нимъ и связалъ веревкой, которая

валялась въ углу.

— Господинъ товарищъ прокурора, если мой противникъ дѣйствовалъ быстро, то и я не остался въ долгу. Я рѣшилъ, что заставлю его выполнить свое обязательство. Въ нѣсколько прыжковъ я взобрался по лѣстницѣ въ верхній этажъ.

— Я былъ увѣренъ, что госпожа де-Горнъ тамъ, и что она слышала нашъ споръ. Въ трехъ первыхъ комнатахъ, которыя я осмотрѣлъ, ее не было. Четвертая комната оказалась запертой на ключъ. Стучу. Нѣтъ отвѣта. Но въ эту минуту никакія препятствія не могли меня остановить. При помощи молотка, который валялся въ коридорѣ, я высадилъ дверь.

— Наталю де-Горнъ, дѣйствительно, находилась въ этой комнатѣ. Она лежала въ глубокомъ обморокѣ. Я вынесъ ее черезъ кухню. На дворѣ, видя снѣгъ, я понялъ, что по моимъ слѣдамъ меня легко настигнуть. Но это было не важно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—64.)

Вѣдь Матиасъ де-Горнь получилъ отъ меня 60.000 франковъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ письмо, въ силу котораго я долженъ былъ ему внести такую же сумму послѣ его развода съ женою. Положеніе дѣла измѣнилось лишь въ томъ отношеніи, что я заранѣе захватилъ драгоценный залогъ, къ обладанію котораго давно стремился. Я боялся не Матиаса. Что скажете Натали де-Горнь? Не будетъ ли она упрекать меня? На этотъ вопросъ госпожа де-Горнь вамъ уже отвѣтила, господинъ товарищъ прокурора. Любовь вызываетъ любовь. Въ эту ночь она мнѣ призналась, что любитъ меня. Наши судьбы сплелись воедино. Сегодня утромъ мы уѣхали въ 5 часовъ, не думая, что судебная власть потребуетъ насъ къ отвѣту.

Жеромъ Вижналь кончилъ свой рассказъ. Онъ изложилъ его залпомъ, однимъ духомъ, точно ничего въ немъ измѣнить было нельзя. Нѣкоторое время царило молчаніе.

Гортензія и Ренинъ, спрятанные въ своемъ убѣжище, все отлично слышали. Молодая женщина прошептала:

— Все это очень возможно, и, во

всякомъ случаѣ, логично.

— Остаются возраженія. Они основательны. Особенно одно...

Это возраженіе немедленно формулировалъ товарищъ прокурора — А гдѣ де-Горнь?

— Матиасъ де-Горнь — спросилъ Жеромъ.

— Именно! Вы рассказали очень искреннимъ тономъ о рядѣ обстоятельствъ. Допустимъ, что все это такъ! Но вы упускаете главное: куда дѣвался Матиасъ де-Горнь? Вы связали его въ этой комнатѣ. Но сегодня утромъ его здѣсь не было.

— Понятно, господинъ товарищъ прокурора, что Матиасъ де-Горнь согласился на нашу сдѣлку и ушелъ.

— Какимъ путемъ?

— Вѣроятно, по дорогѣ, которая ведетъ къ его отцу.

— А гдѣ же слѣды его шаговъ? Снѣгъ, который насъ окружаетъ, является безпристрастнымъ свидѣлемъ. Послѣ вашей борьбы, судя по оставленнымъ слѣдамъ на снѣгу, видно, что вы ушли. Его же шаговъ не видно. Онъ пришелъ сюда, но отсюда не уходилъ. Слѣдовъ его ухода нѣтъ. Или...

Товарищъ прокурора понизилъ голосъ:

— Найдены слѣды около колод-

ца... слѣды послѣдней борьбы... и больше ничего... что вы скажете?

Жеромъ пожалъ плечами.

— Вы господинъ товарищъ прокурора, видимо, обвиняете меня въ убійствѣ. Отвѣчать на подобные вопросы я не стану.

— Не пожелаете-ли вы мнѣ отвѣтить что-либо по поводу вашего револьвера, найденнаго въ двадцати метрахъ отъ колодца.

— Нѣтъ.

— И по поводу трехъ выстрѣловъ, которые слышали въ эту ночь, и относительно трехъ выпущенныхъ изъ вашего револьвера пуль?

— Нѣтъ, господинъ товарищъ прокурора. Никакой послѣдней борьбы около колодца не происходило, потому что я оставилъ де-Горна связаннымъ въ этомъ помѣщеніи, гдѣ оставался и револьверъ мой. Если же слышали выстрѣлы, то стрѣлялъ не я.

— Случайныя совпаденія, значитъ?

— Судебная власть должна въ этомъ разобраться. Моя же единственная обязанность — сказать вамъ всю правду. Большаго вы отъ меня требовать не можете.

— Но если эта ваша правда находится въ противорѣчіи съ фактами?

— Тогда факты искажаютъ истину, господинъ товарищъ прокурора.

— Допустимъ! Но до того дня, пока судебная власть не установитъ отсутствія противорѣчія между вашими утверждениями и фактами, мы

должны васъ задержать.

— А г-жу де-Горнь — съ безпокойствомъ спросилъ Жеромъ.

Товарищъ прокурора ничего не отвѣтилъ. Онъ поговорилъ съ комиссаромъ и приказалъ одному изъ полицейскихъ распорядиться подать одинъ изъ автомобилей. Затѣмъ онъ обратился къ Натали:

— Сударыня! Вы слышали показаніе господина Вижналя. Оно вполне тождественно съ вашимъ. Говорятъ, что вы находились въ обморокѣ. Когда и гдѣ вы пришли въ себя?

Молодая женщина твердо отвѣтила:

— Я очнулась лишь въ замкѣ.

— Странно! Вы, слѣдовательно, не слышали выстрѣловъ? Вся деревня ихъ слышала.

— Я ихъ не слышала.

— И вы ничего не видѣли, что происходило вокругъ колодца.

— Тамъ ничего не происходило, развѣ Жеромъ Вижналь это утверждаетъ.

— Что же сдѣлалось съ вашимъ мужемъ?

— Не знаю.

— Помогите, сударыня, судебной власти распутать это дѣло. Не могъ ли вашъ мужъ, вернувшись отъ своего отца подъ влияніемъ винныхъ паровъ, потерять равновѣсіе и упасть въ колодезь?

— Когда мой мужъ вернулся отъ своего отца, онъ былъ совершенно трезвъ.

(Продолжение слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—65.)

— Его отецъ, однако, показали, что они росили вдвоемъ три бутылки вина.

— Его отецъ ошибается.

— Но снѣгъ не ошибается, — съ нѣкоторымъ раздраженіемъ возразилъ товарищъ прокурора, — слѣды вашего мужа имѣютъ извилистый характеръ, такъ ходятъ пьяные.

— Мужъ мой вернулся домой въ восемь съ половиною часовъ, когда снѣгу еще не было.

Товарищъ прокурора ударилъ кулакомъ по столу.

— Но сударыня, вы говорите противъ очевидныхъ фактовъ. Снѣжныя покровы, повторяю, — безпристрастный свидѣтель... Противъ подобнаго факта, противъ такой очевидности рѣшительно возразить нельзя... Поймите, слѣды на снѣгу, слѣды шаговъ на снѣгу...

Онъ сдержался и замолчалъ.

Посыпавшись шумъ автомобиля. Онъ вдругъ принялъ рѣшеніе и

проговорилъ:

— Прошу васъ, сударыня, оставаться въ этомъ домѣ и ожидать вызова къ слѣдователю.

Затѣмъ товарищъ прокурора приказалъ жандармамъ увести Жерома Вижналя.

Игра для влюбленныхъ, очевидно, была проиграна. Судьба ихъ соединила на короткое время, но теперь опять разлучила. Они должны были разстаться и каждый отдѣльно бороться съ тяготящимъ надъ ними обвиненіемъ.

Жеромъ сдѣлалъ шагъ по направлению къ Натали. Они обмѣнялись печальными взглядами. Потомъ онъ глубоко ей поклонился и направился къ выходу въ сопровожденіи жандармовъ.

— Стой! — неожиданно раздался голосъ, — назадъ! Погодите!

Товарищъ прокурора и остальные присутствующіе подняли головы. Голосъ раздался изъ круглаго внутренняго окна зала. Ренинъ вы-

сунулся впередъ и кричалъ:

— Я прошу меня выслушать... Я хочу сдѣлать кое-какія замѣчанія... особенно одно по поводу извилистыхъ шаговъ на снѣгу... Ключъ разгадки въ этомъ... Матиасъ не былъ пьянъ...

Онъ просунулъ ноги въ окно и сказалъ Гортензіи, пытавшейся его удержать:

— Оставляйтесь здѣсь, дорогой другъ... Никто васъ беспокоить не будетъ.

Ренинъ съ этими словами спрыгнулъ въ залъ.

Товарищъ прокурора казался ошеломленнымъ:

— Но откуда вы явились? Кто вы?

Князь страхнулъ пылъ съ своей одежды и отвѣтилъ:

— Простите меня, господинъ товарищъ прокурора, что я избралъ этотъ необыкновенный путь, но я торопился. И, кромѣ того, мои слова произведутъ большее впечатлѣніе, какъ человѣка, упавшаго съ неба.

— Кто вы такой? — свирѣло закричалъ товарищъ прокурора.

— Князь Ренинъ. Я присутствовалъ сегодня утромъ при дознаніи. Это дѣло меня заняло. Я хочу его выяснять. Съ этою цѣлью я спря-

тался въ томъ помѣщеніи, чтобы присутствовать при допросѣ...

... — Вы были тамъ?.. Вы имѣли смѣлость?..

— Надо имѣть смѣлость, когда дѣло идетъ о выясненіи истины. Именно мнѣ удалось здѣсь получить кое-какія важныя указанія. Я здѣсь понялъ, что Матиасъ де-Горнь ничуть не былъ пьянъ, а въ этомъ все дѣло, разрѣшеніе всей загадки. Когда это знаютъ, то знаютъ правду.

Товарищъ прокурора находился въ смѣшномъ и затруднительномъ положеніи. Онъ проворчалъ:

— Довольно! Что вы хотите?

— Я прошу нѣсколько минутъ вниманія.

— Съ какой цѣлью?

— Чтобы установить невинность Жерома Вижналя и г-жи де-Горнь.

Видъ у него былъ спокойный и рѣшительный, какъ въ тѣ минуты, когда онъ своимъ вмѣшательствомъ распутывалъ какую-нибудь сложную драму. Гортензія вся затрепетала и подумала:

— Они спасены. Я его просила защитить эту молодую женщину, и онъ спасетъ ее отъ тюрьмы и отъ очаянія.

(Продолжение слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—66).

Жеромъ и Натали ощущали нѣчто подобное, они чувствовали, что этотъ свалившійся съ неба незнакомецъ выручитъ ихъ изъ бѣды.

Товарищъ прокурора пожалъ плечами:

— Свою невинность они могутъ установить во время слѣдствія. Васъ также допросятъ.

— Эту невинность лучше установить немедленно. Послѣдствія ошибки могутъ быть печальными.

— Я спѣшу...

— Двѣ-три минуты для меня достаточно.

— Двѣ-три минуты, чтобы разъяснить подобное дѣло?

— Не больше.

— Вы, значитъ, хорошо знакомы съ нимъ?

— Сейчасъ—да. Съ утра я много думалъ о немъ.

Товарищъ прокурора понялъ, что отъ подобнаго господина ему не такъ то легко отдѣлаться. Онъ по-

этому проговорилъ ироническимъ тономъ:

— Ваши размышленія привели васъ къ выводу, гдѣ въ настоящее время находится Матіасъ де-Горнь?

Ренингъ посмотрѣлъ на свои часы и отвѣтилъ:

— Въ Парижѣ, господинъ товарищъ прокурора.

— Въ Парижѣ? Онъ, слѣдовательно, живъ?

— Ну, конечно! И отлично себя чувствуетъ.

— Радуюсь этому. Но откуда эти слѣды шаговъ вокругъ колодца?.. Откуда револьверъ?.. Наконецъ, выстрѣлы?

— Все это лишь симуляція.

— Кто же симулируетъ?

— Матіасъ де-Горнь собственной персоной.

— Странно! Съ какой цѣлью?

— Съ цѣлью пустить слухъ, что онъ убилъ Жеромомъ Вижналомъ.

— Гипотеза любопытная, — иронически замѣтилъ товарищъ проку-

рора. — Что вы объ этомъ думаете, господинъ Вижналь?

Жеромъ отвѣтилъ:

— Я самъ предполагалъ это. Послѣ моего ухода Матіасъ де-Горнь, очевидно, придумалъ планъ мести.

Онъ любилъ и ненавидѣлъ свою жену. Меня же не выносилъ. Онъ отомстилъ.

— Дорогая месье! Самы же вы сообщили, что де-Горнь долженъ былъ получить отъ васъ дополнительно 60.000 франковъ.

— Эту сумму онъ могъ получить другимъ путемъ. Знакомъ съ его финансовымъ положеніемъ, я узналъ, что отецъ и сынъ застраховали свою жизнь одинъ въ пользу другого. Значитъ, еслибъ сынъ считался убитымъ, то отецъ получилъ бы страховую премию и передалъ бы ее сыну.

— Такимъ образомъ, — проговорилъ съ улыбкой товарищъ прокурора, — старый де-Горнь является соучастникомъ своего сына?

Ренингъ подтвердилъ:

— Именно, господинъ товарищъ прокурора. Они сдѣлались.

— Значитъ, сынъ находится у отца?

— Онъ тамъ находился еще этой ночью.

— Что же съ нимъ сдѣлалось?

— Онъ уѣхалъ въ Парижъ.

— Все это лишь предположенія

— Увѣренность.

— Это не доказательство.

Съ этими словами товарищъ прокурора взялся за шляпу, показывая, что разговоръ конченъ.

— Ни малѣйшаго доказательства, — добавилъ онъ, — а главное, невозможно вашей гипотезой опровергнуть главнаго свидѣтеля, этого безстрастнаго и убѣдительнаго нѣмого свидѣтеля—слѣгъ. Чтобы пойти къ отцу, Матіасъ де-Горнь долженъ былъ отсюда выйти... Какимъ путемъ онъ шелъ?

— Господи, обыкновенной дорогой, которая ведетъ къ старику де-Горню.

— Но на слѣгу нѣтъ слѣдовъ его шаговъ.

— Есть.

— Но эти слѣды указываютъ, что пришелъ сюда, но не ушелъ отсюда.

— Это одно и то же.

— Какъ такъ?

— Конечно! Двигаться можно въ оба.

— Какъ же, по вашему, можно еще двигаться?

(Продолжение слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—67).

— Пятая назадъ, — господинъ товарищъ прокурора.

Эти слова, отчеканенныя твердымъ голосомъ, на минуту вызвали гробовое молчаніе. Всѣ почувствовали, что именно въ этомъ открытіи заключается проблѣскъ истины, разгадка всей тайны.

Ренингъ продолжалъ, пятая къ окну:

— Я могу приблизиться къ этому окну, идя прямо, къ лицу къ нему. Но могу итти и спиной къ нему... Въ обоихъ случаяхъ цѣль достигнута.

А выводы, — съ силой бросилъ онъ, — можно сдѣлать такіе: въ 8 1/2 часовъ де-Горнь пришелъ отъ отца домой, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, такъ какъ слѣга еще не было. А въ девять часовъ безъ десяти приходитъ сюда господинъ Вижналь, также не оставляя слѣдовъ. Слѣдуютъ переговоры, заключеніе сдѣлки и свалка. Матіасъ побѣжденъ.

Прошло три часа. И вотъ, когда Вижналь ушелъ съ женой де-Горна, послѣднему приходитъ въ голову блестящая мысль воспользоваться слѣгомъ, чтобы погубить своего ненавистнаго врага. Онъ симулируетъ свое собственное убійство и паденіе въ колодезь. А потомъ, пятая назадъ, онъ уходитъ къ отцу, записывая на слѣжномъ покровѣ свой приходъ, когда въ дѣйствительности это былъ его уходъ. Надѣюсь, господинъ товарищъ прокурора, вы ясно поняли? Онъ отмѣтилъ на слѣгу свой приходъ, а въ дѣйствительности это былъ уходъ.

Товарищъ прокурора пересталъ смѣяться. Онъ понялъ, что этотъ оригиналъ стоитъ вниманія. Онъ спросилъ:

— А какъ онъ могъ ухитриться отъ своего отца?

— Въ повозкѣ.

— Кто же его отвезъ?

— Отецъ.

— Откуда вы знаете?

— Сегодня утромъ съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ я былъ у отца и говорилъ съ нимъ. Онъ отправлялся на базаръ, а сынъ его былъ спрятанъ подъ парусиной съ тельникомъ. Сейчасъ же Матіасъ де-Горнь въ Парижѣ.

Объясненія Ренинга, согласно его обѣщанію, длились не больше пяти минутъ. Своей непобѣдимой логикой онъ сразу разбилъ ту тайну, которая окружала это запутанное дѣло. Истина побѣдоносно вслывала. Госпожа де-Горнь плакала отъ радости. Жеромъ Вижналь горячо благодарилъ своего добраго генія, даващаго совѣтъ другой ходъ этому событію.

— Осмотримъ вмѣстѣ эти слѣды, господинъ товарищъ прокурора, — предложилъ Ренингъ, — сегодня утромъ мы ошиблись, осматривая преимущественно лишь слѣды, оставленные мнимымъ убійцей. А вса суть была въ слѣдахъ, оставленныхъ де-Горномъ.

Они вышли въ садъ. Не трудно было убѣдиться, что слѣды шаговъ Матіаса носили своеобразный характеръ.

— Это понятно, — пояснилъ Ренингъ, — не такъ то легко двигаться, пятая назадъ. Отецъ я сынъ это

почувствовали. Потому-то старикъ де-Горнь всѣмъ говорилъ, что сынъ его въ этотъ вечеръ былъ пьянъ. Этимъ можно было объяснить странность его походовъ.

И Ренингъ прибавилъ:

— Именно это обстоятельство, эта ложь старика ослѣпила меня. Когда госпожа де-Горнь удостоверилась, что мужъ ея былъ трезвъ, я подумалъ объ оставленныхъ имъ на слѣгу слѣдахъ и все угадалъ.

Товарищъ прокурора откровенно призналъ себя побѣжденнымъ и со смѣхомъ сказалъ:

— Остается арестовать этого лже-мертвеца.

— На какомъ основаніи? — возразилъ Ренингъ, — никакого преступленія онъ не совершилъ. То, что онъ три раза выстрѣлилъ, топтался около колодца и потомъ, пятая назадъ, отправился къ отцу, никакого правонарушенія не составляетъ. Не думаю также, чтобы господинъ Вижналь потребовалъ отъ него обратно 60.000 франковъ?

— Конечно, нѣтъ, — объявилъ Жеромъ.

— Остается страховая премія. Но она еще не потребована. А, вотъ и самъ старикъ! Мнѣ его сейчасъ допросимъ. (Продолжение слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—68).

Дѣйствительно, сильно жестикулируя, къ нимъ подошелъ старикъ де-Горнь. Его добродушное лицо выражало печаль и гнѣвъ.

— Гдѣ мой сынъ? Его, вѣроятно, убили.. Мой бѣдный Матіасъ убитъ этимъ бандитомъ Вижналомъ!

И онъ погрозили Жерому кулакомъ.

Товарищъ прокурора рѣзко спросилъ его:

— Одно слово: вы потребуете страховую премию за своего сына?

— Конечно, — вырвалось у старика.

— Дѣло въ томъ, что вашъ сынъ не умеръ. Говорятъ даже, что вы отвезли его, скрывъ подъ парусиной, на станцію подъ видомъ теленка.

Де-Горнь сталъ отплевываться и протянулъ руку, точно собираясь торжественно поклясться. Но затѣмъ онъ сразу измѣнилъ свое выраженіе лица и съ холодомъ заявилъ

примирительнымъ тономъ:

— Ну, и разбойникъ же этотъ Матіасъ! Какую штуку придумалъ! Значить, онъ хотѣлъ объявить себя покойникомъ! И думалъ, что я помогу ему получить страховую премию!.. Точно я способенъ на такую мерзость!.. Ты меня, молодчикъ, не знаешь еще!

И затѣмъ онъ быстро удалился, дѣлая видъ, что эта смѣшная исторія его очень забавляетъ. По пути онъ старался своими сапогами прикрыть слѣды шаговъ на снѣгу, оставленные его сыномъ.

Когда Реннъ вернулся въ домъ, Гортензіи тамъ уже не было.

Онъ отправился къ кузинѣ Эрмелинѣ. Ему сказали, что Гортензія извиняется, но она устала и, нуждаясь въ отдыхѣ, принять его не можетъ.

— Превосходно, — подумалъ Реннъ — она меня избѣгаетъ. Слѣдовательно, любить. Развязка приближается.

10.

„Въ честь бога Меркурія“.

Госпожѣ Даниэль, Ронсьеръ, черезъ Базикуръ, 30-го нояб.
„Дорогой мой другъ!

Уже двѣ недѣли я не получаю отъ Васъ писемъ. До 5-го декабря, то есть, до того неспящего для Васъ дня, когда истекаетъ срокъ нашего соглашенія, я и не надѣялся, что получу отъ Васъ вѣсточку. А съ этого дня вы вѣдь будете свободны отъ своего обязательства. Признаюсь Вамъ, что для меня эти семь побѣдныхъ приключеній, которыми мы вмѣстѣ пережили, были источникомъ большой радости и нервнаго подъема. Я жилъ эти дни вблизи Васъ. Я сознавалъ, что новый Вашъ образъ жизни, полный свѣжихъ впечатлѣній, приноситъ Вамъ большую пользу. Счастье мое было таково, что я не смѣлъ съ Вами о немъ говорить и обнаруживать въ Вашемъ присутствіи всю силу моихъ чувствъ. Единственной моей заботой было Вамъ нравиться и доказать Вамъ мою безмѣрную преданность. А теперь, дорогой другъ, Вы отказываетесь отъ своего соратника, своего спутника. Пусть будетъ согласно Вашей волѣ!

Я подчиняюсь Вашему рѣшенію. Но позвольте мнѣ разсказать Вамъ о томъ, какъ я представлялъ себѣ наше послѣднее совмѣстное приключеніе. Я напоминаю Вамъ слова, которыя Вы мнѣ сказали и которыя навсегда запечатлѣлись въ моей памяти.

— „Я требую, — заявили Вы, — чтобы вы мнѣ вернули старинную застѣжку изъ сердолика въ филигранной оправѣ. Я получила ее отъ моей матери. Всѣ знали, что застѣжка эта приносила счастье и моей матери, и мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она исчезла изъ моей шкатулочки, я несчастна. Верните же мнѣ мок застѣжку, добрый геній!“

А когда я сталъ Васъ спрашивать, когда именно застѣжка пропала, Вы отвѣтили мнѣ со смѣхомъ:

— „Шесть... семь... или восемь лѣтъ тому назадъ... Хорошо не знаю... Не знаю, какъ она пропала... Я ничего не знаю.“

Видно, Вы бросили мнѣ вызовъ, думая, что я обѣщанія своего не выполняю. Но мнѣ все же хочется Васъ порадовать. Для Вашего душевнаго спокойствія Вы должны имѣть свой талисманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—69).

Надѣ этими маленькими суевѣрїями нельзя смѣяться: часто подобныя суевѣрїя руководятъ нашими лучшими поступками.

Дорогой другъ, въ этомъ дѣлѣ Вы мнѣ не оказали никакой помощи. Я торопился, имѣя въ виду приближающееся 5-ое декабря, и позорно провалился. Но все же мнѣ удалось такъ повернуть это дѣло, что если Вы захотите одна итти къ цѣли, то у Васъ много шансовъ, что Вы этой цѣли достигнете.

И Вы будете продолжать мною начатое. Не такъ ли? Это вопросъ чести, согласно нашему соглашенію. Въ опредѣленный срокъ мы должны внести въ книгу нашихъ судебъ восемь интересныхъ приключеній, промѣнчивости, а иногда даже немного героизма.

Теперь очередь за восьмымъ приключеніемъ. Отъ Васъ зависитъ, чтобы оно заняло подобающее мѣсто 5-го декабря до того момента, когда

стѣнные часы пробьютъ восемь разъ. Въ этотъ знаменательный день Вы должны дѣйствовать такъ, какъ я Вамъ укажу.

Не думайте, дорогой другъ, что я фантазирую и морочу Васъ. Для успѣха предпрїятія необходимо, чтобы Вы точно соблюли все то, что я Вамъ сообщу. Прежде всего, въ саду Вашей кузины Вы срѣжете три тонкихъ, гибкихъ прута. Эти прутья Вы переплетете и завяжете по обоимъ концамъ. Получится самодѣльный деревенскій хлыстъ, какъ иногда дѣлаютъ дѣти.

Затѣмъ въ Парижѣ Вы кушите ожерелье изъ чернаго янтаря съ маленькими выбоинами. Это ожерелье Вы сократите до семидесяти пяти бусъ, всѣхъ одной величины.

Подъ Вашей зимней накидкой Вы надѣнете синее шерстяное платье. Ваша зимняя шапочка должна быть украшена осенними листьями. На шеѣ — боа изъ пѣтушійхъ перьевъ. Ни перчатокъ, ни колецъ.

Послѣ обѣда отправляйтесь на лѣвый берегъ Сены и войдите въ церковь святого Викентія. Ровно въ четыре часа передъ кропильницей тамъ будетъ стоять женщина, одѣтая во все черное и съ серебряными четками въ рукахъ. Она окропитъ Васъ святой водой. Вы дадите ей свое ожерелье. Пересчитавъ бусы, она отдастъ Вамъ его обратно. Потомъ слѣдуйте за нею. Она приведетъ Васъ въ пустынную улицу острова Сень-Луи. Передъ однимъ изъ домовъ женщина остановится, но въ домъ Вы войдите одна.

Въ нижнемъ этажѣ этого дома Вы найдете довольно еще молодого человѣка съ матовымъ цвѣтомъ лица. Вы снимите накидку и скажете:

— „Я пришла за своей сердоликовой застѣжкой.“

Не удивляйтесь его ужасу. Оставайтесь спокойной. Если онъ начнетъ Васъ спрашивать, пытайтесь узнать, кто Васъ къ нему направилъ, не давая никакихъ объясненій. Всѣ Ваши отвѣты должны сводиться къ короткой формулѣ:

— „Я пришла получить то, что мнѣ принадлежитъ. Я васъ не знаю, не знаю вашего имени, но я не могу не обратиться къ вамъ. Я должна получить обратно свою застѣжку.“

Это необходимо!“

Я искренно думаю, что, если Вы проявите твердость, то, хотя чловѣкъ этотъ, вѣроятно, начнетъ играть комедію, все же Вы достигнете полного успѣха. Но борьба должна быть очень короткой. Исходъ ея зависитъ исключительно отъ Вашей вѣры въ свои силы и твердости. Это — единоборство, въ которомъ Вы должны свалить противника первымъ же ударомъ. Если Вы заволнуетесь, потеряете хладнокровіе, тогда онъ Васъ побѣдитъ. Вы или немедленно одержите верхъ, или сразу же будете разбиты.

Во второмъ случаѣ Вамъ придется опять прибѣгнуть къ моему сотрудничеству, которое я заранѣе Вамъ предлагаю. При этомъ не ставлю никакихъ условій. Я хочу лишь быть полезнымъ той, которая составляетъ счастье всей моей жизни.*

Прочитавъ это письмо, Гортензія рѣшительно прошептала:

— Я не пойду.

Своей застѣжкой она уже перестала интересоваться. Кромѣ того, передъ ней все стояла эта цифра 8 число предположенныхъ ими совмѣстныхъ приключеній. Начать это восьмое приключеніе — значило опять сблизиться съ Ренниномъ, дать ему

возможность завладеть ею.

За два дня до 5-го декабря она была в том же настроении. Накануне утром также. Но вдруг совершенно неожиданно она побѣжала в садъ, срѣзала тамъ три прута, сплела ихъ вмѣстѣ, какъ это дѣлала въ дѣтствѣ, и затѣмъ въ двѣнадцать часовъ уѣхала въ Парижъ. Ее охватило страшное любопытство. Она не могла совладать съ собою: слишкомъ было заманчиво то приключеніе, которое ей предложилъ Ренинъ!... Янтарное ожерелье... шапочка съ осенними листьями... Она покажетъ Ренину, на что она способна!

— Наконецъ,—пронеслось въ ея головѣ,—онъ меня приглашаетъ въ Парижъ. А восемь ударовъ часовъ страшны для меня не въ Парижѣ. Въдѣ, тѣ стѣнные часы, которые должны пробить восемь разъ въ часъ моего пораженія, находятся въ замкѣ Галингра.

Въ тотъ же вечеръ она прибыла въ Парижъ. Утромъ 5-го декабря она купила янтарное ожерелье и сократила его до семидесяти пяти зеренъ. Затѣмъ она одѣла синее платье и шапочку съ осенними листьями. Ровно въ четыре часа она входила въ церковь святого Викентія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—70).

Сердце ея учашенно билось. Теперь она была одна. Какъ хорошо она сейчасъ почувствовала, что значить поддержка Ренина, отъ которой отказалась! Ей даже казалось, что онъ непременно появится передъ нею. Но около кропильницы стояла лишь старая женщина вся въ черномъ.

Гортензія подошла къ ней. Женщина въ черномъ окропила ее святой водой и затѣмъ приняла считать зерна ожерелья, протянутого ей Гортензіей.

Затѣмъ она прошептала:

— Семьдесятъ пять! Вѣрно. Идемъ!

Она быстро пошла впередъ, перешла мостъ и на островъ Сен-Луи остановилась передъ стариннымъ домомъ съ желѣзнымъ балкономъ, изъѣденнымъ ржавчиной.

— Войдите, — сказала женщина, послѣ чего удалилась.

Гортензія увидѣла прекрасный магазинъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ. Черезъ большія стекла можно было замѣтить разные антикварные предметы и старинную мебель. На вывѣскѣ значились слова:

„Въ честь бога Меркурія“ и имя хозяина — „Понкарди“. На карнизѣ, выступающимъ подъ верхнимъ этажемъ, находилась маленькая ниша, въ которой стоялъ божокъ Меркурій изъ обожженной глины. Онъ стоялъ на одной ногѣ съ крыльями на пяткахъ и жезломъ въ рукѣ. Вся фигура имѣла наклонъ впередъ, такъ что казалось, она легко можетъ потерять равновѣсие и упасть на улицу.

— Войдемъ,—прошептала молодая женщина. Она открыла двери, но не взирая на стукъ и звонъ колокольчика, никто не вышелъ ей навстрѣчу. Магазинъ казался пустымъ. Но за магазиномъ находи-

лись двѣ комнаты, наполненные очень цѣнными вещами. Гортензія прошла по всему магазину и попала, наконецъ, въ заднюю комнату.

Передъ письменнымъ столомъ сидѣлъ человѣкъ, углубленный въ счетоводную книгу. Не поворачивая головы, онъ сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ... Что вамъ угодно, сударыня?

Въ этой комнатѣ находились предметы, которые придавали ей характеръ лабораторіи какого-то алхимика среднихъ вѣковъ: чучела птицъ, скелеты, черепа и т. п. По стѣнамъ висѣли всевозможные амулеты, между которыми чаще всего виднѣлись руки изъ слоеной кости и коралла съ двумя сложенными какъ бы для заклинанія пальцами.

— Вамъ что именно нужно, сударыня?—спросилъ, наконецъ, Понкарди, закрывая книгу и вставая.

— Это именно онъ, — подумала Гортензія.

У него было матово-блѣдное лицо, обрамленное сѣдой бородкой.

Подъ лысымъ и безцвѣтнымъ лбомъ свѣтились безпокойные, бѣгающіе глазки.

Гортензія, не снимая накидки и не приподнимая вуалетки, отвѣтила:

— Я ишу застежку для корсажа. — Вотъ витрина, — сказала онъ ей, подводя къ одному изъ шкафовъ.

Бросивъ бѣглый взглядъ на витрину, она проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ... это не то. Я ишу застежку, которая когда-то пропала у меня изъ моей шкапулки. Я пришла сюда за нею.

Ее изумило то впечатлѣніе, которое произвели ея слова. Лицо Понкарди выразило ужасъ.

— Я думаю, что здѣсь вы ее не найдете. Какая это застежка?

— Изъ сердолика въ филигранной оправѣ... эпохи тридцатыхъ годовъ.

— Я не понимаю... Почему вы обращаетесь ко мнѣ?

Она подняла вуалетку и сбросила накидку.

Онъ съ искаженнымъ отъ страха лицомъ отступилъ, какъ передъ привидѣніемъ и прошептала:

— Синее платье!.. Шапочка!.. Янтарное ожерелье!.. Возможно ли это?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—71).

Больше всего его, видимо, поразили хлысты. Онъ протянулъ къ ней руки, началъ шататься и, наконецъ, взмахнувъ руками подобно пловцу, который тонетъ, упалъ на стулъ и потерялъ сознание.

Гортензія не шевельнулась. Помня слова Ренина, она старалась быть хладнокровной и твердой.

Черезъ двѣ минуты Понкарди очнулся, вытеръ струившіяся по лицу поты и, стараясь овладѣть собою, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Почему вы обратились ко мнѣ?

— Потому, что эта застѣжка находится у васъ.

— Кто вамъ это сказалъ?—спросилъ онъ, не возражая противъ предъ-
ложеннаго ему обвиненія, — откуда вамъ это извѣстно?

— Я это знаю. Никто мнѣ ничего не сказалъ. Я пришла сюда съ полной увѣренностью, что моя застѣжка здѣсь и съ непреклонной волей ее унести.

— Вы меня знаете? Вамъ извѣстно мое имя?

— Я васъ не знаю. Имя ваше я узнала только сейчасъ. Вы для меня просто тотъ человѣкъ, который долженъ вернуть мнѣ мою застѣжку.

Понкарди завопилъ. Онъ ходилъ по комнатѣ быстрыми шагами, ударяя кулакомъ по встрѣчнымъ предметамъ.

Гортензія почувствовала, что она одержала надъ нимъ верхъ. Она обратилась къ нему повелительнымъ тономъ:

— Гдѣ находится моя вещь? Отдайте мнѣ ее. Я это требую.

Понкарди впалъ въ отчаяніе. Онъ сложилъ руки и сталъ бормотать что-то. Наконецъ, видимо, побѣжденный, онъ проговорилъ:

— Вы этого требуете?

— Я хочу... Это должно быть...

— Да, да... я согласенъ.

— Говорите, — бросила она еще болѣе резко.

— Говорить я не могу... Я луч-

ше напишу... Я вамъ выдамъ мой секретъ, и все для меня будетъ кончено.

Онъ вернулся къ своему письменному столу и набросалъ лихорадочно на листъ бумаги нѣсколько строкъ. Затѣмъ этотъ листъ бумаги онъ вложилъ въ конвертъ и запечаталъ.

Одновременно Понкарди приложилъ къ виску своему револьверъ, который вынулъ изъ стола, и выстрѣлилъ.

Быстрымъ движеніемъ Гортензія толкнула его подъ руку. Пуля попала въ зеркало, но Понкарди опустился со стономъ на стулъ, точно онъ раненъ.

Гортензія собрала всю силу своей воли, чтобы не потерять хладнокровія.

— Ренинъ меня предупредилъ, — подумала она, — это комедіантъ. Онъ сохранилъ письмо и револьверъ. Онъ меня не проведетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сознавала, что если вѣрнѣшимъ образомъ она оставалась спокойной, то все же эта попытка къ самоубійству и этотъ выстрѣлъ вывели ее изъ душевнаго равновѣсія. Она вдругъ почувствовала, что воля ея слабѣетъ, и человѣкъ, ползающій у ея ногъ, въ концѣ концовъ сильнѣе ея.

Въ полномъ изнеможеніи Гортензія сѣла. Какъ предсказалъ Ренинъ, дуэль продолжалась всего нѣсколько минутъ. И въ то мгновеніе, когда побѣда у нея была почти въ рукахъ, ей пришлось сдаться, такъ какъ женскіе нервы не выдержали.

Понкарди все это быстро замѣтилъ и, прекративъ свои жалобы, вскочилъ на ноги съ легкостью молодого козла, иронически воскликнулъ:

— Для нашего разговора требуется уединеніе. Не надо, чтобы какой-нибудь покупатель помѣшалъ намъ.

Съ этими словами онъ закрылъ желѣзныя ставни магазина и въ припрыжку подошелъ къ Гортензіи.

— Да, я чуть не влопался! Еще маленькое усиліе съ вашей стороны и вы могли выиграть игру. И какой же я оселъ! Мнѣ вдругъ представилось, что вы свалились на меня изъ глубины прошлаго, чтобы потребовать у меня отчета, и я чуть-чуть не сдвинулся... Эхъ, мадамъ, Гортензія, — позвольте мнѣ такъ называть васъ, такъ какъ я знаю, васъ подъ этимъ именемъ, — «нашла коса на камень», какъ говоритъ пословица.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—72).

Онъ сѣлъ около нея и грубо, съ злымъ лицомъ продолжалъ:

— А теперь открывайте свои карты. Кто состряпалъ всю эту исторію? Не вы, конечно. Вы на это неспособны. Кто же? Въ моей жизни я всегда былъ честенъ, безукоризненно честенъ... исключая одного раза... съ этой застѣжкой. Я думалъ, что это дѣло давно похоронено, а теперь оно вдругъ всплываетъ. Какимъ образомъ? Я хочу знать.

Гортензія не пыталась продолжать борьбу. Онъ подавлялъ ее своимъ мужскимъ превосходствомъ, всей силой своей злобной натуры.

— Говорите же! Я хочу знать. Если у меня есть тайный врагъ, я долженъ узнать его имя, чтобы защищаться. Кто васъ заставилъ дѣйствовать? Мой ли это конкурентъ, котораго злятъ мои успѣхи и который хочетъ воспользоваться застѣж-

кой? Говорите, чортъ возьми! Или, кланюсь...

Она вообразила себѣ, что онъ хочетъ схватить револьверъ и стала отступать, надѣясь убѣжать.

Ее не такъ пугало возможное нападеніе, какъ злобное, искаженное ненавистью лицо противника. Она вскрикнула. Вдругъ Понкарди остолбенѣлъ и, вытянувъ руки впередъ, сталъ смотрѣть на что-то поверхъ головы Гортензіи.

— Кто тамъ? Какъ вы вошли? — прохрипѣлъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Гортензія, не оборачиваясь, почувствовала, что Ренинъ явился къ ней на помощь. Дѣйствительно, изъ-за кучи старинныхъ вещей показались его тонкія силуэты, и Ренинъ спокойными шагами вышелъ на середину комнаты.

— Кто вы? — повторилъ Понкарди, — откуда вы явились?

— Сверху, — очень учтиво отвѣтилъ князь, показывая на потолокъ.

— Сверху?

— Да, я уже три мѣсяца живу въ верхнемъ этажѣ. Мнѣ слышался шумъ, звали на помощь... Вотъ и я здѣсь.

— Но какъ вы сюда вошли?

— Спустился по лѣстницѣ.

— По какой лѣстницѣ?

— По желѣзной внутренней лѣстницѣ, которая идетъ отъ моего этажа къ вамъ. Вашъ предшественникъ занималъ оба этажа. Вы же этотъ входъ забыли, а я открылъ его.

— По какому праву? Это же вторженіе въ чужое жилище!

— Подобное вторженіе позволено, когда надо притти на помощь своему ближнему.

— Кто же вы?

— Князь Ренинъ... другъ этой дамы, — отвѣтилъ онъ цѣлуя Гортензіи руку.

Понкарди пришелъ въ бѣшенство: — А, я понимаю! Это вы инициаторъ всей этой исторіи... это вы прислали сюда эту даму?!

— Именно я, господинъ Понкарди, именно я.

— Каковы же ваши намѣренія?

— Самая чистая. Никакого на-
силія. Просто маленькій разговоръ, послѣ котораго вы мнѣ отдадите то, за чѣмъ я пришелъ къ вамъ.

— Что такое?

— Вы отдадите мнѣ застѣжку

— Никогда, — запальчиво воскликнулъ антикварій.

— Не говорите такъ! Ручаюсь что отдадите.

— Нѣтъ такой силы въ мірѣ которая заставила бы меня это сдѣлать.

— Не пригласимъ ли мы судя вашу жену? Быть можетъ, она лучше оцѣнитъ положеніе вещей.

Эта идея Понкарди, видимо, понравилась, и онъ три раза нажалъ кнопку электрическаго звонка.

— Вотъ и прекрасно, — воскликнулъ Ренинъ. — Вы видите, дорогой другъ, какъ господинъ Понкарди сдѣлался вѣжливымъ! Какъ только онъ очутился въ присутствіи мужчины онъ сразу же превратился въ кроткую овцу. Но овцы тоже упрямы, и дѣло пройдетъ съ закорючками.

Въ глубинѣ магазина поднялась портьера и на порогѣ дверей, находившихся за нею, показалась женщина. Ей было лѣтъ тридцать. Онъ

была очень просто одѣта и по виду напоминала кухарку. Лицо ея казалось добродушнымъ и пріятнымъ.

Гортензія очень удивилась, когда въ этой особѣ узнала горничную, которая служила ей, когда она была дѣвушкой.

— Какъ, это вы Люси? Вы теперь госпожа Понкарди?

Вошедшая посмотрѣла на нее, узнала и, видимо, сконфузилась. Ренинъ обратился къ ней:

— Вы намъ нужны, чтобы выяснитъ дѣло, въ которомъ вы играли важную роль...

Она съ безпокойствомъ взглянула на мужа, который не спускалъ съ нея глазъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

Понкарди прошепталъ:

— Застежка... сердоликовая застежка...

Этого было достаточно. Люси упала на стулъ, не пытаясь возражать, и пробормотала:

— А! понимаю... М-ль Гортензія напала на слѣдъ... Мы погибли!

На нѣкоторое время воцарилось молчаніе. Въ самомъ началѣ борьбы и мужъ, и жена имѣли видъ побѣжденныхъ. Люси принялась пла-

кать. Ренинъ наклонился къ ней и сказалъ:

— Объяснимся. Я увѣренъ, что мы договоримся, и все кончится благополучно. Девять лѣтъ тому назадъ, когда въ провинціи вы служили у мадемуазель Гортензіи, вы познакомились съ Понкарди и сдѣлались его любовницей. Вы оба изъ Корсики, гдѣ особенно распространены разныя суевѣрія, гдѣ всякіе амулеты, заклинанія и тому подобное играютъ въ жизни громадную роль. Вотъ почему подъ вліяніемъ господина Понкарди вы похитили застежку. Это былъ тотъ талисманъ, который долженъ былъ принести вамъ счастье. Черезъ шесть мѣсяцевъ вы покинули свое мѣсто и вышли замужъ за Понкарди. Вотъ въ двухъ словахъ вся ваша исторія. Оставаясь въ обществѣ честными людьми, вы не въ силахъ были устоять передъ искушеніемъ.

Нечего рассказывать вамъ, какъ, владея талисманомъ и вѣря въ его дѣйствіе, вы среди антикваровъ въ скоромъ времени стали въ первыхъ рядахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—73).

Вы считаете, что магазинъ вашъ „Въ честь бога Меркурія“ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ упомянутой застежкѣ. Вы полагаете, что съ потерей застежки рухнетъ ваше благосостояніе. Въ ней вся ваша надежда, это вашъ фетишъ. Она — вашъ ангель-хранитель. И эта застежка запрятана здѣсь. Никто ничего не подозревалъ бы, еслибъ случай не заставилъ меня заняться вашими дѣлами.

Ренинъ остановился на нѣсколькихъ секундахъ и затѣмъ продолжалъ:

— Я уже два мѣсяца ишу здѣсь эту застежку, но ея еще не нашель. А я основательно перерылъ весь вашъ магазинъ! И ничего! Впрочемъ, виновать, въ одной изъ шкапулокъ, Понкарди, я нашель вашъ дневникъ, гдѣ вы рассказываете о своихъ угрозахъ совѣсти, о вашемъ безпокойствѣ, о страхѣ, передъ карой

Божьей. Какая неосторожность! Развѣ подобныя признанія записываютъ! Вотъ что вы, между прочимъ, пишете въ этомъ дневникѣ:

— „Пусть явится ко мнѣ та, которую я обездолилъ... Пусть она придетъ сюда въ такомъ видѣ, какъ я видѣлъ ее въ ея саду, когда Люси похищала у нея застежку. Пусть явится она мнѣ въ синемъ платьѣ, съ шапочкой съ осенними листьями, съ янтарнымъ ожерельемъ и хлыстомъ изъ трехъ переплетенныхъ прутьевъ, который она держала въ рукѣ въ тотъ день. Пусть она такъ явится и скажетъ: — „отдайте мнѣ то, что мнѣ принадлежитъ!“ Если это случится, то я пойму, что Господь вдохновилъ ее, и она лишь исполняетъ волю Провидѣнія.“

Вотъ, Понкарди, что вы внесли въ свой дневникъ и почему та, которую вы называете мадемуазель

Гортензіей, пришла къ вамъ. Сохрани она до конца полное хладнокровіе, и ея игра была бы выиграна. Вы это знаете! Къ несчастью, вы отличный актеръ. Ваша симуляція попытки къ самоубійству вывела ее изъ душевнаго равновѣсія. Вамъ сдѣлалось ясно, что она послана къ вамъ не волей Провидѣнія, просто ваша старая жертва такимъ путемъ хочетъ вернуть вамъ похищенное. Мнѣ, слѣдовательно, нужно было вмѣшаться въ это дѣло. Итакъ, Понкарди, отдайте застежку.

— Нѣтъ, — энергично возразилъ антикваріи.

— А вы, госпожа Понкарди?

— Я не знаю, гдѣ застежка находится.

— Прекрасно! Перейдемъ къ дѣйствіямъ. У васъ, госпожа Понкарди, семилѣтній сынъ, котораго вы любите всѣми силами своей души. Сегодня онъ долженъ одинъ вернуться отъ тетки домой, какъ это происходитъ каждый четвергъ. Два моихъ пріятели, если я не отниму своего приказанія, должны его похитить.

— Умоляю, — стала просить Люси, — только не это! Клянусь, что я

ничего не знаю. Мой мужъ этотъ тайны мнѣ не довѣрилъ.

Ренинъ продолжалъ:

— Во вторыхъ, сегодня же нѣмъ прокурора будетъ принесена жалоба. Доказательствомъ будетъ служить вашъ дневникъ. Послѣдствіе: предварительное слѣдствіе, обыски, арестъ и т. д.

Понкарди молчалъ. Казалось, что всѣ эти угрозы на него не дѣйствовали. Находясь подъ охраной фетиша, онъ, видимо, считалъ себя неуязвимымъ. Его жена бросилась къ ногамъ Ренина и стала несвязно лепетать:

— Нѣтъ, нѣтъ... Умоляю васъ... Я не хочу въ тюрьму... А мой сынъ!.. О, я васъ прошу!..

Гортензія была такъ растрогана, что отвела Ренина въ сторону и сказала ему:

— Бѣдная женщина! Я прошу васъ за нее.

— Успокойтесь, — отвѣтилъ онъ съ улыбкой, — ничего ровню съ ея сынкомъ не случится.

— Но ваши друзья, которые подстерегаютъ его?..

— Я это выдумалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-74).

— Жалоба прокурору?
— Только угроза.
— Что же вамъ надо?
— Мнѣ надо ихъ перепугать, вывести изъ душевнаго равновѣсія, заставить проговориться. Мы все перепробовали. Остается послѣднее средство. Оно, вспомните, почти всегда приводило насъ къ цѣли.
— Но если этой цѣли вы не достигнете?
— Она должна быть достигнута, — сказала Ренинъ глухимъ голосомъ. — Дѣло должно быть кончено. Часть приближается.
Ихъ глаза встрѣтились, и молодая женщина покраснѣла до корней волосъ, думая о его намекѣ: въ восемь часовъ ровно должна была наступить расплата.
— Вотъ чѣмъ вы рискуете, — обратился Ренинъ къ чегѣ Понкарди, — вы потеряете своего ребенка,

а сами попадете въ тюрьму. А вотъ мое предложеніе: отдайте мнѣ застѣжку, и я вамъ немедленно уплачу двадцать тысячъ франковъ. Она не стоитъ и ста франковъ.

Отвѣта не послѣдовало. Госпожа Понкарди плакала.

Ренинъ продолжалъ, дѣлая паузы между своими предложеніями:

— Я удваиваю... Я утраиваю... Однако, вы требовательны, Понкарди!.. Вы хотите, значитъ, получить кругленькую сумму? Ладно? Сто тысячъ!*

Онъ протянулъ впередъ руку, точно не сомнѣваясь въ томъ, что получитъ застѣжку.

Госпожа Понкарди первая сдалась и съ бѣшенствомъ набросилась на мужа:

— Сознайся, наконецъ!.. Говори!.. Куда ты ее запряталъ?.. Не будешь ли ты дальше упрямиться? Вѣдь ты разоришь насъ, опозоришь!.. А нашъ

сынъ!.. Говори же!

Гортензія прошептала:

— Ренинъ, это же безуміе; застѣжка не имѣетъ никакой цѣнности.

— Не бойтесь! На мое предложеніе онъ никогда не согласится... Взгляните на него: какъ онъ возбужденъ, какъ онъ волнуется! Это именно то, къ чему я стремился. Этихъ людей надо довести до бѣлаго каленія. Они должны потерять способность контролировать свои слова и свои дѣйствія... И въ этотъ моментъ неосторожное слово, какой-нибудь жестъ выдастъ ихъ мнѣ. Взгляните на него: Онъ потерялъ голову. Подумать только — сто тысячъ франковъ за какой-то камешекъ, или же тюрьма!..

Понкарди совершенно обезумѣлъ, лицо его было мертвенно-блѣдно, въ углахъ рта показались пѣна. Видно было, что онъ пережилъ страшную внутреннюю борьбу. Его природная жадность находилась въ борьбѣ съ присущимъ ему суетворіемъ. Вдругъ онъ не выдержалъ и разразился рядомъ несвязныхъ, порой бессознательныхъ фразъ:

— Сто тысячъ! Двѣсти тысячъ! Пятьсотъ тысячъ!.. Милліоны! На-

плевать мнѣ на деньги! Милліоны исчезаютъ, улетучиваются, растрачиваются. Одно въ жизни важно: за вась судьба или противъ вась! Въ этомъ вся суть. И вотъ судьба мнѣ благоприятствуетъ уже девять лѣтъ. За это время она ни разу мнѣ не измѣнила, удача всегда была на моей сторонѣ. Вы же хотите, чтобы я продалъ вамъ свое счастье. Чего ради? Вы грозите мнѣ тюрьмой, обѣщаете похитить сына!.. Все это глупости! Со мной ничего не можетъ случиться до тѣхъ поръ, пока судьба будетъ на моей сторонѣ. Сейчас она мой другъ и мой слуга... И эта судьба, это мое вѣчное счастье, постоянная удача связана съ застѣжкой. Я не знаю, почему! Но есть камни, обладающіе волшебнымъ свойствомъ. Этимъ свойствомъ, очевидно, обладаетъ сердечниковая застѣжка.

Ренинъ не спускалъ съ него глазъ и внимательно вслушивался въ каждое его слово, въ малѣйшія интонаціи его голоса. Теперь антикварій хохоталъ и наступалъ на князя. Онъ, видимо, сознавалъ свою силу, свое превосходство, и упрямство его росло.

(Продолжение слѣдуетъ).

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-75).

— Милліоны? Но мнѣ эти милліоны не нужны. Камешекъ, который я владѣю, стоитъ больше всѣхъ милліоновъ въ мірѣ. Не напрасно вы такъ стараетесь овладѣть имъ. Вѣдь вы уже мѣсяцы ищите его, какъ сами сознались. Вы у меня перерыли весь магазинъ, а я даже не защищался и ничего не подозревалъ. Зачѣмъ защищаться? Вещица сама защищалась... Она не хочетъ, чтобы вы ее нашли и вы ее не найдете. Ей здѣсь у меня хорошо. Она—мое счастье, моя добрая фея. Всѣ знаютъ, что мнѣ во всемъ везетъ. Я даже избралъ своимъ патрономъ бога Меркурія, бога удачъ, бога торговаго счастья... Онъ также мнѣ покровительствуетъ... И въ магазинѣ у меня вездѣ поставлены изображенія Меркурія. Посмотрите на эту полку: тамъ ихъ цѣлая коллекція; такіе-же, какъ и

на моей вывѣскѣ. Я купилъ этихъ божковъ у знаменитаго скульптора, который разорился. Одного изъ нихъ я могу вамъ подарить. Этотъ Меркурій вамъ также принесетъ счастье. Мой подарокъ вознаграждаетъ васъ за вашу неудачу. Идетъ?

Онъ взобрался по лѣстницѣ вверхъ, схватилъ съ полки статуэтку и отдалъ ее Ренину.

— Bravo! Онъ принимаетъ! — со смѣхомъ воскликнулъ Понкарди, довольный, что противникъ его, видимо, сдался, — если же онъ принимаетъ, то, значитъ, все улажено. Вашъ сынъ, госпожа Понкарди, вернется. Не мучьте себя. До свиданія, сударь. Заходите, не забывая! Я всегда къ вашимъ услугамъ. Унесите свой подарокъ... пусть Меркурій поможетъ вамъ... До свиданія, дорогой князь!.. Всего, всего наилучшаго!

Онъ постепенно выпроваживалъ обонхъ посѣтителей изъ магазина, направляя ихъ къ дверямъ, которыя вели въ верхній этажъ.

Самое странное было то, что Ренинъ не протестовалъ. Онъ ни минуты не сопротивлялся. Онъ ушелъ, какъ мальчикъ, которого наказали и выставили за дверь.

Съ того времени, когда онъ сдѣлалъ свое предложеніе Понкарди, и до того момента, когда Понкарди выпроводилъ его изъ магазина съ статуэткой въ рукахъ, не прошло и пяти минутъ.

Столовая Ренина выходила на улицу. Обѣденный столъ былъ накрытъ на два прибора.

— Простите мнѣ всѣ эти приготовления, — сказала Ренинъ Гортензію, открывая ей двери въ гостиную. — Я рѣшилъ, что вы согласитесь въ заключеніе этого полнаго событія дня отобѣдать со мною. Не отказывайте мнѣ въ этой милости, которая завершитъ мое послѣднее съ вами приключеніе.

Гортензія не возражала. Почему ей было не принять это приглашеніе: вѣдь условія заключеннаго ими договора выполнены не были?

Ренинъ на минуту вышелъ, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія, а затѣмъ вернулся и дровель Гортензію въ столовую. Часы въ это время показывали нѣсколько больше семи.

Столъ былъ украшенъ рѣдкими цвѣтами. Въ центрѣ его стояла статуэтка Меркурія, подарокъ Понкарди.

— Пусть богъ удачъ председательствуетъ за нашимъ столомъ.

Князь находился въ очень веселомъ настроеніи и шутилъ.

— Ахъ, — воскликнулъ онъ, — какая же вы упрямая! Вы перестали меня принимать!.. Вы мнѣ не писали даже... Право, дорогой другъ, вы поступили со мной пренебрежительно и заставили меня глубоко страдать. И мнѣ пришлось пустить въ ходъ тяжелую артиллерию: подѣйствовать на ваше воображеніе перспективой совершенно необычайнаго приключенія, возбудить ваше женское любопытство. Согласитесь, что мое письмо было ловко составлено... Три прута... синее платье... Какъ тутъ устоять?

(Продолжение слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—76)

А тут я еще добавилъ нѣско-
ко загадокъ: ожерелье изъ янтаря...
старушка въ церкви... Не сердитесь!
Я хотѣлъ васъ непременно видѣть
и именно сегодня. Вы пришли. Спа-
сибо!

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ на-
шелъ похитителей застѣжки.

— Вы, конечно, надѣялись, ставя
мнѣ это условіе, что я никогда его
не выполню. И ошиблись, дорогой
другъ! Дѣло совсѣмъ не было такъ
сложно, если принять во вниманіе,
что застѣжка имѣла славу талисма-
на. Надо было узнать, кто изъ ва-
шей прислуги отличался суевѣріемъ.
Мнѣ удалось быстро установить, что
у васъ служила горничная Люси изъ
Корсики. Это обстоятельство яви-
лось исходнымъ пунктомъ для мо-
ихъ дальнѣйшихъ розысковъ.

Гортензія смотрѣла на князя съ
удивленіемъ. Какъ онъ легко ми-
рился съ своимъ пораженьемъ! Онъ
говорилъ съ видомъ побѣдителя,
когда, въ дѣйствительности, былъ
разбитъ на голову антикваріемъ и
поставленъ имъ даже въ смѣшное
положеніе.

Она это дала ему почувствовать,
а въ тонѣ ея голоса можно было
найти нотку разочарованія.

— Допустимъ, что вы все это
распутали, но въ концѣ концовъ
вамъ не удалось вернуть мнѣ укра-
денное.

Упрекъ былъ ясенъ. Ренингъ не
пріучилъ ее къ пораженіямъ. Ее,
кромѣ того, сердилъ та безпечность,
съ которой онъ встрѣтилъ круше-
ние своихъ завѣтныхъ надеждъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ
наполнилъ два бокала виномъ и
одинъ изъ бокаловъ приложилъ къ
губамъ, пристально смотря на ста-
туэтку Меркурія. Затѣмъ онъ весе-
ло повернулъ божка.

— Какая дивная вещь—гармо-
ничная линія. Меня всегда меньше
чаруютъ цвѣтъ, краски, нежели про-
порція, форма, красота линій. Я,
напримѣръ, дорогой другъ, люблю
цвѣтъ вашихъ васильковыхъ глазъ,
золото вашихъ волосъ, но, вѣрите,
меня еще больше восхищаютъ овалъ
вашего лица, линія вашего затылка
и форма вашихъ плечъ. Взгляните
на эту статутку. Понкарди правъ:
ее сдѣлалъ большой мастеръ. Какъ

хороши ноги, мускулистыя и тонкія
въ то же время. Вся фигура прои-
водитъ впечатлѣніе порыва и ско-
рости. Все это дивно... Есть одна,
впрочемъ, маленькая ошибка, кото-
рую, быть можетъ, вы не замѣтили?

— Напротивъ,—отозвалась Гор-
тензія.—Эту ошибку я замѣтила,
когда разсматривала вывѣску. Вы,
вѣроятно, хотите сказать, что въ
статуэткѣ замѣчается нѣкоторое от-
сутствіе равновѣсія? Божокъ слиш-
комъ наклонился впередъ. Кажется,
что онъ упадетъ.

— Браво! Совершенно вѣрно.
Эта неправильность почти незамѣт-
на, надо имѣть опытный глазъ, что-
бы ее усмотрѣть. Логично разсуж-
дая, божокъ долженъ упасть лицомъ
впередъ.

Послѣ короткой паузы онъ про-
должалъ:

— Я замѣтилъ этотъ недоста-
токъ въ первый же день. Меня,
признаюсь, поразила эта особен-
ность съ точки зрѣнія эстетической!
Между тѣмъ, я удивляюсь, что не
обратилъ вниманія на другое обсто-
ятельство: законы тяжести нарушены
быть не могутъ...

— Что вы хотите сказать? — съ
живымъ интересомъ спросила Гор-
тензія.

— Ничего особеннаго. Я удивля-
юсь только тому, что сразу же не
сообразилъ, почему Меркурій не

падаетъ впередъ лицомъ внизъ, со-
гласно физическимъ законамъ.

— Причина?

— Причина? Полагаю, что Пон-
карди, обрабатывая статутку, что-
бы приспособить ее къ своимъ цѣ-
лямъ, нарушилъ ея равновѣсіе. Это
равновѣсіе, однако, опять восстано-
вилось благодаря тому, что явилось
новое обстоятельство.

— Какое?

— Дѣло въ томъ, что статутка
не была прикрѣплена въ нишѣ. Я
видѣлъ, что Понкарди каждые два-
три дня бралъ ее въ руки и чи-
стилъ. Значитъ, остается единствен-
ная гипотеза: противовѣсъ.

Гортензія вздрогнула. Она нача-
ла понимать.

— Противовѣсъ!.. Вы полагаете,
что этотъ противовѣсъ находится
въ пьедесталѣ?..

— Именно!

— Возможно-ли это? Но какъ
могъ въ такомъ случаѣ Понкарди
вамъ отдать статутку?..

— Онъ далъ мнѣ не эту стату-
тку,—объявилъ Ренингъ,—эту стату-
тку я самъ у него взялъ.

— Но гдѣ? Но когда?

— Только-что, когда вы находи-
лись въ гостиной. Я черезъ свое ок-
но добрался до ниши, гдѣ стояла
статутка, и одного бога замѣнилъ
другимъ.

(Продолжение слѣдуетъ).

№ 4. ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—77)

— Но вѣдь тотъ Меркурій, кото-
рый вамъ далъ Понкарди, впе-
редъ не наклоненъ?

— Нѣтъ, какъ и всѣ остальные
статутки находящіяся въ магазинѣ.
Но Понкарди не артистъ и ничего
не замѣтитъ. Онъ будетъ продол-
жать думать, что владѣть талисма-
номъ. Если хотите, я разрушу пье-
десталъ этой статутки, и мы вы-
немъ вашу застѣжку, которая залита
оловомъ. Это олово и удерживаетъ
божка въ состояніи равновѣсія.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не надо!.. про-
шептала Гортензія.

Ловкость Ренинга, его проница-
тельность, способность разбираться
въ самыхъ сложныхъ вещахъ въ
эту минуту ее какъ-будто не зани-
мали. Она думала о томъ, что вось-
мое приключеніе ихъ доведено до
благополучнаго конца, что прибли-
жается часъ расплаты, что онъ по-
бѣдитъ.

— Три четверти восьмого,—за-
мѣтилъ Ренингъ.

Въ комнатѣ воцарилось тягост-
ное молчаніе. Обомъ стало неловко.
Они боялись шевельнуться. Ренингъ
попытался шутить:

— Молодчина этотъ Понкарди!
Я былъ увѣренъ, что, возбуждая

его и сердца, я въ концѣ концовъ
заставлю его проговориться. Той
искры, которая освѣтила мнѣ все
дѣло, было сопоставленіе, которое
сдѣлалъ Понкарди, между сердоли-
ковой застѣжкой и богомъ Мерку-
ріемъ, сказавъ, что и то, и другое
приноситъ счастье. Я понялъ, что
онъ соединилъ одно съ другимъ,—
застѣжку съ Меркуріемъ, то есть,
соединилъ воедино два талисмана.
Тогда я подумалъ о Меркуріи въ
нашихъ подъ вывѣской!..

Ренингъ внезапно прервалъ свою
рѣчь. Онъ замѣтилъ, что его не
слушали. Молодая женщина закрыла
глаза руками и, видимо, мыслями
была далеко.

Сейчасъ она думала о тѣхъ при-
ключеніяхъ, которыя они совмѣстно
пережили въ теченіе послѣднихъ
трехъ мѣсяцевъ, и о поведеніи это-
го удивительнаго человѣка, предло-
жившаго ей свою любовь. Она
вспоминала о совершенныхъ имъ,
точно въ волшебной сказкѣ, подви-
гахъ, о томъ добрѣ, которое онъ
сдѣлалъ, о спасенныхъ имъ жизняхъ,
о наказанныхъ преступленіяхъ и о
восстановленіи порядка вездѣ, гдѣ
проявлялся его желѣзная воля. Не-
возможнаго для него не существова-
вало. То, что онъ начиналъ, онъ

доводилъ до конца, всегда достигая
своей цѣли. И всѣ онъ дѣлалъ спо-
койно, хладнокровно, чувствуя свою
силу, понимая, что ничто не можетъ
противостоять ему. Передъ нимъ
она была безпомощной. Какъ защи-
щаться и зачѣмъ защищаться? Онъ
вѣдь всегда побѣдитъ ее, всегда
подчинитъ ее своей волѣ. Даже ес-
ли она попыталась бы убѣжать ку-
да-нибудь, развѣ онъ не отыщетъ
ея, развѣ она найдетъ въ цѣломъ
свѣтѣ мѣсто, гдѣ онъ не обнару-
жилъ бы ея? Съ самаго перваго мо-
мента ихъ встрѣчи было предопре-
дѣлено, что Ренингъ завладѣетъ ею,
такъ какъ онъ рѣшилъ это сдѣлать,
такъ какъ онъ поставилъ себѣ эту
цѣль.

Все же она не сдавалась и иска-
ла предлоговъ, чтобы уклониться
отъ выполненія договора. Она утѣ-
шала себя тѣмъ, что, хотя восемь
приключеній они совмѣстно пере-
жили и онъ вернулъ ей сердолико-
вую застѣжку, но, согласно условію,
въ послѣднюю минуту должны были
пробыть стѣнные часы замка Галин-
гра. Вѣдь Ренингъ сказалъ три мѣся-
ца тому назадъ, глядя на губы, къ
которымъ стремились его уста, слѣ-
дующее:

— Старый мѣдный маятникъ
опять придетъ въ движеніе, и въ
тотъ моментъ, когда въ назначен-
ный срокъ опять пробьютъ восемь
разъ, тогда...

Она подняла голову. Онъ не ше-
велился и спокойно, съ непроницае-
мымъ лицомъ ждалъ.

Гортензія приготовилась сказать
ему слѣдующее:

— Вы вѣдь знаете... Мы услови-
лись, что должны пробить часы Га-
лингра. Всѣ условія выполнены,
исключая этого: Значитъ, я свобод-
на? Не такъ ли? Я...

Ходъ ея мыслей былъ внезапно
прерванъ... Сзади послышалось ши-
пѣнье стѣнныхъ часовъ, собираю-
щихся бить.

Раздался первый ударъ, затѣмъ
второй... третій. У Гортензіи вырвал-
ся стонъ. Она сразу узнала звонъ
старинныхъ стѣнныхъ часовъ Га-
лингра, которые три мѣсяца тому
назадъ такъ неожиданно вдругъ
пошли въ заброшенномъ замкѣ.

Она стала считать. Часы проби-
ли восемь разъ.

— А!—прошептала она въ со-
стояніи полного смятенія, закрывая
лицо руками... Это бьютъ тѣ часы...
я узнала ихъ бой!..

Водворилось молчаніе. Она уга-
дывала, что Ренингъ смотритъ на нее.
Этотъ взглядъ лишилъ ее послѣд-
ней силы. Впрочемъ, ей больше
не хотѣлось сопротивляться, она чув-
ствовала себя побѣжденной. Ихъ
совмѣстныя приключенія кончились.
Но впереди оставалось еще главное,
важнѣйшее приключеніе. Они долж-
ны были совмѣстно пережить лю-
бовное приключеніе, самое сладкое,
самое интересное и волнующее изъ
всѣхъ приключеній. И она подчини-
лась судьбѣ своей и была счастли-
ва, невзирая на свое пораженіе,
такъ какъ любила.

(Продолжение слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-79)

Часть послѣдняя.

ГЛАВА XI.

Табакерка императора Нерона.

— Знаешь-ли Чарли, — Лондонъ становится, положительно, скучнымъ, — уронилъ князь Ренинъ, только что закончившій ужинъ въ обществѣ своего друга Чарли Бранда. Бесѣда друзей была прервана появленіемъ стараго камердинера князя, передаващаго визитную карточку.

— Господинъ этотъ желалъ-бы сегодня-же быть принятымъ вашей свѣтлостью.

— Странное время для дѣловаго визита! — замѣтилъ Ренинъ, прочитавъ отпечатанное на толстомъ англійскомъ картонѣ: Ома Баррингъ,

антикваріи, — что ему нужно.. попросите господина Барринга, — присовокупилъ онъ, обратясь къ камердинеру.

— Слушаюсь, ваша свѣтлость. Спустя нѣсколько секундъ въ кабинетъ быстрой, сѣменящей походкой вошелъ антикваріи Баррингъ, челоуѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ рѣзко очерченной птичьей физиономіей.

— Простите, лордъ Варингтонъ, — заговорилъ онъ, — что беспокою въ столь поздній часъ... надѣясь встрѣтить васъ въ клубѣ, гдѣ я прождалъ васъ напрасно...

Князь Ренинъ бывалъ въ фешенебельномъ лондонскомъ клубѣ „Ситизенъ“ подлѣ именемъ лорда Варингтона. Никто, конечно, и не подозревалъ, что эlegantный, изящный лордъ Варингтонъ и князь Ренинъ — одно и то же лицо.

— Да, — протянулъ Ренинъ, — вы,

дѣйствительно, избрали часъ нѣсколько странный для дѣловаго визита.

— Простите, — снова повторилъ антикваріи, — отъ одного изъ членовъ посѣщаемого вами клуба я слышалъ, что вы — любитель рѣдкостей... въ то же время до свѣдѣнія моего дошло, что вы завтра собираетесь выѣхать изъ Лондона... Вотъ въ силу этихъ обстоятельствъ я взялъ на себя смѣлость пріѣхать къ вамъ столь поздно, желая дать вамъ возможность пріобрѣсти дивную золотую табакерку временъ знаменитаго римскаго императора Нерона.

Лица Сергія Ренина и Чарли выразили изумленіе, достигшее кульминаціоннаго пункта. Лордъ терялся въ догадкахъ: что болѣе возмутительно — наглость ли антикваріи, предлагавшаго ему табакерку императора Нерона, или же глупость этого челоуѣка, допустившаго, что онъ повѣритъ такой безсмыслицѣ.

Немного времени требовалось ему, чтобы рѣшить: спустить-ли непрощеннаго посѣтителя съ лѣстницы, или-же придумать способъ наказать его, прикинувшись легковѣрнымъ

дурачкомъ — онъ рѣшился на послѣднее.

— Ахъ, это крайне интересно, — сказалъ онъ, позволяте взглянуть! Вытащивъ изъ кармана маленькую бѣленькую коробочку, антикваріи бережно снялъ съ нея крышку, развернулъ тонкую шелковистую бумагу и протянулъ Ренину массивный золотой портсигаръ съ выведеннымъ на немъ рубинами и изумрудами именемъ „Неронъ“.

— Жаль, мистеръ Баррингъ, — сказалъ послѣ продолжительнаго молчанія князь, — что здѣсь нѣтъ имени ювелира или фирмы, изготовившихъ эту вещицу!

— Судя по работѣ, — нашелся антикваріи, надо думать, что портсигаръ этотъ выпущенъ изъ мастерской придворнаго ювелира одного изъ персидскихъ королей... съ другой стороны, можно допустить и то, что это — египетская работа, и Рамзесъ, великій египетскій царь, подарилъ эту бездѣлушку императору Нерону.

Совершенно серьезно и внимательно внимавшій ему Ренинъ тепло жгательно не зналъ: разсмѣяться-ли ему или обругать изобрѣтательнаго

коммерсанта, тогда какъ Чарли Брандъ безапелляціонно рѣшилъ, что антикваріи, очевидно, внезапно помѣшался.

Нельзя-же было допустить, чтобы табакерка императора Нерона была-бы реальной дѣйствительностью, еще невѣроятнѣе была совсѣмъ ужъ нелѣпая легенда о томъ, что король Рамзесъ подарилъ табакерку Нерону, хотя-бы въ силу того, что первый жилъ за нѣсколько тысячелѣтій до втораго.

Князь Ренинъ, однако, ни словомъ, ни движеніемъ не выдалъ своихъ мыслей.

— Табакерка прекрасна, но, боюсь, что цѣна ей будетъ мнѣ не по карману.

— Позвольте, — поспѣшно отвѣтилъ мистеръ Баррингъ, — можно смѣло сказать, что за такую рѣдкость никакая цѣнность не будетъ слишкомъ высока. Нѣтъ, вы подумайте лишь, какая это реликвія... до сего времени ни однимъ историкомъ не былъ упомянутъ фактъ, что Неронъ курилъ сигареты... и все это подтверждается найденной табакеркой.

— Слушайте, — неудержался Ренинъ, — вѣдь надо обладать не только пылкимъ, но безумно-дикимъ воображеніемъ, чтобы допустить такую мысль, что вещь эта, изготовленная въ одной изъ лондонскихъ мастерскихъ, принадлежала-бы императору Нерону.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ!

Въ виду скорого окончанія романа „Подъ плащомъ сатаны“, издательство газеты

Старый Нарвскій Листокъ

проситъ уважаемыхъ читателей комплектовать всѣ отрѣзные купоны для участія въ розыгрышѣ бесплатной преміи — швейной машины „Зингеръ“.

Недостающіе номера купоновъ можно получить въ конторѣ газеты: Вышгородская, (противъ Эсти-банка).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—59).

— Почему же? — удивился антикварій, — вѣдь вы же сами видите рубиновое и изумрудное изображеніе имени Нерона на верхней доскѣ табакерки... что жъ, я знаю, принеси вамъ пеленки, въ котовой былъ завернуть турецкій пророкъ Магометъ, то вы тоже заявили-бъ, что я приобрѣлъ ихъ въ одномъ изъ лондонскихъ магазиновъ... а такія, между тѣмъ, у меня, дѣйствительно, имѣются въ наличности...

— Прекрасно, — замѣтилъ Ренингъ, — значитъ вы утверждаете, что и имѣющиеся у васъ пеленки подлинныя?

— Ну, разумѣется, — отвѣтилъ мистеръ Баррингъ, — представьте себя, что сохранилось даже вышитое золотомъ посреди пеленки имя пророка.

— Скажите, пожалуйста, — задумчиво, съ разстановкою заговорилъ Ренингъ, — помните-ли вы, что Іакову силась лѣстница, ведущая прямо на небо... могли-ли вы добыть мнѣ

хоть одну лишь ступень этой лѣстницы?

— О, ничего нѣтъ легче этого, — подхватилъ антикварій, — повѣрьте, что я исполнялъ болѣе сложныя порученія! Если существовала самая лѣстница, то найдется хоть одна ступень отъ нея... я поищу... моя специальность требуетъ извѣстной изворотливости и безусловной энергіи и предприимчивости.

— Если-бы я до сего времени и не довѣрялъ вамъ, то послѣ предложенныхъ вами мнѣ табакерки императора Нерона и пеленокъ пророка я считаю, что для васъ невозможно — возможно... Портсигаръ этотъ меня не привлекаетъ, а потому я его не намѣреваюсь приобрести... я никогда не былъ почитателемъ императора Нерона. Оказать вамъ услугу, я, однако, не прочь. Скажите, слышали-ли вы что-либо о мистерѣ Симсонѣ, фабрикантѣ изъ Ковъ и печеній?

— Какъ-же, отвѣтилъ антикварій, — онъ, вѣдь, кажется, поставщикъ

высочайшаго двора?

— Да, — продолжалъ Ренингъ, — у человека этого имѣется возлюбленная, по имени Бэтси, жительствовавшая близъ Гайдъ-парка... вотъ вамъ, кстати, и адресъ ея. Не говорите ей, что я направилъ васъ къ ней, а отвезите ей портсигаръ съ просьбой предложить его своему возлюбленному, фабриканту.

— А вы полагаете, что онъ купитъ такую вещь? — осведомился торгашъ, сопровождая слова своими рысими, туповатымъ взглядомъ.

— Безусловно, — отвѣтилъ Ренингъ, — господина этого я знаю очень хорошо, кромѣ табакерки онъ купитъ у васъ все — до ступени Іаковой лѣстницы включительно. Нужно вамъ сказать, что онъ какъ разъ такой оселъ, какими вы считали меня.

— Извините, — смутился Баррингъ, — я ни минуты не считалъ васъ осломъ... я лишь полагалъ, что вы любитель художественныхъ древностей... но въ виду того, что вы со мною бесѣдуете столь откровенно, я не могу не признаться, что всѣ античныя вещи античнымъ постольку, поскольку это угодно нашему воображенію.

— Это вѣрно, — расхохотался князь, — давайте, примемся за дѣло сообща... у меня въ Лондонѣ цѣлый ассортиментъ тупоумныхъ эзиковъ, которыхъ вамъ не трудно

будетъ увѣрить, что у васъ имѣется для продажи седедка, подлинная седедка, которую ѣли Адамъ и Ева въ раю... а теперь, сохвѣтую вамъ, не теряя времени, отправитесь по полученному вами отъ меня адресу.

— Сколько процентовъ требуете вы за рекомендацію, лордъ Баррингтонъ? — спросилъ мистеръ Баррингъ.

— Нисколько, — отвѣтилъ Ренингъ, — дальнѣйшія дѣла наши пойдутъ у насъ на половинныхъ началахъ.

Разсыпавшись въ благодарности, антикварій удалился.

— Знаешь-ли, Чарли, — весело разсмѣялся Ренингъ, — это будетъ прелестнѣйшая изъ всѣхъ выдуманныхъ мною шутокъ! Что касается возлюбленной мистера Симсона, то это наша общая знакомая, такъ называемая „чернышка Бэтси“, которой удалось „со дня“ подняться на высшую ступень благополучія, ставъ возлюбленной миллионера-фабриканта... я намѣреваюсь раздѣлить эту змѣю, при помощи портсигара императора Нерона... а теперь, — приговорила Ренингъ, — соберайся, я намѣреваюсь этой ночью посѣтить мистера Барринга.

Спустя нѣсколько минутъ они, одѣтые въ сѣрые непроходимые пальто, съ надвинутыми на глаза капшонами, покинули особнякъ лорда Баррингтона-Ренинга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—59).

ГЛАВА XII.

Визитъ антикварію.

Дойдя до магазина древностей мистера Барринга, помѣщавшагося на Эсексовской улицѣ, Сергій Ренингъ и Чарли Брандъ остановились предъ защищеннымъ проволокою сѣтью окномъ, на которомъ видѣлись всевозможныя драгоценности, золотыя и эмалевыя вещи, рѣдкія гравюры, старинный фарфоръ, парча, тогда какъ въ глубинѣ видѣлись крайне рѣдкія картины старинной голландской школы.

Открывъ при помощи имѣвшихся у него отмычекъ дверь, онъ вошелъ, сопровождаемый Чарли Брандомъ, въ смежную съ магазиномъ комнату и замеръ на порогѣ: комната была ярко освѣщена, посреди нея высился мольбертъ съ почти законченной картиной на немъ, а предъ мольбертомъ сидѣлъ, сильно углубившись въ работу, творецъ ея — художникъ.

Чарли Брандъ застылъ въ ужасѣ, тогда какъ всегда находчивый и имѣвшій способность все схватыва-

ть на лету, Ренингъ быстро смекнулъ сущность дѣла.

— Художникъ спитъ, — прошепталъ онъ, обратясь Бранду, — не шуми... тогда все обойдется какъ нельзя лучше.

— Осторожно, неслышными шагами, подошелъ онъ къ спящему художнику и залюбовался почти законченнымъ произведеніемъ его — это была дивная, поразительная по отдѣлкѣ малѣйшихъ деталей, копія съ „Рембрандта“, и даже не копія, а, вѣрнѣе, имитация, поддѣлка его, т. е. въ правомъ углу картины значилась не менѣе художественно поддѣланная подпись „Рембрандтъ“.

— Я знаю, что здѣсь царство поддѣлокъ, — прошепталъ Ренингъ, — чтобы вывѣдать всѣ тайны этого Барринга, я тотчасъ-же познакомлюсь съ художникомъ, для чего придется прежде всего разбудить его.

— Ради Бога, — возмолвилъ Чарли Брандъ, — оставь его въ покоѣ... вѣдь трудно предугадать, какія отъ этого дѣла насъ могутъ произойти осложненія.

— Брось! — тихо разсмѣялся Ренингъ, — я не боюсь ихъ, — и прежде чѣмъ спутникъ его успѣлъ удержатъ его, онъ потрясъ спящаго за плечо.

— Кто вы, сударь? — испуганно пробормоталъ художникъ, порывисто вскочивъ съ мѣста.

— Успокойтесь прежде всего, — сказалъ Ренингъ, — мы не убійцы, ни вообще злоумышленники... наоборотъ! Я вижу написанную вами славную картину... лучшей не написалъ бы и самъ Рембрандтъ! Вы — гений!

Лицо молодого художника зардѣлось отъ радости.

— Что толку въ моемъ искусствѣ, — сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой, — если я не въ состояніи прокормить себя?

— Какъ? — удивился Ренингъ, — вы зарабатываете такъ мало? Человека, одареннаго такимъ талантомъ, долженъ быть богачемъ.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ художникъ, и глаза его мрачно скользнули по полотну, — не обладая протекціей, въ Лондонѣ нельзя продать ни одной картины... у насъ приобретаются лишь картины модныхъ художниковъ.

— Печально, но вѣрно, — отвѣтилъ князь, — но, будьте любезны сказать, сколько получаете вы за эту работу отъ мистера Барринга?

— По два шиллинга въ день, — сказалъ художникъ.

— Какъ? — виѣ себя отъ изумленія воскликнулъ Ренингъ, — вы зарабатываете въ день столько, сколько получаетъ за два часа работы простой маляръ!

— Что дѣлать! Я — боленъ, у меня легочная болѣзнь, у меня шла кровь горломъ, вотъ и перебиваюсь какъ Богъ дастъ! Я радъ, что у меня хоть эта работа имѣется.

— Да, но согласитесь сами, что работая при этихъ условіяхъ, вы этимъ портите здоровье ваше еще болѣе. Скажу безъ лести, что человекъ, способный подобно вамъ, копировать и стиль и самую подпись Рембрандта, стоитъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ фунтовъ стерлинговъ въ день. Скажите, другъ мой, сколько такихъ картинъ изволили вы смастерить для мистера Барринга?

— Простите, сэръ... сэръ, — запинаясь и путаясь отвѣтилъ смущившійся отъ такого непосредственного вопроса художникъ, — я... я не помню по какому праву задаете вы мнѣ подобнаго рода вопросы... къ тому же, милостивый государь, я вѣдь не знаю, какими образомъ вы попали сюда, мнѣ доподлинно извѣстно, что магазинъ былъ замкнутъ мистеромъ Баррингомъ; онъ же долженъ былъ, по обыкновенію, утромъ его же и открыть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—51).

Ренинъ отвѣтилъ не сразу: откинувъ кашпшонъ своего непромокаемаго плаща, онъ опустился на одно изъ цѣнныхъ рѣзныхъ креселъ, предварительно полюбовавшись имъ, послѣ чего тщательно, не торопясь раскурилъ сигарету, вынутую изъ драгоценнаго золотого портсигара, самый-же портсигаръ протянулъ своему другу Чарли Бранду.

— Вы совершенно правы, удивляясь, какимъ образомъ проникъ я сюда, — произнесъ онъ, наконецъ, — хотя, съ другой стороны, вопросъ вашъ совершенно безцѣленъ.

— То есть, какъ это безцѣленъ? — удивился художникъ.

— Да хотя бы потому, — возразилъ Ренинъ, — что, вы, доподлинно зная, что дверь была замкнута, должны были понять, что я не былъ-бы въ состояніи войти сюда, не откнув-

ши двери. Если же я фактически здѣсь, то это значитъ, что я дверь откнулъ, а такъ какъ ключей мистера Барринга у меня не оказалось, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи собственныхъ, такимъ образомъ, я такъ сказать, пробрался сюда.

— Ради Бога, — пролепеталъ смертельно поблѣднѣвшій художникъ, — зачѣмъ явились вы? Поймите, что если-бы теперь сюда явился мистеръ Баррингъ, онъ несомнѣнно крикнулъ бы полицію!

— Зачѣмъ позоветь мистера Барринга полицію? — невозмутимо осѣдломился Ренинъ, — не для того-же, чтобы послѣдняя узнала, что здѣсь фабрикуется дивныя фальсификаціи? — Вы правы, — прошепталъ художникъ.

— Ага, — продолжалъ Ренинъ, — значитъ вы сами видите, что ни я, ни иной, кому пришла-бы фантазія

пробраться сюда, буквально ничѣмъ не рискуя-бы. Мнѣ, положительно, не понятна глупость мистера Барринга: ну, зачѣмъ ему страховаться отъ взлома, зачѣмъ платить ночнымъ сторожамъ? Если всѣ древности, находящіяся здѣсь, такъ-же цѣнны, какъ „Рембрандъ“, то нужно быть очень глупымъ воромъ, чтобы соблазниться ими. Довольно объ этомъ. Вы слушайте меня внимательно, юный другъ мой; отъ отвѣта вашего будетъ зависѣть многое для васъ. Итакъ, скажите мнѣ: сколько картинъ фальсифицировали вы здѣсь?

— Это трудно опредѣлить, — пролепеталъ онъ.

— Ну, дюжина?

Художникъ пожалъ плечами.

— Нѣсколько дюжинъ?

— Да, сэръ!

— И всѣ проданы?

— Отчасти; дѣй изъ нихъ попали въ здѣшній музей.

— У кого остальныхъ?

— У торговцевъ художественными произведеніями Парижа и Берлина... господа эти составили кружокъ, и кружокъ этотъ продаетъ эти картины.

— И вы единственный фабрикантъ ихъ?

— Да.

— А знаете-ли вы, что васъ необходимо запрятать въ домъ умиленныхъ? Въдѣ вы сумасшедшій? Ваши „издѣлія“ представляютъ собою огромную цѣнность, они сбываются по колоссальнымъ цѣнамъ, а вамъ, я въ томъ убѣжденъ, не на что купить себѣ приличнаго костюма...

Съ этими словами онъ подошелъ къ огнеупорному шкафу, который онъ, при помощи тѣхъ-же отмычекъ, открывшихъ ему доступъ въ магазинъ, тутъ-же и откнулъ.

— Ради Бога, — возмолвилъ художникъ, — скажите, что намѣреваетесь вы сдѣлать? Не губите меня! Въдѣ мистеръ Баррингъ заподозритъ меня въ воровствѣ.

— Не говорите глупостей, — остановилъ его Ренинъ, — заподозритъ васъ могъ-бы только дуракъ, а не такой опытный мошенникъ, каковъ мистеръ Баррингъ... Вотъ пачка поддѣланныхъ нашимъ щедрымъ покровителемъ, а вотъ и чековая книжка... потрудитесь скопировать подпись Барринга, подисавшись за него на чекахъ... (Продолж. слѣдуетъ).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—52).

— Этого я сдѣлать не въ состояніи, — прошепталъ художникъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ придется переѣхать на житьельство въ тюрьму, такъ какъ я не премину заявить полиціи о томъ обманѣ и мошенничествѣ, который практикуется вами совмѣстно съ мистеромъ Баррингомъ.

— Возьмите, — сказалъ тяжело дыша молодой художникъ, исполнивъ то, чего требовалъ отъ него незнакомецъ, — возьмите... въ вашихъ рукахъ мой позоръ.

— Поддѣлка на чековой книжкѣ не есть вашъ позоръ, — возразилъ Ренинъ, — вы сдѣлали это по принужденію... Дайте мнѣ свой адресъ, надѣюсь, что сумѣю сдѣлать что-либо для васъ. Съ этими словами онъ снова заперъ несорасеяемый шкафъ, предварительно положивъ на прежнее мѣсто чековую книжку.

— Нельзя-ли узнать, кто вы? — робко осѣдломился художникъ, на абу котораго выступили крупныя

капли пота.

— Имени моего вамъ и не надо было-бы знать, — возразилъ Ренинъ, — но, желая пойти вамъ на встрѣчу, я открою вамъ свое имя: я — князь Ренинъ, тотъ таинственный лордъ Варингтонъ, о которомъ такъ много говорятъ въ вашей столицѣ.

Удивленію художника не было границъ. Онъ какъ-бы забылся на минуту, а опомнившись, увидѣлъ, что таинственный князь исчезъ...

Заслышавъ приближающіеся шаги ночного сторожа, Ренинъ быстро подошелъ къ дверямъ магазина.

— Алло, сэръ Іонасъ, — окликнулъ его блюститель тишины и порядка, — неужели-же вы каждую ночь работаете? Въдѣ это вредно для вашего здоровья... ложитесь-ка спать...

— Ничего, — отвѣтилъ художникъ, расквашившись, — я намѣреваюсь взять отпускъ, тогда и отдохну... скажите, не замѣтили-ли вы у дверей магазина двухъ мужчинъ, одѣтыхъ въ непромокаемые плащи?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ сторожъ, —

а что? Одно могу съ увѣренностью сказать, что замокъ въ порядкѣ.

— Спасибо, — сказалъ художникъ... вернувшись къ мольберту, онъ глубоко задумался... тонкій ароматъ сигары Ренина, да пепель на полу, только и свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь имѣлъ мѣсто дѣйствительный, реальнѣйшій фактъ.

ГЛАВА XIII.

Фабрикантъ.

Имѣя надобность переговорить съ явившейся въ полицейское управленіе дамой, инспекторъ Бэкстеръ выпроводилъ свою „правую руку“, иначе говоря, своего помощника Маргольма, прозваннаго „Клопомъ“.

— Прежде всего, миссъ Принсъ, — заговорилъ инспекторъ, — необходимо, чтобы никто о состоявшемся соглашеніи не зналъ... вы — единственная личность, которой я признаю, что мнѣ, положительно, не удастся изловить мнимаго лорда Варингтона. Прослышавши о вашихъ успѣхахъ, я рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ вамъ, твердо надѣясь, что вамъ удастся напастъ на точный слѣдъ.

— Можете быть увѣрены, г-нъ инспекторъ, что мнѣ безусловно удастся поймать таинственнаго лорда, — отвѣтила женщина-сыщикъ.

— Желаю вамъ успѣха, — нѣсколько неуверенно сказалъ Бэкстеръ.

Тотчасъ-же по уходѣ миссъ Принсъ, въ кабинетъ инспектора вошелъ „Клопъ“ — Маргольмъ.

— Если произойдетъ что-либо важное, то предупредите меня по телефону, — сказалъ начальникъ, вставъ изъ-за стола и собираясь уходить. Лишь только онъ исчезъ за дверьми, какъ его примѣру послѣдовалъ и Клопъ, но въ дверяхъ столкнулся съ невѣроятно-толстымъ господиномъ.

— А мистеръ Симсонъ, честь имѣю кланяться, — привѣтствовалъ Клопъ вошедшаго въ кабинетъ фабриканта Симсона, котораго онъ зналъ лично съ давнихъ поръ. — Будьте любезны сказать, зачѣмъ изволили пожаловать?

— По весьма странному, необыкновенному дѣлу, — прихрипѣлъ жирный фабрикантъ, — да, по весьма необыкновенному. Нужно вамъ сказать, что у меня вчера дожижена табакерка съ накладнымъ рубиновымъ имениемъ „Неронъ“ на крышкѣ... Эта рѣдкая драгоценность, находившаяся въ коллекціи императора Нерона, была приобретена мною на прошлой недѣлѣ у антикварія Барринга, который тутъ же выдалъ мнѣ удостовѣреніе въ подлинности проданной мнѣ вещи... вотъ я и являюсь вылавливать о крадѣ.

(Продолж. слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-93)

— Послушайте, — перебил его Маргольмъ, — не вздумали-ли вы морочить меня? Портсигаръ императора Нерона? Его украли! Да это невозможно, т. к. такового и въ наличности не имѣется...

— Какъ? Что? — возмущился упитанный фабрикантъ, — не имѣется? Не существуетъ? Да позвольте же мнѣ это лучше знать, вещь эту я считалъ наибольшей достопримѣчательностью всей моей коллекціи античныхъ вещей!

— Великолепно! — расхохотался Маргольмъ, — значить вы серьезно полагаете, что Неронъ курилъ сигареты? Не знаете-ли вы, кстати, и фирмы, доставлявшей ему ихъ?

— Представьте себѣ, что знаю, — возразилъ фабрикантъ, — ибо самымъ достопримѣчательнымъ этой рѣдкой вещи было то, что въ ней сохранилась египетская сигаретка, послѣдняя изъ оставшихся со времени императора Нерона.

«Клопъ» отступилъ отъ фабриканта на почтительное разстояніе.

— Скажите, почтеннѣйшій, — осведомился онъ, — не страдали-ли вы когда-нибудь бѣлой горячкой или вообще какой-либо иной болѣзью мозга?

— Я васъ не понимаю, — сказалъ мистеръ Симсонъ, — до сего времени я не страдалъ вышеуказанными болѣзнями... я здоровъ какъ рыба въ водѣ, при чемъ не могу не признаться, что мысль о томъ, что какой-нибудь мерзавецъ теперь куритъ послѣднюю сигарету императора Нерона — приводитъ меня въ изступленіе!

— Ради Бога! — возмолвился «Клопъ» — подождите съ этимъ до возвращенія вашего домой; скажите мнѣ лучше названіе фирмы, отъ которой приобретена эта «послѣдняя сигарета».

— «Египетъ», — совершенно серьезно пояснилъ фабрикантъ, — причемъ названіе это было напечатано по-гречески на бумажномъ мунштукѣ сигаретки.

— Что? — расхохотался Клопъ, —

имя это было на-пе-ча-та-но? На сколько мнѣ извѣстно, во времена Нерона не было типографій, печатное дѣло было совершенно неизвѣстно, да къ тому же не было и табачныхъ фабрикъ...

— И не смотря на это, я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, подтвержденіе чего могу представить вамъ удостовѣреніе мистера Барринга, антикварія... разумѣется лишь въ томъ случаѣ, если вы умѣете читать латыни, — окончательное разсвѣдѣлъ Симсонъ.

— Латыни я не знаю, — возразилъ Клопъ, — но я удовольствуюсь тѣмъ, что вы мнѣ прочтете удостовѣреніе.

— Я, къ сожалѣнію, тоже не знаю латыни, — заявилъ фабрикантъ, — но мистеръ Баррингъ, при посредствѣ котораго я купилъ табакерку у бывшей артистки, миссъ Бэтси Гартвикъ, подтвердитъ вамъ содержаніе документа.

— Какъ зовутъ особу, у которой вы приобрѣли папиросницу?

— Миссъ Бэтси Гартвикъ! — Гартвикъ? — разсвѣдѣлъ Клопъ, — особа эта — брюнетка? Не правда-ли?

— Да!

— Ей, приблизительно, лѣтъ 35?

— Да — возразилъ фабрикантъ, — вы, видимо, знаете особу, о которой я говорю.

— Погодите, — сказалъ Клопъ, — я покажу вамъ ея карточку, — и, позвонивъ, приказалъ дежурному по-листому принести изъ альбома преступниковъ карточку подъ № 3874.

— Вы, видимо, большой любитель древностей? — возобновилъ разговоръ Клопъ, котораго вся исторія съ портсигаромъ начала забавлять.

— Я извѣстенъ какъ коллекционеръ, — подтвердилъ мистеръ Симсонъ, — домъ мой наполненъ рѣдкостями. У меня имѣются и настоящіе Рубенсы, Ванъ Дейки, Рембрандты, Францы Гальсы, имѣются рѣдкія золотыя вещи, античная мебель, дивныя ковры.

Въ это мгновеніе въ кабинетъ вошелъ посланный за портретомъ миссъ Бэтси полисменъ.

— Вы правы: это она! — воскликнулъ мистеръ Симсонъ, взглянувъ на предъявленный ему портретъ, — но какимъ образомъ попала карточка къ вамъ?

— Очень просто, — разсвѣдѣлъ Клопъ, — особа эта, очень популярная въ полицейскомъ управленіи личность, это — авантюристка, надѣлавшая намъ не мало хлопотъ... Нелзя не признавать, что она очень ловка и хитра, благодаря чему до-во увертывается отъ насъ...

(Продолж. слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-94)

Можно съ увѣренностью сказать, что единственная ея слабость заключается въ имени «Бэтси», съ которымъ она не разстается и которое, очевидно, считается ею чѣмъ-то вроде талисмана. Надѣюсь, что теперь вы не сомнѣваетесь въ томъ, что стали жертвой правильно-организованной шайки мошенниковъ, имѣющихъ во главѣ антикварія Барринга и миссъ Бэтси; такъ или иначе, но нельзя не согласиться, что все это крайне остроумно и тонко, а потому, советую вамъ не выносить сора изъ избы, ибо иначе вамъ пришлось-бы перенести не только ущербъ и убытокъ его, но и цѣлый фонтанъ намышекъ... каждый болѣе или менѣе здравомыслящій человекъ пойметъ, что подобнаго портсигара никогда не было, нѣтъ и не будетъ...

— Могу васъ увѣрить, что вы ошибаетесь! — воскликнулъ пострадавшій, — я заплатилъ за портсигаръ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, а за сигарету двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ... это не шутка; возвратишему мнѣ мои вещи, я предлагаю награду въ размѣрѣ пятидесяти фунтовъ.

— Ладно, посмотримъ, — сказалъ Клопъ.

Когда протоколъ былъ составленъ и подписанъ, мистеръ Симсонъ бокомъ протиснулся изъ дверей кабинета и удалился.

Изъ управленія онъ поѣхалъ къ «черной Бэтси».

— Что съ тобою, голубчикъ? — осведомилась послѣдняя, замѣтивъ, что покровитель ея чѣмъ-то недоволенъ.

— У меня украли мою папиросницу, — мрачнымъ тономъ отвѣтилъ фабрикантъ, — ту... любимую, которой я дорожилъ какъ археологической рѣдкостью.

— Ерунда, — разсвѣдѣла Бэтси, — вовсе она не украдена; я сама видѣла какъ ты вчера вечеромъ заперъ ее въ лѣвый ящикъ письменнаго стола.

Фабрикантъ сразу такъ и засіялъ.

— Вѣрно, вѣрно! — воскликнулъ онъ, — а я-то, дуракъ, забывъ объ этомъ, помчался въ полицейское управленіе, гдѣ сдѣлалъ заявленіе о кражѣ.

Нахлобучивъ цилиндръ, онъ двинулся къ дверямъ и вдругъ, вспомнивъ о чемъ то, вернулся къ ней:

послушай, тамъ, въ управленіе, я сдѣлалъ весьма странное открытіе, разяснить которое должна ты.

— Какое же это открытіе? — нѣжно ласкаясь, спросила она.

— Видишь-ли, — смущаясь и пытая, заговорилъ онъ, — разговаривая съ секретаремъ управленія, я, на вопросъ послѣдняго, кто прина-лежитъ къ числу близкихъ моихъ знакомыхъ, назвалъ тебя, на что онъ объявилъ мнѣ, что ты принадле-жишь къ числу подозрительныхъ личностей... болѣе того: что карточка твоя находится у нихъ...

— Ты, мой милый, золотой дурачекъ! — ласково улыбувшись, произнесла она, — человекъ, показавшій тебѣ мою карточку — маленькій толстякъ, въ теченіе цѣлаго года преслѣдовалъ меня своею любовью, и когда я его «отшила», то пригро-зилъ устроить мнѣ массу неприятностей!

— Ахъ, онъ негодяй этакій! — воскликнулъ наивный фабрикантъ, и стремглавъ полетѣлъ въ полицейское управленіе.

Въ кабинетъ, вмѣсто секретаря Маргольма, онъ засталъ уже сѣмаго инспектора Бэкстера.

— Чѣмъ обязанъ вашему визиту? — сухо спросилъ начальникъ.

— Я пришелъ, чтобы сообщить вамъ, что портсигаръ императора Нерона нашелся, — почти что от-портовалъ фабрикантъ.

— Что нашлось? — переспросилъ инспекторъ, не успѣвшій про-читать

составленнаго Маргольмомъ прото-кола.

— Часа два тому назадъ я былъ здѣсь, — объяснилъ мистеръ Симсонъ, чтобы сдѣлать заявленіе относитель-но пропажи папиросницы императо-ра Нерона... къ счастью она наш-лась...

— Вотъ какъ, — сказалъ инспек-торъ, — и за этимъ вы пожаловали сюда, да безпокоите насъ? — Пред-ставьте себѣ, что если-бъ каждый лондонецъ, запрягавъ свою вещь, являлся бы къ намъ съ заявленіемъ, то намъ пришлось-бы имѣть 10.000 человекъ служащихъ.

Смутившійся какъ ребенокъ, Сим-сонъ быстро выкатился изъ комна-ты, даже позабывъ поклониться ин-спектору.

— У васъ былъ посѣтителъ, г. инспекторъ? — сказалъ черезъ нѣ-сколько минутъ послѣ фабриканта явившійся Клопъ, снимая пальто и вѣшая его на вѣшалку.

— Да, — отвѣтилъ начальникъ, — онъ, видимо, полупомѣшанный.

— А знаете-ли вы, — замѣтилъ Клопъ, — что мы рѣдко такъ сол-дажны во мнѣніяхъ, какъ въ дан-номъ случаѣ? Объ этомъ субъектѣ не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній: онъ, дѣйствительно, по-лу-умный!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—96)

ГЛАВА XV.

Ступень священной лѣстницы.

— Скажи мнѣ, откровенно, Сергѣй, не сошелъ-ли ты и на самомъ дѣлѣ съума? — осведомился Чарли Брандъ, увидѣвъ патрона своего раннимъ утромъ слѣдующаго дня во дворѣ занимаемаго ими особняка за весьма страннымъ занятіемъ: онъ, безъ сюртука, подпоясанный передникомъ, выпивалъ изъ лежавшей предъ нимъ лѣстницы одну ступень-перекладину.

— Ничуть, — разсмѣялся Ренинъ.

— Позволь, — возразилъ Чарли Брандъ, — развѣ нормальный человѣкъ станетъ новую лѣстницу распилывать на части? Вѣдь топлива намъ хватить на долго.

— Да я не спорю объ этомъ, — отвѣтилъ Ренинъ, — мнѣ однако, нужны не дрова, а перекладина, сту-

пень, дубина — что-ли, но дубинка цѣною въ 20.000 фунтовъ стерлинговъ.

— Ты начинаешь тревожить меня, Сергѣй.

— И совершенно напрасно, милый другъ, — отвѣтилъ послѣдній.

Выпиливъ нужную палицу и переодѣвшись, Ренинъ поѣхалъ въ сопровожденіи своего друга и помощника Чарли Бранда къ ювелиру, гдѣ выбралъ массивный золотой ящикъ, отдѣланный внутри бархатомъ.

Уложивъ палицу-ступень въ золотой ящикъ, онъ отправился къ мистеру Симсону, который сіяя принялъ драгоценную реликвию.

— Послушай, Сергѣй, — сказала Брандъ, сидя въ экипажѣ рядъ-мъ съ Ренинымъ и мчась домой, — теперь я понялъ, что не ты умалишенный, а милѣйшій фабрикантъ; не подлежить ли малѣйшему сомнѣнію, что человѣкъ этотъ страдаетъ ост-

рымъ разжиженіемъ мозга!

— Ты правъ, — расхохотался Ренинъ, — иначе нельзя назвать чело-вѣка, покупавшаго портсигаръ Нерона и ступень лѣстницы, что снилась св. Іакову?

Брандъ такъ и покатился.

— Господи, — простоналъ онъ, — вотъ ужъ и не полагалъ я, что на самомъ дѣлѣ существуютъ подобные дураки.

— Представь себѣ, что ихъ гораздо больше, чѣмъ ты полагаешь, — отвѣтилъ Ренинъ.

Продавъ „Мурильо“ за 25.000 фунтовъ стерлинговъ антикварію и получивъ по подложному чеку мистера Барринга 8.000 фунтовъ, Ренинъ, сопровождаемый Чарли Брандомъ, вернулся въ элегантный особнякъ своей въ наилучшемъ настроеніи.

Тѣмъ временемъ, преисполненный гордости и восторга мистеръ Симсонъ помчался съ „вѣнцомъ своей коллекціи“, — такъ называлъ онъ приобретенную палицу-реликвию, — къ чернышкѣ Бэтси.

— Я, кажется, начну сомнѣваться въ умственныхъ твоихъ способностяхъ, — расхохоталась она при видѣ уложенной въ драгоценный ла-рець дубинки, — неужели-жъ ты не

понимаешь, что это — обыкновенный кусокъ дерева, простая дубинка!

— Ты ничего не смѣялся, — сказала фабрикантъ обиженнымъ тономъ, а Бэтси тѣмъ временемъ обдумывала, слѣдуетъ-ли ей открыть глаза другу и покровителю своему на мнимого лорда Варингтона, но тутъ же рѣшила, что это по меньшей мѣрѣ преждевременно, а потому умолчала.

Фабрикантъ только что собрался уходить, какъ появившаяся камеристка вручила своей госпожѣ маленькую визитную карточку, съ лаконической на ней надписью „миссъ Принсъ“.

Не взирая на густой слой румянъ, Бэтси смертельно поблѣднѣла.

— Будь любезенъ, — сказала она съ обворожительнѣйшей изъ своихъ улыбокъ, протягивая своему влюбленному покровителю унизавшую драгоценными кольцами руку, — поѣзжай домой. Ко мнѣ прѣехала подруга... и, — присовокупила она, кокетливо прищурившись, — мы, дамы, не любимъ, чтобы намъ мѣшали, когда мы заняты обсужденіемъ нашихъ „бабыхъ“ вопросовъ!

(Продолж. слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—95)

ГЛАВА XIV.

Знатки и цѣнители.

Въ сказочно-роскошномъ особнякѣ миллионера-фабриканта Симсона собралось большое, разнообразное общество, явившееся съ цѣлью полюбоваться новымъ цѣннымъ приобретеніемъ гостепріимнаго хозяина портсигаромъ императора Нерона — и сохранившейся въ ней сигареткой съ вытисненной на ней золотомъ греческой надписью „Египетъ“.

Среди удивлявшихся и восхищавшихся друзей мистера Симсона одинъ только лордъ Варингтонъ-Ренинъ, не вѣривъ дикимъ повѣствованіямъ хозяина дома.

Любуясь драгоценной коллекціей мистера Симсона, Ренинъ вдругъ заявилъ, что почтѣннѣйшій хозяинъ неправъ, утверждая, что обладаетъ самой цѣнной коллекціей древностей въ Лондонѣ.

— Позвольте, — вломился въ амбицію мистеръ Симсонъ, — это очень интересно... но, сильно сомнѣваюсь, чтобы имѣющіеся у васъ древности были болѣе цѣнны и рѣдки нежели мои.

— Безусловно! — возразилъ Ренинъ, — изъ многочисленныхъ моихъ путешествій по Европѣ, главнымъ же образомъ по востоку, я успѣлъ привезти коллекцію несравненно болѣе драгоценную, нежели ваша папиросница императора Нерона.

У меня, напримѣръ, имѣется зонтикъ Египетской царицы Клеопатры, зубочистка праотца Авраама и, наконецъ, какъ вѣнецъ всѣхъ рѣдкостей — единственная имѣющаяся ступень изъ лѣстницы св. Іакова. Надѣюсь, господа, что вы помните библейское сказаніе о лѣстницѣ Іакова, которая спускалась съ неба до самой земли, а затѣмъ и согласитесь съ тѣмъ, что такая, можно сказать, реликвию куда большая рѣдкость, нежели всѣ портсигары императора Нерона выѣстъ взяты.

Противъ такого аргумента никто спорить не рѣшался, а фабрикантъ такъ и разгорѣлся.

— Послушайте, — присталъ онъ къ лорду, — я задался мыслію быть первымъ въ Лондонѣ обладателемъ драгоценныхъ коллекцій, продайте мнѣ обломки доисторической лѣстницы!

— Отъ продажи такой вещи я принужденъ уклониться, хотя-бы въ силу религиозно-нравственныхъ побужденій, — сказалъ Ренинъ, — но, — присовокупилъ онъ послѣ минутной паузы, — желая пойти навстрѣчу вашей просьбѣ, я не прочь промѣнять вышеупомянутую реликвию на какой-нибудь достопримѣчательный предметъ вашей коллекціи, хотя-бы на эту, вотъ картину, — сказала онъ указывая на великолѣпнаго, подлиннаго, „Мурильо“, цѣна которому была по меньшей мѣрѣ 20.000 фунтовъ стерлинговъ.

Соглашеніе состоялось. Ренинъ обязался на слѣдующій же день прислать заключенную въ золотой ящикъ часть знаменитой лѣстницы, взаменъ коей долженъ былъ получить картину.

Покончивъ съ этимъ животрепещущимъ вопросомъ, гостепріимный хозяинъ пригласилъ своихъ гостей въ концертный залъ, гдѣ предстояло насладиться пѣніемъ знаменитой пѣвицы.

При входѣ въ залъ Ренинъ остановился словно вкопанный: близъ дивана концертнаго рояля сидѣла, одѣтая въ роскошный парижскій розовый балый туалетъ, „чернышкѣ Бэтси“. Въ этотъ вечеръ мистеръ Симсонъ впервые рѣшился пригласить къ себѣ свою возлюбленную на вечеръ, назвавъ ее леди Мельвиль.

Никто, кромѣ Ренина не чуживъ

что за опасная авантюристка скрывается подъ громкой кличкой англійской леди.

Стоило ему лишь показаться, какъ она тотчасъ же узнала его.

— Очень рада видѣть васъ, лордъ, — приветствовала она Ренина, представивъ ей въ качествѣ лорда Варингтона, — но, по правдѣ сказать, я не допускала мысли, чтобы вы рѣшились перешагнуть порогъ дома вашей жертвы.

— Позвольте, сударыня, — возразилъ Ренинъ, — я, положительно, не понимаю о чемъ вы говорите.

— Не пытайтесь лгать, — остановила его Бэтси, — я васъ узнала въ тотъ моментъ, когда вы вошли въ залу.

— А я узналъ васъ крошка-Бэтси, — съиронизировалъ Ренинъ, — не пытайтесь и вы поднять скандалъ, такъ какъ вы же попали въ въ большую передрагу, нежели я, если-бы здѣшнее „избранное“ общество, вдругъ, узнало-бы, что леди Мельвиль никто иное, какъ страстно-желанное для полицейскаго управленія существо, карточка коего имѣется подъ № 3874 въ мѣстномъ альбомѣ преступныхъ типовъ.

— Ну, погодите, — прошипѣла въ негодованіи Бэтси, — пусть будетъ такъ... но, помните, я дождусь надѣждающаго случая, чтобы жестоко отомстить вамъ.

(Продолж. слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—97).

Увидѣвъ въ гостиной „подругу“ черненькой Бэтси, фабрикантъ кубаремъ выкатился на лѣстницу: видъ уродливой женщины приводилъ его въ содраганіе, а миссъ Принсъ, американская женщина-сыщикъ, была, дѣйствительно, на рѣдкость некрасива. Осмотрѣвъ въ лорнетъ роскошную обстановку гостиной, послѣдняя перевела взоръ свой на обитательницу ея.

— Дивный костюмъ вашъ, миссъ Бэтси, указываетъ на огромныя средства, которыми вы, видимо, обладаете.

— Средства, которыми я обладаю въ настоящее время, васъ, миссъ Принсъ, ни въ какомъ отношеніи не могутъ касаться, — надменно отвѣтила Бэтси, — т. к. представляются они мнѣ моимъ другомъ.

— Мнѣ это извѣстно, — возразила миссъ Принсъ, — извѣстно также, что въ настоящее время вы не со-

стоите подъ судомъ или слѣдствіемъ, но, — тутъ она сдѣлала паузу, желая помучить слишкомъ зазнавшуюся авантюристку, — вы знаете, что прежнія ваши дѣлишки оставили по себѣ слишкомъ дурную память, а потому... впрочемъ, успокойтесь, Бэтси, — вдругъ перемѣнила она тонъ, увидѣвъ, что молодая женщина въ изнеможеніи опустилась на стулъ, — я явилась къ вамъ не для того, чтобы арестовать васъ, а чтобы получить отъ васъ необходимыя мнѣ свѣдѣнія, а также за вашими содѣйствіемъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, миссъ Принсъ, — прошептала Бэтси еле слышнымъ голосомъ.

— Дѣло касается Ренина, — сказала сыщица, — не знаете-ли вы мѣстожителѣства его въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Гм... не знаете, — повторила миссъ Принсъ, — а не имѣли-ли вы случая гдѣ-либо видѣть его?

— Я встрѣтилась съ Ренинымъ въ домѣ возлюбленнаго моего мистера Симсона, гдѣ онъ бываетъ подъ вымышленнымъ именемъ лорда Варингтона.

— И это правда? — спросила миссъ Принсъ, исподлобья глянувъ на свою собесѣдницу.

— Да, правда, — отвѣтила послѣдняя, — я сама разговаривала съ нимъ, мы другъ друга узнали сразу, хотя ничѣмъ не выдали себя присутствующихимъ.

— Почему не извѣстили вы объ этомъ полицію? Вамъ вѣдь извѣстно, что за поимку Ренина предлагаютъ 40.000 ф. стерлинговъ... почему бы вамъ было не заработать такую внушительную сумму?

— Вы правы, — отвѣтила Бэтси, — но я хотѣла выждать болѣе удобнаго момента, чтобы отомстить Ренину, съ которымъ у меня старыя, личные счеты!

— Я знаю, что вы ненавидите его, а потому-то я и явилась, чтобы совмѣстнo съ вами изловить этого ловкаго и умнаго господина. Не можете-ли вы по телефону извѣстить меня, когда Ренинъ снова явится къ вашему возлюбленному? Я тотчасъ же его и арестую.

— Хорошо, — сказала Бэтси, —

будьте любезны записать мнѣ № вашего телефона, да, кстати, будьте по вечерамъ дома и ждите извѣстій.

— Великолѣбно, — воскликнула, радостно потирая себѣ руки, сыщица, сидя въ кѣбѣ: арестъ князя Ренина будетъ вѣнцомъ моего творчества!

ГЛАВА XVI.

Тревога.

— Скажи, Сергѣй, ты и на самомъ дѣлѣ собираешься нынче на вечеръ къ фабриканту Симсону? — спросилъ одѣвавшійся въ этотъ моментъ фракъ Ренина другъ и помощникъ его, Чарли Брандъ.

— Разумѣется. Развѣ можно пренебрегать такимъ солиднымъ покупателемъ? Болѣе нежели убѣжденъ, что я у него заработаю болѣе нежели полученные мною за простой деревянный брусокъ 25.000 фунтовъ стерлинговъ. Очень возможно, что я ему сегодня-же предложу сорванный у меня въ саду листокъ плюща, какъ древнѣйшую часть дамскаго туалета.

— Ты, я вижу, весело настроенъ, — сказалъ Чарли Брандъ, — тогда какъ меня не оставляетъ странное предчувствіе, что съ тобою случится въ домѣ фабриканта кака-я-нибудь неприятность. (Продолж. слѣдуетъ)

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—98).

— Взоръ, — возразилъ Ренинъ, — меня не тревожатъ никакія предчувствія... наоборотъ, я предвижу возможность на славу пожить. Вспомни, что на званомъ вечерѣ этомъ будутъ такіе толстосумы какъ мясникъ-оптовикъ, хлѣбникъ, фабрикантъ „лучшей въ мірѣ“ ваксы, любящіе украшать себя драгоценностями и имѣющіе при себѣ туго-набитые бумажники.

Типы эти не прочь сыграть въ какую-нибудь азартную игру „высокаго давленія“ — т. е. по крупной, предварительно снявъ при этомъ, словно простые мастеровые, свои фракы и смокинги. Играютъ они съ такимъ видомъ, будто фунты и сотни фунтовъ стерлинговъ не имѣютъ въ ихъ глазахъ рѣшительно никакой цѣны... кромѣ того у черной Бэтси мѣшается подарочекъ идиотскаго фабриканта — бриллиантовое ожерелье такой высокой марки, что любая

королева могла-бы имъ гордиться... такъ вотъ, милый Чарли, я нахожу, что всѣхъ этихъ человѣчковъ не только можно, но должно пощипать, хотя бы для того, что-бы раздѣлить избытокъ ихъ между дѣйствительно нуждающимися, которыхъ, къ сожалѣнію, даже въ одномъ Лондонѣ непочатый край.

Украсивъ руку свою дорогимъ бриллиантовымъ перстнемъ и взявъ элегантный, послѣдней моды цилиндръ, Ренинъ опустилъ руку въ карманъ фрака, словно отыскивая въ немъ что-либо.

— Не ищешь-ли ты револьверъ? — спросилъ Чарли Брандъ, — мнѣ кажется, ты оставилъ его въ ящикѣ письменнаго стола.

— Милый другъ, — сказалъ Ренинъ, шутиливо щелкнувъ его по лбу, — помни, что револьверъ часто не только лишній, но и опасный инструментъ.

Есть для нападенія и самооборо-

ны средства и предметы болѣе дѣйствительные, нежели огнестрѣльное оружіе...

— Well, не смѣю спорить. Желая тебѣ всего лучшаго на сегодняшній вечеръ... а самъ буду счастливъ и спокоенъ лишь тогда, когда ты вернешься домой...

Получивъ по телефону извѣстіе о томъ, что на званомъ вечерѣ мистера Симсона будетъ присутствовать и Ренинъ, миссъ Принсъ отправилась къ инспектору Бэкстеру, чтобы условиться относительно подробностей предстоящаго ареста таинственнаго лорда. Бэкстеръ настаивалъ на необходимости окружить особнякъ фабриканта двойнымъ кордономъ полиціи, тогда какъ миссъ Принсъ предлагала произвести арестъ лично, безъ содѣйствія агентовъ, чтобы не дѣлится лаврами близкой побѣды. Послѣ долгихъ пререканій онъ, все-таки, уступилъ. Было рѣшено, что миссъ Принсъ зайдетъ за нимъ и они отправятся подъ видомъ супружеской четы на званый вечеръ.

— Вы, инспекторъ, прекрасно загромировались, — воскликнула она, входя въ частную квартиру Бэкстера, — сходство ваше съ настоящимъ старымъ англійскимъ барономъ поразительно.

— Моей манерой гримироваться восхищаются многіе, — изысканно поклонился польщенный Бэкстеръ, — не могу, въ свою очередь, не выразить вамъ пріятнаго изумленія по поводу вашей неузнаваемости, миссъ Принсъ!

Направившись въ переднюю онъ, вдругъ извинившись предъ своей спутницей, остановился.

— Я забылъ въ саалѣ бѣлыя перчатки... сію минуту я догоню васъ!

Вернувшись въ спальню, онъ быстро подошелъ къ телефону, соединивъ себя съ главнымъ.

— Алло, Маргольмъ, это вы?

Произведите большую тревогу; окружите домъ фабриканта Симсона усиленнымъ нарядомъ полиціи.

— И только? — осведомился Клоппъ?

— Да! — сказалъ Бэкстеръ, — но поторопитесь! Поскорѣй!

Маргольмъ разставилъ 50 чело-вѣкъ полицейскихъ вокругъ дома фабриканта какъ разъ въ тотъ моментъ, когда къ подъѣзду подкатилъ автомобиль съ черной Бэтси, Бэкстеромъ и миссъ Принсъ.

— Что это значитъ? — удивилась сыщица при видѣ двойной цѣпи полицейскихъ. (Продолж. слѣдуетъ)

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—99)

— Я все-таки принялъ некоторую мѣру предосторожности, — смущенно улыбуясь Бэкстеръ и, подойдя къ Клопу, далъ ему нѣсколько дополнительныхъ указаний.

ГЛАВА XVII.

Званый вечеръ.

Одну изъ роскошнѣйшихъ комнатъ сказочно-великолѣпнаго особняка фабриканта Симсона обтянули темно-синимъ бархатомъ, съ вышитыми на немъ золотыми звѣздами. Посреди этой, освѣщенной матовымъ, напоминавшимъ сіяніе луны, свѣтомъ комнаты, стоялъ бѣлый мраморный столъ съ красовавшимся на немъ оригинальнымъ золотымъ ларцемъ, скрывавшимъ въ своихъ недрахъ „брусокъ священной лѣстницы“, — величайшую въ мѣрѣ реликвию.

Когда сгоравшіе нѣтерпѣли

видѣть эту рѣдкость гости заканчивали лужуловскій обѣдъ, въ столовую вошли запоздавшіе гости: миссъ Бэтси, миссъ Принсъ и инспекторъ Бэкстеръ.

— Надѣюсь, вы не будете въ претензіи на меня за то, что я привезла съ собою моихъ добрыхъ друзей, — сказала миссъ Бэтси, обратясь къ хозяйнѣ дома, — позвольте представить вамъ баронета Смитфильда и его супругу.

— Очень радъ, очень радъ, — расшаркался фабрикантъ, питавшій слабость къ всевозможнымъ титуламъ, и тутъ-же сталъ знакомить прибывшую чету со своими гостями. Очередь дошла и до лорда Варингтона, который, вѣжливо поклонившись узанымъ имъ Бэкстеру и миссъ Принсъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжалъ прерванноезаніе — уничтоженіе только что сер-

вированнаго ему фазана.

— Онъ не узналъ насъ, — шепнула миссъ Принсъ Бэкстеру.

— Вы застаете насъ въ очень возбужденномъ, приподнятомъ настроеніи, — сказалъ фабрикантъ мнимому баронету, — нужно вамъ сказать, что я извѣстный въ Лондонѣ коллекционеръ, имѣлъ возможность, благодаря любезному содѣйствію лорда Варингтона, приобрести священный брусокъ исторической лѣстницы св. Іакова.

— Простите, — переспросила, не повѣрившая собственнымъ ушамъ миссъ Принсъ, — но я, кажется, не точно поняла васъ... у васъ брусокъ библейской лѣстницы?

— Да, — подтвердилъ фабрикантъ, — но въ виду того, что это не только рѣдкость, но рѣдкая, драгоценная реликвія, я соорудилъ для нея своего рода кумирню, храмъ...

Миссъ Принсъ тутъ-же рѣшила, что гостепріимный хозяинъ просто на просто дуралитъ, тогда какъ плохъ и смутно помнившій исторію вѣтхаго завета Бэкстеръ проникся вѣрой, что подобная реликвія не только можетъ существовать, но существуетъ и находится во владѣ-

ніи фабриканта Симсона. По окончаніи обѣда, гости, предшествуемые фабрикантомъ, гуськомъ двинулись къ „священной“ комнатѣ и въ религіозномъ восторгѣ окружили мраморный столъ, тогда какъ знаменитый профессоръ музыки заигралъ на гармоніумѣ соответствующій хоралъ.

— Вотъ, священный брусокъ! — провозгласилъ счастливый обладатель бруска, выпившаго изъ лѣстницы Ренина, — смотрите! — при этомъ онъ откинулъ крышу драгоценнаго ларца.

— Что это? Шутка? — шепнула сыщица, наклонясь къ уху черной Бэтси.

— Ничего подобного, — отвѣтила такъ-же послѣдняя, — моему возлюбленному этотъ брусокъ обошелся по крайней мѣрѣ въ 25.000—30.000 фунтовъ стерлинговъ.

— Но это просто невѣроятно, — возразила миссъ Принсъ.

Полубовавшись брускомъ, все общество направилось въ другіе залы, гдѣ гостямъ были показаны другія цѣнности необыкновенной коллекции мистера Симсона, между прочимъ и портсигаръ императора Нерона.

(Продолж. слѣдуетъ).

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—100).

— Не знаете-ли вы, не приобрѣтѣли-ли этотъ портсигаръ отъ Ренина.

— Нѣтъ, его купилъ онъ отъ антикварія Варринга... но мнѣ почему-то кажется, что старая лисица была подослана Ренинымъ; они, вѣроятно, за одно.

— Простите! — воскликнула миссъ Принсъ, — но не могу не сказать, что возлюбленный вашъ — форменный умишленный.

— Прибавьте, какъ всѣ коллекционеръ, — пояснила черная Бэтси.

Одного взгляда Ренина въ открытое окно зала было достаточно, чтобъ увидѣть блестящія дуговицы полицейскихъ мундировъ. Онъ понималъ для кого они были разставлены.

Сохраняя все то-же спокойное, невозмутимое выраженіе лица, онъ подошелъ къ Симсону.

— Окончательно убѣдившись въ томъ, что вы убѣжденный, страстный коллекционеръ, я позволю себѣ показать вамъ рѣдкую драгоценность, имѣющуюся у меня: я говорю о табакеркѣ Наполеона, такъ называемаго — великаго корсиканца. Табакерку эту у него нѣкогда отобралъ знаменитый англійскій генералъ Веллингтонъ.

— Well, — сказалъ фабрикантъ, — но такихъ табакерокъ насчитывается нѣсколько.

— Возможно, — подтвердилъ Ренинъ, — но въ той, что находится у меня, сохранился табакъ, имѣвшій чудодѣйственную силу особенно осязающе дѣйствовать на мозгъ. Говорятъ, что предъ каждымъ сраженіемъ Наполеонъ нюхалъ шепотку этого табаку, и неизмѣнно побѣждалъ.

— Чортъ возьми, — воскликнулъ фабрикантъ, — а вѣдь это интересно... нельзя-ли испробовать дѣйствіе этого необыкновеннаго табака?

— Ну, разумѣется, — отвѣтилъ Ренинъ, — вы сейчасъ изумитесь... табакъ этотъ имѣетъ чудодѣйственное свойство оживлять, такъ сказать, обнѣзлять мозгъ человѣка, да впрочемъ — испробуйте его дѣйствіе сами, господа, — прошу покорѣйше!

— Мы никогда не нюхали табака! — стали отпѣкиваться дамы.

— Это ничего не значить; да къ тому-же это такъ просто; я вамъ насыплю табаку на ладонь, вотъ такъ; а вы хорошенько втяните его въ нозь.

Миссъ Принсъ было запротестовала, но обступившія дамы заставили ее подчиниться общему рѣшенію... Она нехотя покорилась.

Перейдя затѣмъ къ мужчинамъ и угостивъ ихъ шепотками табака, онъ предложилъ всѣмъ разсѣсться въ кресла, чтобъ выждать дѣйствіе табака.

— Меня клонитъ ко сну, — прошептала миссъ Принсъ, и не одна миссъ Принсъ, но и всѣ присутствующіе мало-по-малу стали сначала зѣвать, а затѣмъ и задремали.

— Табакъ, смѣшанный съ морфіемъ, сдѣлалъ свое дѣло, — сказалъ Ренинъ, окинувъ взоромъ зѣвавшее, словно по мановенію волшебнаго жезла, общество, — ранѣе чѣмъ черезъ четверть часа маленькая компания эта не проснется.

(Продолж. слѣдуетъ).

Безплатная премія „СТАРАГО НАРВСКАГО ЛИСТКА“.

ШВЕЙНАЯ МАШИНА

выставлена въ витринѣ магаз. Компаніи Зигеръ, Вышгородская, 21.
(Наровъ окно отъ Ратушкы 21)

ПЛАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

Не спѣша и не волнуясь прошелъ онъ затѣмъ въ темносинюю комнату, вынулъ изъ золотого ящика деревянный брусокъ, который тутъ же принесъ въ залъ и положилъ на колѣни спавшей миссъ Принсъ.

Въ заключеніе онъ вынулъ изъ кармана небольшой листъ бумаги и на немъ написалъ:

„Уважаемый инспекторъ!

Противъ васъ помѣщается давно искомая вами „черная Бэтси“, явившаяся сюда подѣ именемъ леди Мельвилъ. Отъ души поздравляю васъ съ удачей, Шерлокъ-Холмсадой“, отдавшей въ ваши руки такую опасную преступницу.

Искренній привѣтъ отъ

Ренина“.

Прикрѣпивъ вышеприведенную записку къ борту фрака Бэкстера, онъ при помощи имѣвшейся у него коробочки съ гримомъ преобразился въ полицейскаго инспектора, дополнивъ сходство, снявъ съ послѣдняго прицѣпленную бороду и парикъ.

— Куда вы, г. инспекторъ? — озабоченно спросилъ Клопъ, блутонаго улыба-

нувшись, — вы что же это? Спасаетесь?

— Я тотчасъ же вернусь, — отвѣтилъ Ренинъ, — а вы стерегите ихъ!

Спусти всего нѣсколько минутъ къ особняку мистера Симсона причалала добрая полъ-дюжина автомобилей съ репортерами, тѣсно пытавшимися пробраться въ домъ; державшій въ рукахъ карманные часы Клопъ былъ непреклоненъ.

— Ранѣе чѣмъ черезъ три минуты я, съ людьми моими, не смѣю переступить порога этого дома.

По прошествіи назначеннаго срока явившимся въ залъ репортерамъ, Клопу и полицейскимъ представилась безконечно-комическая картина: тараша заspanные глаза, глядя на гости на вошедшихъ, а Клопъ, окруженный репортерами, читалъ записку, прикрѣпленную къ груди Бэкстера — и покатывался со смѣху.

— Я... я не... понимаю, что вамъ угодно господи? — пролепеталъ совершенно ошалѣвшій фабрикантъ, — гдѣ же лордъ Варингтонъ? — присовокупилъ онъ.

Присутствовавшіе словно по командѣ переглянулись — лорда не бы-

ло. Онъ исчезъ.

— Напрасно ищите, — сказалъ Клопъ, — ибо лордъ Варингтонъ, приведшій васъ въ это состояніе, былъ никто иной, какъ знаменитый Ренинъ, котораго вы едва-ли когда-нибудь увидите!

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь отвести душу, окончательно потерявшій голову Бэкстеръ бросился къ черной Бэтси.

— Имнемъ закона арестую васъ! Ей на выручку явился фабрикантъ.

— Вы съ ума сошли! — завопилъ мръ Симсонъ, — какъ осмѣлились вы оскорбить мою возлюбленную? Она — леди.

— Какъ бы не такъ! Она — опасная авантюристка...

— Скажите, — перебилъ его одинъ репортеръ, — нельзя ли узнать, чѣмъ именно усыпилъ васъ Ренинъ.

— Онъ далъ намъ нюхательнаго табаку императора Наполеона I го.

— Ребята, — сказалъ репортеръ своимъ товарищамъ, — а знаете ли,

Ренинъ, дѣйствительно, неподражаемъ! Какая находчивость! Какая изобрѣтательность!

— Позвольте... позвольте, — возбѣленился было мистеръ Симсонъ, — не станете же вы отрицать дѣйствительность того, что это былъ и на самомъ дѣлѣ табакъ Наполеона I-го?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, — поспѣшилъ онъ успокоить фабриканта, — съ вами я вообще не стану спорить, памятуя, — присовокупилъ онъ обращаясь къ товарищу, — какъ опасно противорѣчить умалишеннымъ.

На слѣдующій день утренніе выпуски пестрѣли комическими деталями исторіи о папиросницѣ Нерона, табакѣ Наполеона и, какъ квинтъ-эссенція — о брускѣ изъ лѣстницы св. Іакова.

Лондонъ покатывался со смѣху, а Ренинъ, гениальный лордъ, великій незнакомецъ, снова сталъ героемъ дня.

КОНЕЦЪ.

Роман «Под плащом Сатаны» был впервые опубликован в январе-сентябре 1926 г. в №№ 1 (45) – 36 (80), 38 (82) – 77 (121), 79 (123), 89 (133) – 99 (143), 101 (145), 103 (147) – 104 (148) газеты «Старый нарвский листок». Исходные сканы выполнены библиотекой Тартуского университета.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.